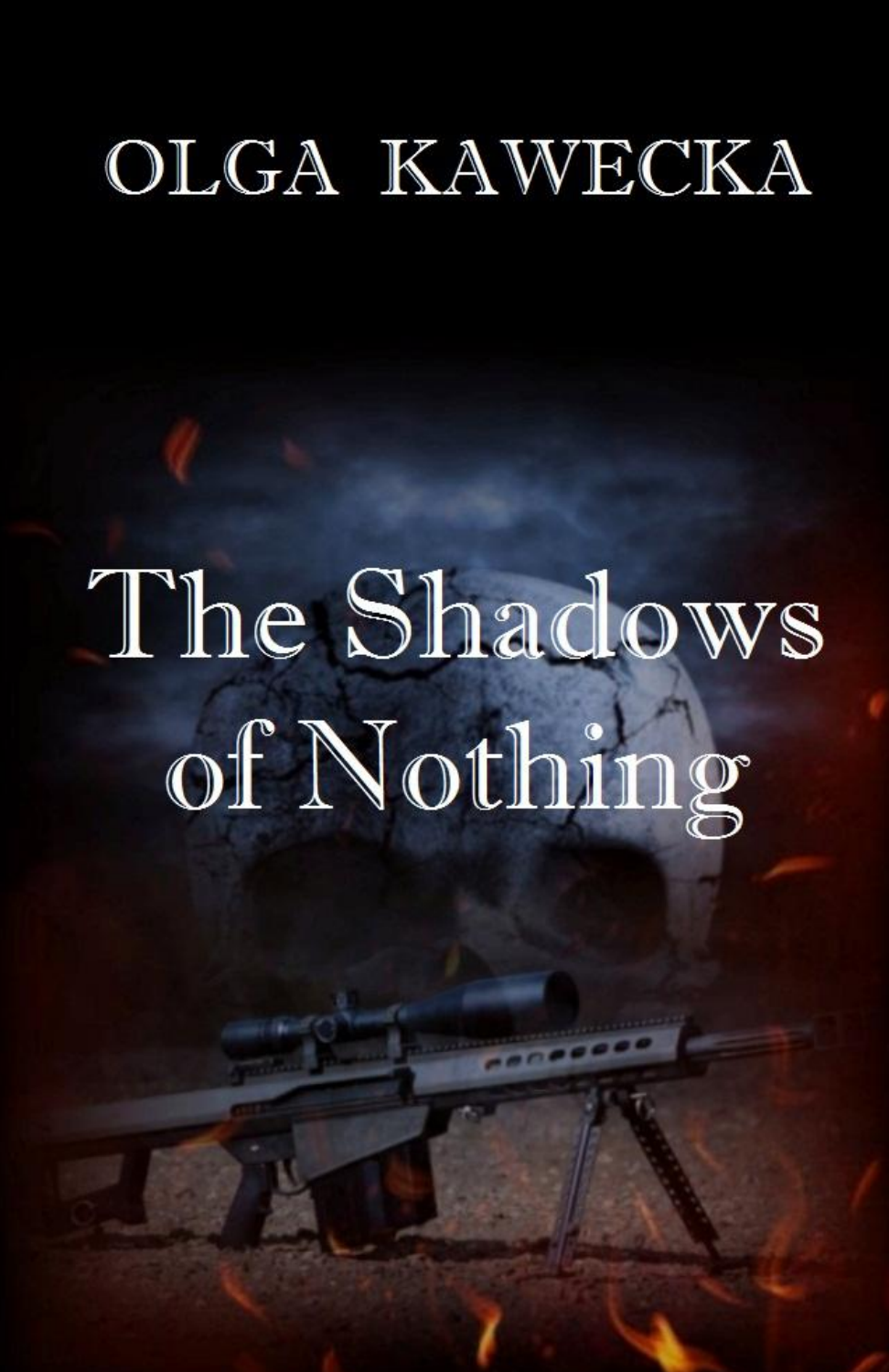
OLGA KAWECKA

The Shadows of Nothing



Olga Kawecka

The Shadows of Nothing

2026

Olga Kawecka, *The Shadows of Nothing*

Published by Fabrika Pechati

Olga Kawecka [Ka'vetska – a Polish surname] (b. 1987) is a historian, translator, poet, and prose writer.

The Shadows of Nothing is a romantic story set against the background of social problems in modern Mexico. The characters are fictional, but parts of their dialogues are quotes from real persons, whom the author communicated with in 2021-2022.

The novel is published in English and Russian (one of the languages that the author speaks).

Text, design, translation, and layout copyright © 2026 by Olga Kawecka

ISBN 978-5-6054739-2-3

Author's Note

In this novel I tell about a grave social problem in modern Mexico – organised crime (cartels). The cause of the problem is poverty, but it is the demand on their "product" that fuels the crime.

I communicated with persons from various organisations. All of them were friendly with me – far more friendly than persons from "normal" society.

Some of my acquaintances are already dead. They continue living in the memories of their friends and in mine.

They and I have something in common: we are unable to retreat. "Fear nothing" and "Never give up" are our mottos.

They inspired me to write this book. The characters are fictional, the background is not.

The aim of my work is to depict the life of a certain category of young people – those who live below the poverty line and *try to survive*.

No one deserves so cruel a fate as that of the persons whom the novel was written about.

September 24, 2022

IN ENGLISH

I

"Today in ... there was a clash between the police and a group of armed civilians..."

Mario turned off the TV in annoyance and tossed the remote control on the sofa. "Armed civilians" were a daily topic. Like swarms of cockroaches, they settled in each corner available to them, multiplied and then sought new habitats. Mario chuckled contemptuously. Were they unable to live decently? To study, to work... Or was their greed for money so strong that they were willing to endanger their lives?

Mario sat at the desk, opened a textbook, and immersed himself in reading. He studied architecture at the university and was in his first year. He was to take an examination soon. Mario wanted to be the best in all subjects: in his opinion, only knowledge guaranteed a successful and prosperous life.

Mario Luis Cárdenas Ortega was born and raised in the picturesque region Tamaulipas, in the north-east of Mexico. He was a quiet, well-mannered young man, who could not be called a typical representative of youth. In contrast to his coevals, Mario enjoyed profound books and lonely walks in nature. He disliked noisy companies; he had no bad habits (for he did not consider such things to be interesting); he was not addicted to

social networks. Serious, well-read, inclined to reflect on the meaning of life, Mario made a good impression on adults, but his peers deemed him to be somewhat rare.

The lad lived with his parents in a cosy house where there was no lack of anything. His father worked as an engineer, and his mother was a teacher. The couple had no other children, and they surrounded their only son with care and love. The parents did everything possible to make Mario happy, but – at the same time – they tried not to spoil the boy.

Mario was raised to be honest and decent; he was instilled with respect for work and knowledge. "The most important thing is studying," the parents taught Mario. "Only a good education will enable you to live with dignity." Mario did not doubt their words.

Knowledge became his cult. His room turned into a library; and the youth preferred the company of books to that of persons. He was neither withdrawn nor timid, but he liked his seclusion, for he considered his coevals to be shallow and boring. In his opinion, he was psychologically more mature than they and therefore he did not share their interests and world-view. He thought himself more cultured, more experienced, more versed in matters of life than those youths fascinated with cars, dances and girls.

Notwithstanding Mario's peculiar nature, at school and at the university he was held in high

esteem – because of his intelligence and good manners (and, of course, because of his noble origin and wealth).

However, Mario had no true friends – only acquaintances, who appeared and disappeared unnoticingly. Or did he himself disappear from their lives? He never felt affection for anyone, nor did anyone feel affection for him. He spent his life alone, in his room-library overlooking a quiet street of rather a quiet city.

"Rather a quiet city": from time to time, in the streets there were clashes between well-armed members of a local cartel and the police. Even military personnel could be seen in the city sometimes. Mario avoided leaving the house late at night and shunned the most dangerous places. Nevertheless, he did not fear much, being sure that nothing bad would happen to him if he was cautious.

Mario himself saw "armed civilians" as they drove in pick-ups through the streets of the city. They resembled soldiers – in camouflage, body armour, and with powerful weapons. Sometimes they put banners upon bridges and buildings to threaten their competitors or to address the population with polite reassuring words. Mafiosi asserted that the war was waged only against their enemies, not civilians. They emphasised that they were *loyal* to the authorities and *did not want* to confront them; but since the police and the military attacked them, they had to respond to.

From time to time, mafiosi distributed food, money, and household items to the poor. Mario regarded their charitable deeds ironically, and he was always perplexed to see crowds lining up before pick-ups to receive their share.

There were many adolescents among criminals. In camouflage, with weapons and a military bearing, they resembled toy soldiers. “Pawns in a foul game,” thought Mario disdainfully. Why were they involved in this? What attracted them? Outward gloss? Money? Illusory power? Mario could not understand them. He knew solely one thing: he would never join their ranks. Better death than such disgrace. Yes, “disgrace”: Mario considered those persons to be rottenness in society – rottenness, which must be eliminated.

Mario did not ponder over causes of that phenomenon – he only watched its consequences despisingly. He dreamt that his country would one day become as idyllic as in films of the Golden Age of Mexican Cinema. Mario was a romantic.

II

Snow-white tulle curtains fluttered slightly in the wide-open window. The noise of cars and the voices of passers-by were heard from the street,

but Mario did not notice anything: he was diligently preparing for the examination, which he intended to pass splendidly. Mario set the bar high for himself in all. He always put much effort and always achieved his goals. His parents were proud of him; his teachers praised him. Knowledge and assiduity were his virtues and advantage.

Wealth was also his advantage. But Mario thought modestly that it belonged to his parents. The house, which he lived in, was inherited from his ancestors. It was large, with spacious rooms, a beautiful terrace and a quiet, well-kept courtyard. The edifice was a symbol of cosiness, prosperity, and peace. Mario felt completely safe there, as though the outer world – with armed civilians, chases and shootouts – remained somewhere afar and could not harm him.

Mario had a good home, loving parents and a promising education: what else could he have dreamt of? However, he felt a vague lack of something, as though a tiny piece were absent in the colourful puzzle of his happy life.

It was a romantic feeling that was absent. Mario was eighteen years old, but he had never loved anyone. All his acquaintances courted girls, some even planned weddings; but he did not feel any serious attraction to the opposite sex – only a fleeting latent curiosity, as though something were frozen in him.

Why was he such? Perhaps, the excess of mental pursuits had made him insensitive and

detached. Or did he not meet the right person?

However, the whole life was before Mario, like a bright and smooth road. The main thing was to go forwards without retreating in the face of difficulties.

Mario would never retreat: he was sure of his courage. Indeed, he must possess great courage to make himself read those voluminous books every day...

Mario raised his head from his textbook and looked out the window. The sun was still high above the horizon, and a merry path of the sunshine fell to his feet, as though inviting him to go for a walk. Mario closed the book and came up to the open window. What a wonderful evening! He must stroll a little.

III

Mario had a favourite nook – a quiet stream in a picturesque grove outside the city. The place was quite close and seemed safe. Mario walked there, intending to swim, to read a book, and to listen to music.

When Mario came to his stream, he saw that he was not alone. Upon the soft sand near the quiescent limpid water, a youth (about eighteen

years old) reclined relaxedly. He wore only green camouflage trousers, a thin gold chain round his neck, and several plain bracelets (or amulets) on his right wrist. His body was slender and well-built; his black hair was damp from swimming; his eyes were closed; his beautiful face with chiselled features expressed peace and tranquillity. Tranquillity imbued his whole graceful yet manly appearance as well as the surrounding nature, of which he seemed to be the lyrical centre.

Mario paused, cogitating whether he should disturb the stranger. Thereafter he decided to seek another place, a little farther away, and tiptoed there.

"Whom are you chasing?" a cheerful crystal voice sounded behind him. Mario jumped in surprise and turned round. The stranger, without changing his posture, gazed at him. He had wonderfully-beautiful eyes – large, expressive, somewhat sad. Mario had never seen such eyes.

"I..." Mario was confused, but he quickly overcame his embarrassment. "I did not want to bother you. I usually swim here, and no one is nearby."

"Well, I shall come here sometimes. We have no such places," the youth said and then looked thoughtfully into the distance, as though forgetting about Mario. The latter walked gingerly to search for another place.

Finding a cosy nook ten metres away from the lad, Mario put his bag upon the ground and began

undressing. The presence of the stranger did not disturb him.

The sun shone through luxurious branches overhead; somewhere birds sang joyfully; the stream shimmered in the sunlight like flowing silver. The water was so clear that one could see every stone at the bottom. Human evil had not reached that corner of virgin nature yet.

Mario entered the cool stream and, after a short pause, gave himself up to the flow. The water pleasantly embraced his body. How much he loved to be there, alone with nature!...

Meanwhile, the stranger continued to rest on the bank. Reclining upon the sand, he watched Mario stealthily. Mario lingered a little more and then came out of the water. Hiding behind a boulder, he dressed unhurriedly, carefully spread a large towel on the sand, took a book, and settled comfortably to enjoy reading.

"Do you like reading?" the same voice sounded overhead, with a hint of surprise. Mario, who did not even have time to find the page that he needed, looked up at the intruder with slight annoyance. The youth stood, leaning gracefully against the boulder, and gazed friendly at Mario.

"Yes, I love reading. Do you find this strange?" said Mario defiantly.

"Not at all," replied the youth quietly. "I wanted to study, too... Books must be interesting."

"What hindered you from studying?" asked Mario indifferently.

“Some circumstances...” the lad murmured to the side and then wondered:

“What is this book about?”

“Poems.”

“Poems?” the stranger was astonished. “You probably write poetry?”

“Yes, I write a little. For myself. However, I hope to become a true poet one day.”

“You are lucky,” the youth uttered somewhat wistfully. He differed from other persons whom Mario knew. He was certainly not a student, but he did not give the impression of being an uneducated peasant either. Mario was intrigued by who the young man was and why he was talking to him. Persons had not taken notice of him when he had read in a park, had strolled in streets, or had rested on the beach. What attracted the stranger?

“What do you do in life?” the youth asked. Mario relented and was willing to converse.

“I am a university student. I study architecture.”

“This is great! But why do you come here alone? Maybe you have no friends?”

“I have several good acquaintances, but I seldom see them. I prefer to be alone – alone with nature.”

“I understand you. Sometimes to be alone with nature is indeed good,” the youth lingered without looking at Mario, thereafter he moved away from the boulder which he was leaning on. “Well, I must go. Maybe we shall see each other again.”

He walked unhurriedly to his belongings left upon the sand. Mario followed him with his eyes. The youth put on a black T-shirt, took his rucksack, glanced at Mario, and waved goodbye to him. Mario overcame his momentary confusion and responded to the youth.

IV

Returning home, Mario examined himself in a mirror for a long time. What had drawn the attention of the stranger? In the mirror Mario could see himself completely. Quite tall, well-built, with fine features and a thoughtful gaze, he was rather comely. His hair, cut simply, was slightly wavy, and he liked this: few persons in his region had similar hair.

Mario could be called beautiful, but beautiful as a marble stature: however exquisite it is, however alive it seems, it only makes an impression of a living person. Such was Mario: he was too detached, too immersed in his thoughts, studies, and plans. His beauty became frozen in marble lifelessness.

How much that youth differed from Mario! Freedom – this was the main impression that he made. He seemed absolutely free – from rigidity, conventions, society, the world, evil... Mario

thought that the stranger resembled cinema characters – courageous, determined, confident persons, who laughed in the face of difficulties, overcame any obstacles, and always achieved their goals. In the past he could have been a great warrior; he might have become a national hero; people would have composed legends about him. He might have lived in the memory of posterity, achieving earthly immortality...

Mario had seen that youth for half an hour, but his poetical imagination completed the stranger's image, endowing him with the qualities that Mario admired.

As to Mario, in him there was something fragile, something almost feminine, notwithstanding his rather masculine appearance, and he disliked this.

That youth was such as Mario wanted to be: he as though had met a better version of himself to realise how imperfect he was.

Mario hoped for their next meeting. The stranger had intrigued him, like the beginning of an enthralling novel. But the youth, perhaps, had already forgotten him. Everyone, who had met Mario, had forgotten him. He attracted attention thanks to his comeliness and intelligence, but any interest in him soon faded. None of his friendships had lasted long: he had turned out to be solely transience. He could be respected, he could be admired, he could arouse curiosity, but no one felt affection for him. Perhaps, did he not deserve

to be loved? Or had he met wrong persons?

For some reason, it seemed to Mario that the stranger could become his friend. Or did Mario idealise him because of his romantic nature?

V

Enchanting chiaroscuro, the finest shimmer of the sun on the crystal water, the peaceful silence, in which birds were singing – this was the primordial harmony, a temple of nature, a sanctuary of God. And he, the imperfect Mario, was in that sanctuary, waiting for a miracle – his mysterious stranger.

The miracle happened: the stranger came.

"Hi!" he said with a friendly smile, approaching Mario, who was sitting in the sun upon the sand.

"Hi!" Mario responded affably, looking contentedly at his new acquaintance.

"Do you read your book again?" the lad wondered, settling upon the sand a metre away from Mario.

"No, I do not read today. I should like to write a book myself, but I doubt that I can manage this," Mario replied somewhat shyly.

"The main thing is not to doubt, and all will be possible," uttered the youth confidently. That day

he was dressed in blue jeans and a matching T-shirt. The same gold chain hung round his neck; on the ring finger of his left hand there was an engraved silver ring; his right wrist was adorned with several plain bracelets and amulets.

"By the way, I do not know your name yet," Mario remarked, glancing sideways at the lad.

"My name is Miguel," the stranger introduced himself politely.

"Nice to meet you. I am Mario."

"Pleased to meet you," smiled Miguel kindly. He was courteous and well-mannered, although he did not seem to be as polished as Mario. He was different in everything, there was something unique yet unfathomable in his personality...

"How was your day?" asked Miguel.

"Fine as always. I was preparing for the exam."

"Do you go anywhere besides this place?"

"I like strolling round the city – in a park or in the streets."

"Perhaps, your life is a little boring?" supposed Miguel. "As to me, I love music, dancing..."

"But you ended up here for some reason," Mario noticed with a faint smile.

"I had some reasons..." Miguel ran his fingers through his hair thoughtfully, as though hiding from Mario. Thereafter he put his hand upon his bent knee and, glancing at Mario, asked him:

"Tell me something about yourself."

This request always embarrassed Mario. "Something" – what?

“I do not even know...” he hesitated. “There is nothing remarkable. I study at the university and still live with my parents, like everyone else.”

“Yes, like everyone else...” Miguel echoed strangely, gazing at the ground.

“What about you?” wondered Mario.

“Nothing interesting at all.”

“Well, some facts about your family, studies, hobbies, friends...” suggested Mario gently.

Miguel laughed softly.

“I live like everyone else,” he repeated the words of Mario. The latter understood that his new friend did not want to speak of himself, and he disliked this.

“I think you distrust me,” said Mario cautiously. “But I am not trying to learn secrets.”

“I do not like telling about my life,” replied Miguel calmly. “In my life there was nothing worthy of mention.”

“Are you so reserved with anyone?”

“With everyone – except my people.”

This phrase seemed strange to Mario.

“What do you mean?” he asked, looking attentively at Miguel.

“I mean my good acquaintances.”

“Have you many friends among them?”

“A person cannot have many *friends*. It is sufficient to have one friend, but a friend who will be with you all your life,” Miguel fell silent and directed his gaze pensively into the distance.

“I think it is impossible,” supposed Mario ske-

ptically.

"All is possible," objected Miguel firmly. "To meet such a person is possible."

"But to maintain friendship is difficult?"

"There are things beyond one's control," Miguel uttered gravely.

"You differ greatly from others," Mario remarked and then added:

"I like this."

Miguel burst out laughing merrily:

"It is funny to hear that someone likes me."

"Why?" wondered Mario. "Do you underestimate yourself?"

"I evaluate myself objectively," Miguel replied, mindlessly adjusting his ring and gazing at the silvery water of the stream.

"You are an unfathomable mystery," said Mario jokingly. He was usually quite reserved, but Miguel made him feel confident and comfortable.

"Your words sound as a compliment," Miguel responded with a faint smile, glancing sideways at Mario. The latter reclined relaxedly upon the soft sand and looked at the clear sky:

"Not at all. I do not know how to give compliments, I only accept them," he purred playfully.

"In the beginning, you mentioned a book," reminded Miguel seriously. "What do you want to write it about?"

"About my life. About its events. About persons whom I meet. I think it would be splendid – to write a book without knowing what will be on

the next page. This is similar to real life."

"Yes, it is splendid not to know..." agreed Miguel pensively.

"And you – do you know what will happen, for example, in a year?"

"I hope I shall be simply alive."

Mario glanced at him in astonishment:

"Why are you so pessimistic?"

"On the contrary," replied Miguel calmly. "I am optimistic. Life is full of surprises."

"Your world-view is too gloomy," Mario stated softly and continued talking instructively like an elder:

"You ought to believe in the good, you ought to see the positive. Life is wonderful! It is full of possibilities; the main thing is to set goals and to strive for them."

Miguel chuckled ironically:

"You ought to enjoy today without reflecting on tomorrow."

"You are wrong," objected Mario gently. "It is necessary to ponder over tomorrow. One creates one's future."

Miguel scooped up some fine sand with his delicate hand and then slowly poured it back, watching the thin trickle run between his fingers:

"Life is like this sand," he uttered in hushed tones. "It seems that you have the whole life, which you can control, but it slips away, regardless of your will..."

VI

That day the young men spent almost an hour together and – at Mario's suggestion – exchanged their phone numbers.

Mario was pleased with the meeting, although he could not understand what kind of person Miguel was. He seemed affable and friendly, but why was he reluctant to tell about himself? Had he anything to hide? Or was he not interested in being friends with Mario? Mario supposed the second. Perhaps, he was a casual acquaintance to Miguel, too, as well as to many others. One or two more meetings – and all would end.

Mario caught himself thinking that he would not want that. Miguel, who differed so greatly from everyone whom he knew, attracted him; he was comfortable with him; he felt free beside him.

With other persons, Mario always played a certain role, he always concealed himself behind a mask. It seemed to him that others distrusted him, evaluated him, and judged him. With Miguel, all was different. Mario could converse with him without weighing each word or worrying about consequences. Perhaps, this was owing to the fact that Miguel was a stranger, a transient person in Mario's life, who had come from nowhere and could vanish into nowhere at any moment. But, perhaps, he was the one who could understand Mario completely...

* * *

At dinner Mario told his mother about his new acquaintance.

"I dislike all this," the mother replied, staring at Mario anxiously. "You had better seek friends at the university."

"I fail to make friends with anyone there."

"Do you believe that you will make friends with him? But you do not know anything about him."

"He does not tell me anything."

"There is something wrong with this," remarked the mother concernedly.

"I think he merely mistrusts me," responded Mario carelessly. "To him, I am a stranger, too."

"It is not known what is the matter." The woman fell to thinking. "I should not advise you to communicate with him. Some deserted place, some lad from nowhere... You had better stop seeing him."

"Maybe I ought to introduce him to you and Father?" suggested Mario.

"Never bring him home!" the mother exclaimed in fear. "He may be a criminal."

"Oh, my God!" Mario even burst out laughing. "Miguel does not resemble a criminal at all."

"He does not have to resemble a criminal," said the mother gravely. "He may be one of those who are in the news every day."

Mario laughed again:

"No, this cannot be. He is an ordinary young man. Well, he differs from me in something, and

that is all."

"However, I dislike this acquaintance. Note that he is too reserved. What do you know about his family, friends, or studies?"

"I do not know anything about his family and friends. As to studies, he does not study."

"What a person! He does not even study!" The mother shook her head. "Why?"

"I do not know this."

"You do not know!... He does not tell you anything about himself, for he certainly has something to hide."

The mother disliked Miguel, and Mario understood that he ought not to mention his new friend.

"I shall stop communicating with him," Mario lied demurely. Then he thanked his mother for dinner and went to his room to check whether Miguel had called him.

VII

To Mario's surprise, Miguel indeed called him – a few days after the meeting.

"I am free tonight. Would you like to stroll a little?" suggested Miguel affably. Mario was breathless with joy.

"Rather!" he agreed gladly. "Wait for me at the

same place at six o'clock."

When Mario came to the stream, Miguel was sitting upon the sand with his phone in his hands. He was listening to music. Having noticed Mario, he took off his headphones and put them and the phone in his pocket. It seemed that he was happy to see Mario.

"I did not expect you to call me," Mario admitted after the greeting.

"I merely wanted to talk with someone," replied Miguel evasively. "What shall we do today?"

Mario had an idea, which (as he hoped) might interest Miguel.

"There is a cave nearby," Mario said in a mysterious voice. "It is fascinating and safe. We can go without any equipment there. If you want, we shall visit it."

"Let's go!" Miguel agreed readily, and the youths went to the cave.

The way led first along the stream, and then through lush woods.

"This forest reminds me of fairy tales from my childhood," uttered Mario admiringly. Huge old trees towered around, with trunks covered in fluffy emerald moss. The sun scarcely penetrated entwined branches, and the light was magically-green with vegetation.

"It is cosy here," Miguel responded in hushed tones, looking round.

"Do you love nature?" asked Mario.

"Maybe. I never thought about this."

“Indeed?” Mario was surprised.

“I was often outdoors, and all seems somewhat ordinary,” explained Miguel gently. “You live in a city, you see only city streets: this is why you like streams, trees, and flowers; you appreciate every moment spent with nature, but I have become accustomed to it.”

Mario was disappointed.

“My cave will not impress you either,” he murmured despondently.

“Let’s see!” Miguel smiled reassuringly.

A few minutes later, the youths descried a large dark opening looming through luxurious branches.

“Here is the cave,” Mario announced and quickened his pace. The round entrance to the cave gaped eerily-black against a background of bright trees and bushes. Mario approached it and stepped resolutely into the gloom:

“Come to me!” he waved to Miguel invitingly. “It is interesting here.”

Miguel cautiously followed him. Mario turned on the torch on his phone and shone round the cave. The youths were in a spacious room with high vaults, whence yellowish stalactites hung.

“This place resembles a temple,” Mario uttered reverently, and his voice resounded in the void depth of the cave. “The temple created by Nature itself.”

“It is even beautiful,” remarked Miguel.

“Have you ever been in caves?”

"Yes, I have."

"Nothing can surprise you!" Mario laughed and wended farther into the darkness. Miguel willingly followed him.

"I like your cave," said Miguel gently. "It is so remote from the world."

"I love it for the same reason," replied Mario contentedly. "Here I feel, as though I were alone in the whole world."

"As though we were alone in the whole world..." echoed Miguel softly.

Mario walked a little along a narrow passage, illuminating the way with the torch, and then he stopped before a small niche in the wall.

"Here," he pointed to the niche; "I once found bones. I even felt uneasy. Imagine, you are strolling in a lonesome cave, and you suddenly see someone's remains."

"Why do you fear them?" Miguel asked calmly, standing beside Mario. "They cannot harm you."

"There is something mystical in them," Mario whispered with awe.

"All persons will be such – and even without mysticism," responded Miguel. Mario glanced at him:

"You never cease to amaze me!" he smiled. "I have the impression that you know everything about life. I become more and more curious about who you are."

"I am future mystical remains," Miguel said with a chuckle and carelessly took a fragment of a

bone out of the dark dust in the niche.

"It is a human bone," he stated indifferently. "A femur."

Mario – with a slight shudder – looked at the grey piece in Miguel's delicate hands. His silver ring glinted faintly in the bluish light of the torch.

"Do you know anatomy?" Mario was astonished. Miguel silently put the bone back and dusted off his hands.

"I wonder who this person was," Mario uttered pensively, gazing at the remains in the dust.

"Perhaps, it was a victim of a crime," supposed Miguel impassively. "Or that of an accident."

"Or someone sacrificed to gods," Mario whispered with feigned fear. "Imagine, thousands of years ago, priests stood at this very place – with torches and chants..."

"Maybe, they did."

"Do you fear death?" Mario suddenly asked, turning to Miguel.

"No, I do not fear it," replied Miguel calmly.

"Indeed? But is there any anxiety?"

"Nothing can make me anxious."

"You are an extraordinary person!" Mario said admiringly and then joked:

"Perhaps, you are a resurrected priest who brought sacrifices to gods here in ancient times?"

Miguel laughed faintly:

"Who knows? Maybe, I am..."

* * *

The youths strolled for a long time, and Mario returned home when it was already dark. On his desk lay an open notebook in which he had begun to jot down a poem about his new friend. After dinner, Mario sat at the desk and continued writing: he wanted to give a present to Miguel.

Lines went one after another – easily, effortlessly, as though Mario were putting down what he knew by heart. It seemed that Miguel and he had known each other for a long time, and now their story repeated itself, but Mario did not remember its end...

VIII

Mario was fascinated by Miguel as he might be fascinated by a book, a film, or music. Now he thought only about him. He even saw Miguel in his dreams – in vague and disquieting dreams. In them his friend never smiled, kept silent, and was somewhere afar. One night Mario dreamt that Miguel, standing a few metres away from him, opened his arms to him, and Mario – surprised and glad – willingly took a step towards Miguel, but he had to stop, having noticed a deep black crevice between Miguel and him. Narrow, almost indiscernible, it gaped between them, hindering them from uniting...

At the next meeting, near the same stream, Mario decided to show his poem to Miguel.

"I have something for you," he said enigmatically when they sat side by side upon the sand. Miguel looked at him with interest. Mario excitedly got a folded sheet of paper out of his pocket.

"Here is it," he whispered, holding the sheet out to Miguel. The latter took it carefully and began reading. The poem was called "The Youth from Nowhere" and told about their first meeting, which (in Mario's opinion) had not been incidental but predestined.

As Miguel read, he glanced sideways at Mario several times, making him blush.

"Do not look at me thus," Mario murmured through an embarrassed laugh, covering his face with his hands. "Read on, it has only ten stanzas."

Mario had never dedicated poems to anyone; therefore, he felt rather uneasy now. When Miguel finished reading, he returned the sheet to Mario and said with sincere admiration:

"The poem is wonderful! I like it very much."

"I am glad that you like it," smiled Mario contentedly.

"This poem could be made into a good song," Miguel uttered dreamily and then asked:

"Why do you think that our meeting was not incidental?"

"This... Hmm..." Mario hesitated. "This is only a figurative expression."

“What?” Miguel did not understand him.

“An idea, a metaphor...” Mario tried to find the right word. “No, this is not a metaphor, this is a hyperbole.”

Miguel was amused. “Thank you for your comprehensive explanation,” he laughed merrily. “But I am not sufficiently versed in literature.”

“I forgot this.” Mario fell to thinking, whereupon he said: “Well, I like believing that our meeting was not incidental, but it had been predestined by God. It is more interesting.”

“Hmm...” Miguel gave him one more perspicacious glance.

“Damn it, do not look at me thus!” Mario, laughing, covered his face with his hands again and clarified hastily:

“I never had true friends, and I merely hope that I shall be lucky this time. I did not mean what you may suppose.”

“I do not suppose anything: I try to understand how serious you are,” responded Miguel imperturbably; “How much you need this friendship. Sometimes one swears faithfulness and then disappears.”

“Do you distrust anyone?” asked Mario gravely, looking at Miguel.

“Yes, I do,” Miguel replied and then added, gazing into Mario’s eyes: “But I should like to trust you.”

All of a sudden, Mario remembered his dream about an abyss. Here was it – this distrust, this

reticence, this unfathomable cautiousness. They were together, half a metre apart, yet they were separated. This was not their first meeting, but nothing changed. They were separated by what Miguel was stubbornly silent about. The abyss was his silence.

"In my poem," Mario began to speak in a low voice, gazing at the ground; "I invented you. I wrote about you as I should like to see you, because I do not know anything about you, and – I think – I shall never know."

"There are things which you had better not know," replied Miguel calmly.

"It is impossible to be friends with a stranger."

"You are right. However, ought we not to leave all as it is and to enjoy the present moment?"

"This will be not friendship, but nonsense," Mario murmured offendedly to the side. Miguel moved up closer to him and, carefully taking Mario's hand, said gently:

"I hope that I shall be able to tell you all, and I do hope that you will be able to understand me. But I need some time to become accustomed to you."

"Never have I met so reserved persons!" Mario exclaimed in annoyance without looking at Miguel. The latter withdrew his hand and fell to thinking. Mario waited, glancing at him from time to time. At last, Miguel rose unwillingly, thoughtlessly adjusted his ring, and, gazing directly at Mario, suggested firmly:

"Let's stop communicating."

Alarmed by Miguel's words, Mario jumped up:

"I did not mean this..."

"But you will continue questioning who I am, and I dislike this. You rush things, you are in a hurry, you want to know me completely, although we have met only thrice."

"I did not intend to hurt you," remarked Mario gingerly.

"You have not hurt me: you want to know what will hurt yourself." Miguel turned abruptly and walked away, leaving Mario in complete confusion.

IX

Mario sat despondently upon the cooling sand near the stream, darkened in the twilight, and pondered over what had happened. He did not know what to do. Several times, he intended to call Miguel, to apologise and to ask for the next meeting, but pride prevented him from doing this. "What on earth can make me pursue him, as though he were a girl?" Mario thought almost with indignation.

However, Mario regretted losing Miguel's friendship. He did not know anything about his his life, but he saw his image, and that image

attracted him. Miguel seemed the person whom Mario wanted to be. He seemed more alive, more real, and far happier than Mario lost in endless studies and books. In Miguel's personality there was freedom which Mario did not possess.

Moreover, Mario had become attached to Miguel. He wanted to sit with him near the stream, to stroll with him in caves, to dedicate poems to him, to converse with him, and to be silent together... Miguel was right: they needed time. Some time would pass, and that abyss would vanish. Mario indeed rushed things.

He rose reluctuntly and plodded towards his home. The sun had already set, and the woods became gloomy. The old, twisted branches of moss-covered trees stretched to the sky like someone's arms in supplication; and a damp fragrance wafted from the black earth.

Never before had Mario tarried in the woods so long, but this did not alarm him. Even if he faced "armed civilians," whom he despised and feared, let it be!... He was too depressed to worry about something.

Of course, Mario did not meet any criminals; and forty minutes later, he was at home. His parents were conversing in the kitchen, and he managed to sidle to his room. Mario did not want to see anyone. He did not want to hear anyone. He did not want to do anything. He did not want to think of anything – save Miguel.

Mario missed Miguel, but he did not hasten to call him. “I shall call him in three days,” he decided, and this thought soothed him. He turned off the light, stood a little by the open window, then he drew the curtains and went to bed.

X

When Mario awoke the next morning, he first checked his phone. There were neither messages nor calls from Miguel. “He is proud, too,” remarked Mario. However, he himself would call him within two days... And that day, he had to study for his next examination. Mario had passed the previous one excellently; now he must strive to be the best again.

Mario competed not with others, but with himself. He set the bar high for himself and always achieved his goals. This made him feel that he was an accomplished person. Knowledge was his private Everest: as alpinists defy not only nature, but also their own power, as Mario defied himself.

A couple of hours later, Mario, tired of studying, turned on the TV. The news were broadcast. Mario listened with half an ear, looking mindlessly at the screen. There was nothing interes-

ting – only politics, economics, and insignificant events.

"In Matamoros the police have arrested four hitmen of the Gulf Cartel..."

"Again! Every day is the same thing – 'arrested,' 'neutralised,' but their number does not decrease, but rather increases. When all of them will be caught? Or better – shot: why to spend money for maintenance of these nullities?" Such were Mario's thoughts when he watched the news.

The photographs of the arrested persons appeared on the screen. Mario glanced indifferently over them and suddenly jumped up, overturning his chair. He rushed to the TV to see one of the pictures, but the scene had already changed.

"The police have seized a pick-up Ford Raptor, four AK-47, a rifle Barrett M82..."

Mario stood, frozen in shock. Had it seemed to him, or had he glimpsed Miguel in one of the photographs?

He grabbed his phone from the desk and frantically dialled the number of Miguel. Calls were repeated again and again, but no one answered. Mario had never called Miguel first, and he did not know if it was easy to get through to him. When calls went to voicemail, he left the message: "Hi, it is Mario. Call me back, please."

Mario put the phone on the desk and began pacing anxiously up and down the room. "This was not Miguel," Mario tried to convince himself. "Miguel – in a drug cartel?... This is ridiculous!"

Or rather dreadful...

Mario hesitantly took the phone again and began searching for more information about the arrest. At last, on a news website, he read the headline “Four Persons Detained in Matamoros.” With an unpleasant feeling, Mario scrolled the page and found pictures...

Mario did not believe his eyes: he saw Miguel in one of the photographs. Mario could recognise him among the multitude. Those large eyes, that courageous and defiant expression (captured even in the investigative photograph), that graceful yet fearless appearance... “This cannot be! This cannot be...” the astonished Mario whispered, staring at the image. Amazement, commotion, and disbelief overwhelmed him. He could have expected anything from Miguel, but not this. His friend – his only friend – was a member of a drug cartel?... And he was arrested?...

Mario put the phone on the desk and stood still, unable to subdue his emotions. When the initial astonishment had passed, fear for Miguel seized him. What would await Miguel? What would await their friendship?

Whosoever Miguel might be, he was Mario’s only friend – the only one who made Mario feel alive, real, and eternal. Yes, “eternal” – as though their friendship opened a way to endless life. There was something in the unfathomable personality of Miguel that suggested such a sensation to Mario.

All ended. Miguel would certainly get a long sentence – perhaps, even a life sentence. They would never see each other. Only the day before Miguel had sat with Mario near the stream; now all ended, as though Miguel had died.

All had broken so unexpectedly, as though a blade had fallen between Mario and Miguel, between yesterday and today, between life and death. Mario perceived the arrest of Miguel as the fall of a blade – a very thin, very sharp, and very fearful blade.

Fantastic plans began to flash through Mario's mind. He would contact Miguel's people, and together they would liberate him... And he chuckled at his childish idea: "No one will release Miguel – even his chief. Who cares about a private?"

Was Miguel as important to anyone else as he was to Mario? "Who else can appreciate him? Who else can see a person – a personality – in him? Who is he in his cartel? – a miserable pawn, an executor of someone's will..." Mario could only suppose what Miguel's activities were, but he thought that they were very difficult for him and no one valued him. "Does a person mean anything in that world where all is decided by money? Money is the pivot of life there: they kill for money, they love for money, they forgive for money..." Thus Mario imagined Miguel's world. Who would care about Miguel? – no one save Mario. But he could not do anything.

Mario sank at the desk and dropped his head

into his hands. What was he to do? Damn it, what was he to do?

XI

The night passed uneasily. The morning was lugubrious, with a monotone grey drizzle. Without the window, a wet palm tree loomed despondently in the hopeless shroud of the rain. What was he to do?

Mario took his phone from the bedside table. Of course, there was nothing. Never again would Miguel call him. Why had they quarrelled?... If only Mario had known that it had been their last meeting! Miguel had gone away in annoyance; the last thing had been that absurd argument...

Mario wanted to return to the past and to replay all. Instead of reproaching Miguel with his unwillingness to tell about himself, Mario would like to say how much he appreciated Miguel's attention and the time which they had spent together. How much he yearned for taking Miguel's hand instead of muttering something offendedly to the side!

Now Mario understood why Miguel had not wanted to speak of himself: he had feared that Mario would stop being friends with him. Or, perhaps, had Miguel mistrusted him?

Furthermore, why had Miguel been interested in him? What if he had intended to involve him in his "business"? Or, on the contrary, Mario could have become his victim?...

Completely confused, Mario pensively ran his hand through his hair and fell to thinking, lying on the crumpled sheets and gazing at the white ceiling. Compassion, doubt, and the poignant feeling of loneliness overwhelmed him. What was he to do? Now he no longer pondered how to save Miguel, but whether he ought to remember him. Ought he not to delete him from his memory like a poorly written page from a book? What if he worried about the one who might ruin his life? What could an excellent student have in common with a mafioso? Perhaps, he ought to thank God for taking Miguel away from him...

However, no one had treated Mario as friendly as Miguel had treated him. No one had *wanted* to be friends with Mario: people had talked with him only about studies, out of politeness, or by chance. He had been something *incidental* to everyone – to everyone save Miguel.

Mario did not know what to think of Miguel, nor did he know what to do.

The next day there would be an examination. How would he pass it? And – what for?...

Emptiness. Silence. Cold. The emptiness of infinity – that indifferent icy infinity where he had tried to find the meaning of his life... What were his studies? What was he aspiring to? He would

graduate from the university; he would obtain employment; he would build a family; he would be a decent family man and a respected citizen; he would pass away peacefully in his bed surrounded by his children and grandchildren... How good, how nice, how strange!

To Mario, a short while with a friend was far more important than a virtuous and long life. A friend was his only necessity. A friend – Miguel – whosoever he was...

XII

Mario failed the examination. This did not worry him at all, but his parents were alarmed.

"What happened to you?" Mario's mother asked him concernedly when he sat detachedly at dinner.

"Nothing. All is well," the youth replied in a dull voice, thoughtlessly picking at a mango pudding with a spoon.

"Something is wrong," the woman insisted, staring anxiously at her son. "Your face have become gaunt; you have forsaken your studies; you do not talk to us... Please, tell me what happened to you?"

"If something had happened, I should have told you," Mario responded apathetically without

raising his head. “I am in low spirits: nothing to worry about.”

“Maybe you are depressed? Let’s see a psychologist!”

“I shall manage this myself. Moreover, I already feel better.” Mario pulled his spoon out of the pudding, which he had not even tasted, and mindlessly wiped his clean hands with a napkin.

“I do not think so,” the mother uttered, looking at Mario with pity. “You have even lost interest in your favourite dessert. Let’s see a doctor!”

“Thanks for your concern, Mum, but I am not a child anymore: I can solve my problems on my own,” Mario said with slight annoyance and got up from the table. “Thank you for dinner!” he added politely and then went to his room.

Mario did not want to talk with anyone. After the arrest of Miguel, he withdrew into himself; he immersed himself still further in his own world and reflections. People irritated him. Perhaps, he was indeed depressed. However, nothing was important now. A few days earlier, his life had begun to take on meaning – like the world takes on colours at dawn – but all had faded away when his only friend had been arrested.

In his room Mario did not feel easy either. He longed to escape somewhere, hiding from himself, from his torturous thoughts and feelings.

He paced the room aimlessly, then he ran his fingers mindlessly over the spines of thick books in an oak bookcase and, choosing nothing, went

to the desk. There he sorted through compact discs with classical music, which were neatly arranged in a drawer, and found 'The Funeral March' of 'Eroica' by Beethoven.

"This is exactly what I need," the youth murmured to himself and, carefully taking the disc out of the box, inserted it into a CD player, which stood on the desk. He liked listening to music from a player, for the sound was better than on a mobile phone.

The tragic melody filled the room. Mario sank into a chair before the desk and dropped his head into his hands. Even the music reminded him of Miguel. Involuntarily, to the mournful accompaniment of the symphony, he began to think about his friend. He recalled their first meeting, Miguel's cheerful clear voice and wondrous expressive eyes; he mentally plunged into the shimmering stream; he sat with Miguel upon the warm sand; they visited the twilit cave... "Let's stop communicating," Mario recollected those poignant words uttered under pressure from him. Mario seemed to see Miguel walking slowly away into the green darkness of the woods – into his imminent arrest – into the end of their transient yet sunlit friendship...

At that very moment the most dramatic chords struck, resembling a wail – a wail at some desolate heights, and Mario burst into tears with loneliness and helplessness.

XIII

And again, a gloomy evening, the living room, dinner, Mario's mother at the table opposite him, cooling soup in a bowl... Mario sat very still, with his head bowed.

"Something needs to be done," the mother said in a low voice. "Mario!"

Mario raised his head.

"I did not get enough sleep," he explained with difficulty. "All is well."

The woman lingered, gazing attentively at her son.

"Tell me what happened to you?" she asked. "Are you worried about anyone?"

Mario glanced at his mother warily and hastened to assure her:

"I have no one to worry about."

"Indeed?" the mother stared at Mario as intently as though she were trying to read his thoughts. "Maybe, did you meet a girl?"

Mario chuckled faintly.

"By the way, have you stopped seeing that young man?"

Mario's hand twitched, and he hit his bowl with his spoon, spilling soup on the table.

"I shall wipe it," Mario grabbed a napkin hastily and began to clean the table. His mother looked at him with surprise.

"Why are you so nervous?" she asked pointedly. Mario had already taken a grip on himself and,

putting the napkin aside, replied impassively without looking up:

"I disliked that person, so I felt uneasy when you mentioned him."

"All is somewhat strange." The mother did not take her eyes off Mario, but she could not understand anything. "Well, I shall go to the shop." She got up from the table. "The streets become still more dangerous: so many criminals! The police arrest them, but they run away."

"Who runs away?" Mario asked thoughtlessly, gazing out the large window of the living room.

"Detainees. Today hitmen liberated four persons arrested the other day."

Mario jumped up from his chair.

"What is the matter?" his mother stared at him with a bewildered expression. "Why are you happy?"

"I – I am not happy." Mario covered his flushed face with his hands. "I did not hear what you said. I thought about my own things..." He apologised for his inattentiveness and rushed to his room.

Grabbing the phone, Mario began to scroll the news and soon found what he was seeking.

"Four hitmen, who had been arrested in Matamoros, were released by their cartel and fled in a black pick-up in an unknown direction..." "Miguel was released!" Mario started pacing the room with exultation. His friend was free! Mario could scarcely believe it as he had been unable to be-

lieve the arrest of Miguel and his involvement in criminal activity.

Mario wanted to call Miguel, but he hesitated. What if his call would disrupt anything? Miguel would call himself, he would not forget... He could not forget...

XIV

Miguel called Mario two days later.

"Hi, Mario, it is I," he said, as though nothing had happened. "Can we meet today?"

"Rather!" Mario replied gladly and laughed happily.

"What is happening to you?" wondered Miguel perplexedly.

"Nothing special, I am happy to hear you," lied Mario. What if Miguel did not want him to know his story? It was better not to say too much lest Miguel should cancel the meeting.

Mario arrived before the appointed time, but Miguel was already waiting for him. He paced unhurriedly back and forth along the water, confident and calm as always. Mario wanted to embrace him with joy, but he held himself back.

"Hi!" Mario uttered with a beaming smile, coming up to Miguel.

“Hi,” Miguel responded affably, holding out his hand to Mario.

“I am glad that you have returned,” Mario blurted out, clasping Miguel’s hand with both hands and gazing at him happily. Miguel was amazed.

“Do you know all?” he asked warily.

“This was in the news,” replied Mario carelessly.

Miguel frowned and released his hand, which Mario was still holding.

“What next?” Miguel said somewhat defiantly, looking intently at Mario. The latter murmured irresolutely:

“What do you mean?”

“Do you want to be friends with me, knowing who I am?” queried Miguel coldly.

“How can you doubt this?” Mario answered with resentment, taking a step back from Miguel.

“I must be sure of you,” replied Miguel calmly. He seemed to be emotionless. Mario stared at him in astonishment:

“Why do you distrust me?”

“I want to be sure that you indeed wish our friendship to continue,” explained Miguel impassively.

“Do you think I shall betray you?” supposed Mario sadly.

“All may happen. I think you are not happy to know that I am a *sicario*.”

“On the contrary...” Mario began enthusiasti-

cally, but Miguel interrupted him:

"Do not tell me how wonderful it is and how glad you are to have such a friend."

"Miguel, what happened to you?" Mario was nonplussed by the coldness of his acquaintance.

"Nothing happened." Miguel gazed frankly at Mario. "We are in two different worlds. You know what I tried to conceal from you. I did not distrust you: I feared that the truth would separate us."

"If two persons need each other, nothing can separate them," responded Mario ardently.

"You are naive," Miguel chuckled and folded his arms.

"Why are you talking to me so harshly?" Mario raised his voice, staring at Miguel defiantly. He had imagined their meeting differently...

"No one can be trusted unconditionally at first sight," Miguel's tone remained calm as well as his whole appearance.

"You can trust me," uttered Mario firmly.

"I can trust you because you consider me to be your friend?... What if you will one day stop considering me to be your friend?"

"Miguel!..." Mario moaned, grabbing his forehead in a daze. "I do not recognise you..."

"I dislike hurting you, but such is my life," said Miguel imperturbably. "I cannot trust anyone until I get to know him completely. We have only known each other for a few weeks."

"How can I prove my devotion to you?" Mario asked, taking a grip on himself. "Do you want me

to become a member of your organisation?"

Miguel was surprised.

"You are not suitable for this," he replied.

"Why?"

"It is too difficult for you. You would not even pass the evaluation."

"What evaluation?"

"A test of endurance. One must be able to endure hunger, thirst, pain, and long physical exertion. We are tested before being hired. The service is not easy."

"I should endure anything for your sake!" Mario exclaimed ardently and immediately felt fear that Miguel would misunderstand him. But the *sicario* paid no attention to Mario's ardour:

"It is meaningless to go to such a service for my sake."

"I do not intend to..." Mario murmured to the side. "I only want you to stop doubting me."

"All right," relented Miguel. "However, there is one condition: you ought not to ask me too much. No questions about our location or my current tasks; and do not be offended if I do not tell you anything."

"I do not want to know about your activity at all: I totally disapprove it," said Mario firmly.

"Very well, you understand all," Miguel summed up impassively. "Let's continue being friends."

"Let's continue..." Mario echoed sadly, standing before Miguel and gazing at him with regret.

“Do you pity me?” Miguel asked with a slight chuckle.

“To be honest, I do.”

“Why?”

“You are not free. You seem free, but in reality you do not belong to yourself.”

“You are right, I do not belong to myself,” said Miguel calmly. “I belong to my family.”

“To your family?...” Mario did not understand Miguel’s words.

“I mean my organisation.”

“How beautiful it sounds!” remarked Mario ironically.

“To many of us, this is of great importance,” admitted Miguel gravely. “Many have no family.”

“And you?”

“I left home at the age of thirteen. My parents quarrelled every day, and I was annoyed. I lived on the streets for a year until my friends offered me this work.”

“This is not work, but some kind of slavery,” uttered Mario gloomily.

“Do not judge so hastily,” responded Miguel friendly. “For us, this is an opportunity to survive. What else is possible for a homeless adolescent? To graduate from university?...” Miguel chuckled mockingly.

“I do not judge you or your people,” explained Mario gently. “I cannot imagine your life.”

“Those who live normally cannot imagine our life. Can you imagine pain if nothing hurts?”

Mario sank upon the sand and wrapped his arms round his knees. He had imagined their meeting differently...

"You know, Miguel, I failed an exam after your arrest," Mario began speaking in a low voice without looking at his friend, who stood beside him. "I gave up all my occupations and locked myself in my room. I did not want to see anyone."

Mario desperately tried to destroy that wall of indifference which he had encountered. Miguel sat down near him, at arm's length.

"This is very sad," he said almost unconcernedly. "I think it is wrong to yield to emotions and to abandon one's tasks."

"Damn it, I am not talking whether my actions are right or wrong!" Mario exclaimed in annoyance and jumped to his feet. "Do you not understand that I was worried about you? Or are you devoid of feelings?"

Miguel remained sitting and smiled kindly, looking at the furious Mario.

"I am pleased to know that you were worried about me," he uttered softly. "Now you have no reason to worry. Sit back, let's chat about something."

"You do not understand me again," Mario glanced at Miguel almost in despair. "I was anxious about you; I thought how to help you; I wanted to see you; I imagined our meeting... I imagined it... differently..."

"How did you imagine it?" Miguel wondered

in hushed tones, gazing at Mario with curiosity.

"A little better..." Mario did not look at his friend. Miguel gently took the lad's hand:

"Sit back."

Mario obeyed. All of a sudden, the *sicario* moved up to him and gently put his arm round Mario's shoulders. Mario flushed in surprise and sat still, waiting for something. But Miguel did not budge, nor did he say anything – he merely held his arm on Mario's shoulders for a while.

XV

"To the outer world, we are not persons," Miguel spoke in a low voice, sitting beside Mario upon the sand and gazing thoughtfully into the distance. Shadows became darker under calm trees, and the silvery stream ceased to sparkle in the sun. "You see how they write about us in the news – 'neutralised,' 'liquidated,' as though we were not humans. And how much they gloat over the deaths of our people! – as though we were not citizens of the same state and compatriots of those who gloat... Did you think differently?"

"No, I didn't..." Mario uttered with difficulty, not daring to look at Miguel. "I believed that everyone may choose how to live; and I was sure that those who took the wrong path chose it con-

sciously."

"We indeed have a choice – to fight or to surrender. We prefer to fight."

"Perhaps, the better choice was to stay on the streets?" supposed Mario cautiously.

"Why 'better'?"

"This is somewhat more decent..."

Miguel laughed at Mario's logic.

"A hungry person does not care about decency," said Miguel assertively. "Besides, what is on the streets? Theft, robbery... Is this more decent? I think this is still worse. As to our organisation, it has a rule book;* we have codes of conduct; we follow orders and earn money. We are employed, so to speak."

Mario chuckled softly.

"I agree, this sounds funny," said Miguel; "But this is true. Such is our job – or rather military service. We are at war. However, there are no winners in this war. The military and the police are proud to kill our people, but is this a victory? We are not invaders. We merely try to survive. Who are we in the majority? We are those who are below the poverty line. Sometimes our work is called 'easy money.' In reality it is bloody money, cursed money, money earned by our blood and the blood of our friends. We pay for our illusory prosperity with our peace, loved ones, and life.

* I quote excerpts of the rule book of the cartel in question at the page 109, for this is an interesting material – *O. Kawecka*

For us, death is an everyday occurence. Today one is alive, tomorrow one may be dead. We cannot be sure even of the next day, because we may be arrested by the police or rivals may attack us. We have neither peace nor safety. We belong neither to ourselves nor to this world. We are already *there*, we are living shadows. We are dead in life. We feel, love, hate, and dream; however, we seem not to exist. We are inexistent to the outer world – the world of 'decent' people – and to posterity. What shall we leave behind except death? We toil so much and sacrifice our lives, but what for? For death."

Miguel paused and then continued speaking, softly and unhurriedly:

"We have the same moral values as other persons – loyalty, faithfulness, selflessness, courage, honesty, and honour. We fight neither for money nor deaths of our chief's clients (we do not care about clients at all: they make their own choices, *no one constrains them to consume poison*). We fight for our family. We are a 'family;' we are bound by a shared cause and shared goals like by blood ties. However, to the outer world, our family is mere evil, and it cannot be otherwise. We do not exist: we are shadows of nothing."

Miguel fell silent. Mario did not budge beside him, expecting him to continue. After a long silence, the *sicario* began telling again, in the same low calm voice: "Today we have guns with gold-plated grips and expensive cars, but tomorrow

we shall become decay. You can plan your life ten years ahead, whereas I cannot imagine what will happen tomorrow. You will live, but I shall scarcely be alive. However, this does not frighten me. We do not fear death. It is far worse to end up in prison. We prefer to die than to rot in jail for years.

Of course, there is something alluring in our life. We like feeling our power; we like having some expensive things and own money – especially if we had nothing before. We like being part of a whole, to have a sense of belonging. We were useless particles, now we strike fear into our enemies... However, all this is nothing in comparison with peace. I should prefer peace to anything else. I should like to live peacefully, knowing that nothing lies in wait for me. It is annoying to carry even gold-plated weapons constantly. It is far better if they are not needed."

Miguel kept silent for a short while, whereupon he continued:

"Do not think that we like killing. We are not maniacs, we are soldiers. Do soldiers kill for pleasure? They follow orders. We do only what we are told. We have no right to kill by choice: we risk paying for this with our lives."

"Could you kill me if you were ordered to?" Mario asked easily, glancing at Miguel. The *sicario* lowered his eyes and was silent for a while. Thereafter he replied firmly: "No, I couldn't," and added calmly: "I should refuse to do this myself."

“Would you allow anyone else to do this?” Mario queried with feigned light-heartedness.

“I cannot decide for my chief. If he considered necessary to eliminate you, I could not argue with him. We ought not to dispute our chief’s decisions. We are only executors of his will. If he commands us to do something, then it must be done. We do not think about causes or goals: we do what we are told.”

“Do you not feel anything?” Mario asked in disbelief. “Guilt, regret, doubt, or repentance?”

“We try not to feel...” Miguel frowned. “I had to interrogate a *sicario* from another cartel. He was a handsome youth. Very handsome and very courageous... He knew what awaited him, but he showed no fear. He could betray his people and save his life, but he did not want to be a traitor. I was unable to obtain the neccesary information from him. I suggested that he would come over to our side, but he refused. I had to eliminate him. Do you think that I did not feel anything? I looked at him and imagined that he could become my friend, and we could be happy...”

“Did you kill him?” Mario asked with a slight shudder.

“Yes, I did” replied Miguel easily. “Then I left his body at the side of a road, with a note for his people. That handsome young man turned into a body at the side of a road... His friends soon found him; and someone wept for him, cursed us, and swore to avenge his death... Do you think

that we do not feel anything? Some try not to feel, and others have already ceased to feel. A person can become accustomed to everything."

"Could you escape with him?" Mario suddenly asked. Miguel smiled condescendingly:

"What for? We had nothing in common, he was a stranger. I merely thought of what might be. He was one of many whom we had to kill."

"What happened next?"

"Do you suppose that he came to me in dreams?" Miguel chuckled. "No, he did not come. I only did what my chief had ordered."

All that Miguel was speaking of was almost-incomprehensible to Mario. How was it possible to kill a human being? Mario himself could not hurt even an insect. "Of course, in war persons are slain too, and this is considered heroic, but such are wars. How can one kill others for gaining money?" Mario could not fathom this. He would be unable to use money earned from someone's death and someone's grief... How was it possible to spend such earnings?

"Why do you not leave your work?" asked Mario. "Save your money and then go away."

"Where?"

"To live a normal life."

"To study, to work, to build a family, and then to die surrounded by my children and grand-children?" uttered Miguel ironically. His words reminded Mario of his own thoughts.

"What do you want if not this?"

“Peace. And a kindred person.”

“A wife?”

“With this lifestyle?” chuckled Miguel sarcastically. “Of course, our people marry sometimes, but this is not for me.”

“Why?” wondered Mario lively.

“I do not want to leave behind a widow,” replied Miguel evasively. After a short pause, he unexpectedly suggested:

“Would you like to ride in my car tomorrow?”

“With your people?” supposed Mario warily.

“No, only you and I.”

It sounded tempting, but...

“What if the police spot us?”

“The car looks as an ordinary pick-up.”

“I agree to your proposal, then!” said Mario sprightly.

XVI

Mario and Miguel met on a sunny evening outside the city, where Mario had arrived by bus. Miguel was already waiting for him, standing near his car parked at the side of the almost-deserted road. It was a black Ford Lobo Raptor.

Mario came up to the pick-up, and Miguel opened the door for him. Without hesitation, Mario got in a comfortable soft seat.

“Do you not fear?” asked Miguel jokingly.

“You cannot do anything to me without an order, and your chief is certainly not interested in an ordinary student,” Mario replied in the same playful tone. “I do not even own much money.”

“We do not extort,” Miguel remarked, walked round the car, and sat in the driver’s seat. “We make money ourselves.” He turned on the ignition. “Where are we going?”

“Wherever you want,” replied Mario serenely. “I like this adventure anyway.”

Miguel smiled contentedly. He was in a good mood and looked still better than ever. He wore a black T-shirt tucked into skinny black jeans with a patterned dark belt. On his left wrist there was a watch (Mario did not know much about watches, but he thought that it was expensive); his left hand was adorned with the same silver ring; on his right wrist there were several bracelets and amulets; and a thin gold chain hung round his neck. The shining silky hair of the youth was neatly combed.

The young men were driving along the road leading out of the city. Isolated private houses on both sides soon ended, and only sparse bushes were seen in the ash-green expanse gilded by the setting sun.

Mario sat, reclining relaxedly upon the back of the seat, and looked thoughtlessly at the deserted straight road illumined from the side by the peaceful sunshine. He liked that state of mind when

there was nothing to ponder over and he might only feel and absorb impressions. When had he felt thus last time? Mario did not remember this. His mind had been occupied with reflections almost constantly, and his will had been strained in incessant effort. Now he could enjoy life.

All of a sudden, Miguel stopped the car at the side of the road.

"I want to show you something," he uttered with a mysterious air and, opening the glove box, took out a pistol. Mario shuddered.

"This is one of our toys," Miguel said lovingly and gave the weapon to Mario. "You may hold it."

Mario took the pistol with awe. It was black, heavy, and cold. Polished to a mirror sheen, the pistol had a gold-plated grip panel, upon which the abbreviation of the name of Miguel's cartel was exquisitely inscribed in diamonds (or rhinestones?). It seemed rather a piece of art than a weapon.

"Never have I held such a thing," Mario whispered, examining the pistol admiringly. "It is even beautiful."

"Of course, it is beautiful," responded Miguel. "By the way, my name is engraved on the other side of the grip."

Mario turned the weapon gingerly and saw the fine golden inscription "Miguel Ángel Valencia Díaz." "This will help to identify you one day," a thought flashed through Mario's mind.

"What happened?" Miguel asked, having noti-

ced that Mario frowned.

"Nothing serious, only some thoughts..." Mario murmured and then wondered calmly:

"How many persons were killed by it?"

"I did not count them," replied Miguel impassively.

"And that youth whom you told about?..."

"He was shot with a machine gun."

Miguel spoke as easily, as though they were discussing duck hunting. Mario held the pistol a little more and then returned it. Miguel took the weapon and dreamily caressed three shining letters of his cartel for some time. A faint smile played on his lips. What did he think about? Mario could not even suppose this. The world of Miguel was near yet unfathomable like an inscription in an unknown language. It seemed to Mario that he would never be able to read that inscription – to understand his new friend completely. He would never become close to him...

Mario did not take his eyes off the pistol. "If he wanted, he could shoot me," thought Mario. With one pull of the trigger, Miguel could end all his dreams and hopes – as he had ended dreams and hopes of many others. That glistening beauty in the delicate yet strong hands was only an instrument of death. There was only death – beyond the shining surface. The shining surface of Miguel's existence...

Miguel gently put the gun in his groin, with the muzzle down.

"Let's drive on," he uttered softly. Mario continued gazing at the weapon rested between the youth's slender thighs in the skinny black jeans. All of a sudden, Miguel glanced at Mario. The latter was confused and averted his eyes. Miguel looked intently at him for a while, thereafter he started the car. Mario's heart was beating frantically. He stared out the side window at a field, but in his mind's eye there was the shimmering pistol with the exquisite inscription, between the beautiful thighs in the skinny jeans...

Miguel turned on music.

"This is better," he said peacefully, adjusting the volume. "We like riding with music."

It was rap combined with elements of Mexican cumbia. To an exciting melody, a clear youthful voice told vividly about the courage and loyalty of *sicarios*.

"Do you like it?" Miguel smiled kindly, glancing at Mario.

"This is impressive!" Mario replied with sincere admiration.

"The song is performed by one of our people. We also wrote the lyrics. If you want, I shall send you some more *rolitas* [songs]."

Mario, who preferred classical composers, indeed liked the song. He liked all – the cheerful music with a captivating rhythm, the driving on a road outside the city, the confident youth who differed from anyone else... All was new, amazing, and enthralling. All was freedom. Freedom from

what? From conventions, the necessity to seem someone, the apathy of the "decent" society which was losing human values... In a car on a deserted road beyond the city, they were free. Mario's world and that of Miguel were equally far away from them. They were together – here and now. And the pistol shone peacefully between the beautiful thighs...

The young men returned to the city when it was already dark. Miguel took leave of Mario on the outskirts, for Mario feared that his parents or acquaintances might see them together.

"You will ride in this *troca* [car] again," Miguel promised, standing before Mario near the pick-up in the light of its head torches. "You will also ride in a *'monstruo'* [tank] someday."

"That would be great!" Mario replied enthusiastically and then smiled gently:

"Thank you for this day. It is unforgettable. Now I have to go." Mario confidently held out his hand to Miguel. The *sicario* shook Mario's hand firmly and lingered a little in releasing it.

XVII

That evening Mario could not fall asleep. He recalled the day and thought about what had gra-

dually entered his life. It had begun when he had met Miguel; but only after the ride, he understood what it was... He had fallen in love with Miguel. His attachment to his friend, his desire to see him, his concern for him, his exultation at meeting him – all this had been manifestations of love. Initially platonic, now it became sensual, unexpectedly to Mario himself.

Never before had he experienced such feelings. Formerly, he had been a little interested in girls, but his interest had been superficial and listless. In those transient infatuations, the spirit had been absent: he had felt neither affection nor admiration. His attraction had been only carnal, almost animalistic, as though he had regarded the objects of his fleeting curiosity only as bodies – soulless, mortal bodies. He had not felt the soul in them. He was not a misogynist, he respected women, but he did not feel their soul. His infatuations had been only a slight curiosity for the unfamiliar body.

With Miguel, all was different. From the very beginning, Mario had perceived him from a spiritual side. To him, Miguel was a spirit – an embodied spirit.

A free, deathless spirit... Yes, "deathless" – despite the constant danger of death. It was possible to kill Miguel's body, but his soul would live in eternity – whether in Christian afterlife, which Mario's parents believed in, or in that transcendental infinity, which Mario imagined: it would

certainly remain alive. Could a bullet end Miguel's spiritual power, freedom, and invincible inner life? He seemed too living and therefore – eternal.

It was Eternity that was revealed to Mario in their relationship. The eternity of the spirit...

And that spirit was clad in so beautiful a body... Mario even moaned, having remembered the scene with the pistol. By the way, why had Miguel placed his weapon so strangely? Perhaps, he had done this on purpose in order to seduce Mario? Or had he tried to learn his preferences?

Mario could not understand how Miguel regarded him, nor could he suppose how his friend might react to his declaration of love. Perhaps, Mario would simply get a bullet for his phantasmagoria with eternity... What did mafiosi think of such love? Mario did not know this yet.

XVIII

Mario was able to retake the examination and to pass all the others successfully. He remained the best student, but he no longer strove to surpass himself. His competition with himself and desire to be the first disappeared. He changed into a different person. He did not become lazy or apathetic: he ceased to see meaning where he

had seen it. Why to make a huge effort only to prove anything to oneself or others? Why to strive to be the best in all? Does it not suffice to perform one's duties well and to enjoy life when it is possible?... Mario began to perceive life easier.

Formerly, it had seemed to him that life had been endless and all would remain unchanged. The sun would illumine his room, his mother would call him to dinner, he would read books at night... Now he realised that earthly things were transient. Therefore, if one cannot stop time, one ought to appreciate what one has and to live today without postponing life until tomorrow. *Tomorrow may not exist*. This idea was not his. It was the world-view of his coevals who worked as Miguel did – those youths, who had neither past nor future, but only a fleeting moment between them and – the whole eternity.

Now Mario regarded hitmen differently. His disdain had passed. It had come from ignorance and misunderstanding. Previously, Mario had been even glad if the military had slain *sicarios*; now he felt compassion for them. They were not evil – they were a tragic result of evil called poverty; and it was impossible to eliminate that evil by killing persons or imprisoning them.

Mario understood how lucky he was. He had a cosy house, loving parents, and promising studies. He had been born in favourable conditions, whereas others happened to be born in a shack on the outskirts. On the outskirts of life...

Never before had Mario pondered over what he had; now he valued all – his home, family dinners, and even his studies; but the most important thing was that he learnt to value his future. He *had* a future, whereas Miguel had not.

XIX

Something is ringing. Half-awake, Mario finds the alarm clock on the bedside table and presses the button again and again, but the irksome sound does not cease.

"What on earth is this?" Mario mutters in annoyance and opens his eyes. A path of the blue moonlight falls across the room. It is still night.

Something continues ringing. "Oh yes, this is a new ringtone on my phone, I changed it yesterday..." Mario takes the phone from the bedside table.

"Hello," he says sleepily.

"Hi, it is Miguel," a cheerful voice sounds on the phone. "Would you like to ride in my tank?"

Mario sits up in amazement:

"In your tank?... At this hour?..."

Miguel laughs, amused by Mario's perplexion:

"Why not? It is only eleven o'clock."

At last, Mario is completely awake:

“I went to bed a couple of hours ago, so I was sleepy... Of course, I shall be happy to ride in your tank!”

They agree on a meeting place, and Mario jumps out of bed. His parents are already asleep, and this is good: he would dislike inventing a story to explain to them why he is going out into the streets at so late an hour.

Mario washes his face, puts on his usual clothes, and combs his hair. He is ready.

No, he is not... Mario examines himself critically in a large mirror. This beige T-shirt does not suit him at all: he had better wear blue one. He changes his T-shirt. Damn it, the jeans do not match it. He put on different trousers. At last, he is ready.

No, he is not ready yet... Where is his best belt? The black one with a silver buckle. Mario searches for the belt in the wardrobe, finds it, and tries it on. Hmm, it looks rather incongruous. The light one with a golden buckle will be better.

No, it is not better: it does not match the T-shirt. The previous one was better.

However, what difference does it make? Miguel will not even notice the result of Mario’s effort. Perhaps, he will not notice it... Mario does not understand how Miguel regards him, but he wants to make a good impression.

Formerly, his life was easier: he could put on what he liked. Now he has to choose. Such is the inconvenience of being in love!

The phone is ringing again. Mario jumps from the mirror to the bedside table to take the phone.

"Are you ready?" asks Miguel lively.

"Yes, I am almost ready," Mario assures him. They are to meet outside the city. When Mario arrives by bus there, Miguel will call him to explain how to find him. He ought not to make Miguel wait. He must put on clothes comfortable for climbing into the tank and then run to a bus stop...

XX

As soon as Mario got off the bus, the phone rang.

"Follow the road until the turn," Miguel instructed him. "Then walk a little along an unpaved road, and you will see me."

Mario went as he was told. There was not a living soul anywhere. The surrealistic silvery light of the full moon flooded the still expanse, and bushes on both sides of the road seemed a vague indigo mass like in paintings by Leonardo da Vinci. All was irreal, fictional, otherworldly...

When Mario reached an unpaved road – narrow, illusory, almost indiscernible in the black shade of bushes – a disturbing thought flashed across his mind: "What if this is a trap?" What if he ought not to have agreed to Miguel's proposal?

Mario walked a little and descried the outlines of something dark and rectangular. Feeling uneasy, he slowed his pace.

All of a sudden, the dark object was illuminated within. It was Miguel's tank. Miguel opened the door, jumped out adroitly, and stood in a golden strip of light. Mario saw that the *sicario* was in camouflage and body armour, with an AR-15 in his hands. Mario's legs buckled. What did all this mean?

"Mario!" Miguel called him affably, having noticed that his friend stopped in hesitation. Mario approached gingerly, looking now at the well-equipped Miguel, now at his wondrous vehicle. The tank was a lorry sheathed in metal plates, which made it look like a prehistoric monster. It was indeed a "*monstruo*." A massive metal triangle was soldered horizontally to the front of the lorry – for ramming. On one side of the tank, in the ghostly shine of the moonlight, Mario saw the white clear-cut abbreviation of the name of Miguel's cartel.

Miguel stood near the open door and smiled cheerfully, gazing at the frightened Mario.

"Do you fear?" he asked jovially.

"What... What are you prepared for?" murmured Mario huskily.

"For our meeting."

"But why do you need the gun?"

"I wanted to show you how I look in my life."

Mario glanced warily round.

“Indeed?” he queried. Miguel laughed merrily:

“And you were offended that I distrusted you! Now you suspect me. Do not fear.” He opened the door on the other side of the tank and invited Mario cordially:

“Come in!”

Goosebumps sprang over Mario’s arms. What if?...

“If you want, you may return home,” Miguel remarked, having seen Mario’s irresolution.

“No, I shall not go home, I am interested...” Mario whispered and climbed guardedly into the tank.

It was cosy inside – soft black seats, good lighting, cleanliness... Miguel sat in the driver’s seat, put the gun beside it, closed the door, and told Mario to close the door on his side. Mario managed this with difficulty: either the door was heavy, or his hands weakened.

“Have you calmed down?” Miguel asked him, smiling kindly.

“Almost...” Mario reclined on the back of the seat. “You know, this is great courage on my part...”

“You are an absolutely useless person for us, so you may relax and enjoy life,” Miguel replied soothingly and then turned on the ignition.

Why did Miguel do all this? Why did he try to amuse Mario? If he indeed had no ulterior motives, why did he show attention to him? He certainly had friends in his organisation... Once

again, Mario noticed how little he knew about Miguel and how little he understood him. That abyss, which he had dreamt of, was not an abyss of silence, ignorance, or distrust: it was an abyss of difference. Both of them lived in the same country, at the same time, and spoke the same language, but Mario felt, as though Miguel belonged to another world or another era.

Miguel turned off the light in the tank and drove slowly towards the main road.

"Are you sure that we will not meet your enemies?" the cautious Mario asked.

"This sector is safe."

"And the police?..."

"Do not worry, nothing will happen to us," Miguel assured him and then wondered jokingly:

"Well, can you work with us?"

"I think that I cannot. I should die of fear if I saw the police or your rivals."

"I thought the same of myself. You merely underestimate yourself." Miguel became silent lest he should be distracted. Mario began to gaze at the straight road, which was lost in the silvery moonlight afar off.

All resembled a strange dream – or rather news about mafia. Mario could scarcely believe what was happening. One or two months earlier, he had studied voluminous books on history, architecture, and art; now he sat beside one of those whom he had criticised... Did he act morally? He had not asked himself this question until he had

seen Miguel with a deadly rifle near his imposing tank. Mario had realised whom he had become friends with. Previously, he had regarded Miguel as a youth who had only differed from him; now Mario understood who Miguel was in reality. Beside him, at arm's length, not an ordinary youth was sitting, but a *sicario*, a member of a powerful criminal organisation. Perhaps, Mario made a mistake – even a misdemeanour – by communicating with Miguel?...

"What do you think?" Miguel wondered lightheartedly, glancing attentively at Mario.

"Nothing serious," Mario murmured, bowing his head.

"You look gloomy. Do you dislike anything?"

"All is well."

They were driving slowly along the deserted road, moving farther and farther away from the city. On both sides a dark plain stretched, and not a single light was visible anywhere.

Miguel stopped the tank at the side of the road and turned off the engine.

"Mario, what is wrong?" he asked kindly, keeping his hands on the wheel and scrutinising Mario's face. Mario glanced gravely at him:

"I wonder if I did the right thing by becoming friends with you. I cannot help but think about this."

"It is natural," Miguel responded calmly and directed his thoughtful gaze at the tenebrous road. "If you want, you may leave me."

“I no longer can...” responded Mario softly.

“Why?” Miguel turned to him.

“I have no one to talk with.”

Miguel chuckled slightly to the side, for some reason. While he could not see, Mario stealthily examined him. With each meeting, Mario found his friend more and more comely. When they had met, he had seemed rather handsome; in the pick-up he had looked wonderfully-attractive in his seductive tailored clothes and with an expensive pistol; now he was perfect. Notwithstanding any morality, Mario could not but yield to the strange fascination of Miguel. He feared to admit it to himself, but Miguel’s charm consisted in what made him reflect on morality...

There was something fatal in that attraction, as though Mario himself had a short time to live and therefore he threw himself into an abyss – an abyss of his latent, oppressed desires, passions, and yearnings. To him, Miguel was an incarnation of freedom – not iniquity, but freedom; and that freedom allured him, as though what was impossible with others were possible with Miguel. As though Miguel were the only person in the Universe whom Mario could feel comfortable with...

“Why you have no friends?” asked Miguel carelessly.

“My childhood friends gradually disappeared, and I have not made any new ones yet,” explained Mario elusively.

“What does friendship mean to you?”

“Friends are very close persons: they are those who are one’s spiritual equals, and whom one can do anything for,” replied Mario inspiredly.

“What would you have done in my place if you had interrogated that lad?”

“If I had felt sympathy for him?...”

“Yes, if you had thought: ‘This person could have become my friend, but I have to kill him...”

“I should have saved him!” uttered Mario ardently. “A friend – even a potential one – is the most important thing.”

“That is why you could not work with us,” stated Miguel impassively. Mario was perplexed by Miguel’s unexpected conclusion, but he overcame his embarrassment and responded firmly:

“I do not intend to work with you.”

“Even for my sake?” Miguel asked him and looked with a mephistophelian smile into Mario’s eyes – into his very soul, where Mario himself dreaded to look.

“I...” Mario was confused and lowered his eyes. “I do not even know...”

He fell to thinking. Miguel waited calmly.

“No, Miguel,” Mario began speaking; “Even for your sake, I should not kill those who serve to another chief for the same reason. Have you ever pondered over this?”

“We try not to ponder over such things,” Miguel said in an even voice. “We are mere executors, it is our chief who makes decisions. Our reflections may cost us work or life.”

"Anyhow, do you think of this sometimes?"

"Are you asking again whether I pity our enemies? Why do you want to know about this?"

"I want to know if there is something human in you," replied Mario imperturbably.

Miguel smiled ironically:

"Imagine, enemies attack our homeland, and I feel pity for them."

"Enemies, who might attack our homeland, and your compatriots, who turned out to be on the other side, are different concepts," remarked Mario coldly.

"You are right, these are different things. But our compatriots do not think who we are when they shoot at us from their side."

"Here is the abomination of your war," Mario summed up. "This is a fratricidal war, nothing else."

"What do you think of soldiers who kill *sicarios*, whatever the side they are on?" countered Miguel friendly.

"I think the same thing," said Mario confidently. "I dislike this. I do not find anything heroic in such actions of the military. This war is a senseless slaughterhouse. It is impossible to annihilate an organisation by killing its members: they are replaced by others. Furthermore, I disapprove any war as such. In my opinion, a war is a manifestation of animalistic impulses: humans fight for something like animals." Mario grimaced disdainfully.

"As to wars, you are right," agreed Miguel composedly. "But as to us... Well, it is not for us to seek meaning: we are only pawns in a big game."

"Can you go away?" Mario asked again.

"Where?"

"To live a normal life."

"Imagine, I shall go away. What next?"

"To study, to work..."

"Where to study?" Miguel chuckled sarcastically. "I am eighteen years old, but I have not even finished secondary school."

"Finish it, then! If there is a will, all is possible," said Mario fervently.

"This is our difference," replied Miguel calmly. "You see many possibilities because you have all; but we have only life and death."

Mario did not ask any further questions, and silence fell. After a pause, the *sicario* uttered in hushed tones:

"Learn to enjoy the present. It is the only thing that all of us indeed have."

XXI

Mario and Miguel drove twenty or twenty-five kilometres and turned back. The road was almost deserted. The tank was unlit inside; the head

torches illuminated the way brightly; on both sides vague bushes flashed by; in the anthracite sky the full moon shone among shimmering stars.

Mario gazed out the window and thought that those stars had not existed for millions of years and only their light remained. “Is this not similar to the destiny of some persons? The destiny of poets, painters, and other outstanding ones, whose legacy exists for centuries, whereas they themselves disappear... But the majority are doomed to vanish into darkness without leaving something. Only an icy anthracite void, and nothing else...”

What would Mario’s legacy be? Perhaps, it would be a remarkable building – a house or a church. “But what will Miguel and his comrades leave? They will not disappear without a trace either, but the memory of them will be worse than oblivion. It is better to be forgotten than to leave bad memories. And their memories will be bad. No one will reflect on why they became *sicarios*. No one thinks about causes: people see only a surface. And the surface of *sicarios* is evil. They may have principles, they may be faithful, loyal, and honest – to their people; but to the outer world, they will ever remain evil – criminals who are to be eliminated.

It turns out that the fate of a person is decided by money. One may not be born yet, but money already predetermines who one will become – an architect, who will erect a new temple, or a

sicario, who will fight for his existence. Damned money...”

Mario and others, who lived a normal life, lived on a bright, quiet surface, whereas beyond it, in the darkness, there was another existence; and those two worlds would never understand each other.

Mario and Miguel would never understand each other completely. They had no future – only that moment...

“Please stop here,” asked Mario abruptly. Miguel obeyed. The moon drooped, and in the almost-void space there reigned a nostalgic silvery-blue semi-darkness.

Mario took a deep breath and, gathering his courage, turned to Miguel:

“I want you to know...” he uttered huskily in a low voice. “I cannot approve what you do, but I shall always empathise with you. I mean not only your organisation, but all such organisations. I feel pity for those who are deprived of any possibility to live a normal life and therefore have to perish.”

“Not all deserve sympathy,” Miguel remarked in passing and gazed attentively at Mario:

“Is there anything else that you want to say?”

Something was... But it seemed to Mario that it would be easier to die than to utter what he had not told anyone yet. And he replied to the side:

“No, there isn’t.”

“Nothing ought to be postponed until later,”

said Miguel softly. “This ‘later’ may not come.”

“I do not postpone...” Mario murmured without looking at Miguel. No, he could not... It was absurd, inappropriate, superfluous... He must leave all as it was: they met, conversed, and nothing more.

“Do you remember you once told how interesting it is to write a book?” Miguel began speaking gently. “You yourself write this book. It depends on you what will be written on the next page.”

Miguel seemed to be persuading Mario to say something, and Mario whispered with a shy smile and his eyes lowered:

“If you understand all, why are you asking?”

“Yes, I understand all,” Miguel responded with deliberate seriousness. “You respect us, although you dislike our activity.”

“What on earth!...” Mario laughed with amusement, looking aside.

“Close your eyes,” Miguel uttered in hushed tones. Mario obeyed in awe and sat still. Almost at the same instant, he felt on his cheek, near his very mouth, the touch of Miguel’s lips – soft, hot, exhilarating lips. It seemed to Mario that he was falling somewhere with the seat. Into the underworld, which he had thought about...

“You could not say this, so I have done this,” Miguel whispered lovingly, moving away from Mario. He seemed not to expect any response to his strangely-cautious manifestation of feelings. Mario did not budge, spell-bound.

“I feared to say this,” Mario admitted bashfully, not daring to look at Miguel. “I did not know what might happen.”

“Do you think I did not fear?” smiled Miguel gently. “I did not know how you would react.”

“Did you fear?...” Mario repeated in astonishment, glancing at Miguel. The latter gazed at him and smiled, as though he were admiring him.

“Sometimes to love is more fearful than to kill,” Miguel said in a low voice. He lingered a little and then carefully adjusted a strand of hair over Mario’s forehead. Thereafter he affectionately ran his hand over Mario’s hair and shoulder, without taking his eyes off his friend. Mario sat still, scarcely believing what was happening.

“To me, you are like a superior being,” whispered Miguel adoringly. “Someone better than I... I myself in my dream, which did not come true...”

Mario impetuously took Miguel’s hand and pressed it to his breast. “It is unnecessary to say any words – merely listen to my heartbeat...” he thought.

“As soon as I saw you near the stream,” Miguel continued in hushed tones; “I at once realised that you were the one whom I had sought.”

Whom he had sought as his earthly embodiment to lose it again...

Mario clasped Miguel’s hand with both hands and, full of love, silently stroke it like a caught bird. On the ring finger there was the same ring, which Miguel constantly wore. Mario examined

it in the dim light. On the silver a human skull was engraved.

"Why do you always wear it?" wondered Mario. Miguel took off the ring and gave it to Mario. On its inner side Mario read the name of Miguel's organisation and the words "Siempre fiel al Cártel" [Always faithful to the cartel].

"It will be removed from me only when I die," said Miguel firmly. To Mario, that otherwordly faithfulness was unfathomable.

At Miguel's suggestion, they settled into the back seats. There Mario at last dared to embrace Miguel; and with that movement, he seemed to have overcome the abyss dividing them. What are class differences, opinions of society, and social stereotypes? True love transcends all, uniting lovers despite any barriers.

It was so strange to see that beautiful face with its chiselled features close; it was so strange to touch a hard patch with the name of the sinister organisation on the green camouflage; it was so strange to glimpse the dim luster of the rifle near the driver's seat...

Mario had never made love with anyone; but even if he had had plenty of lovers, the impression of Miguel would have surpassed all others. Mario embraced one of those whom he had hated out of ignorance; he embraced his fear and secret uncanny rapture. Rapture – as that of the one who escaped from a dark dungeon to freedom...

He felt Miguel's hot lips on his neck; and

through his half-closed eyelids, he saw shimmering stars in the pale pre-dawn sky – the light of remote and eternal souls... And all was new, strange, and ineluctable.

Thereafter Mario lay relaxed, resting his head on Miguel's lap.

"I should give my soul for this to happen again and again until the end of my days," Mario uttered with the ardour so characteristic of him.

"I hope that I shall stay with you until the end of my life," responded Miguel softly.

XXII

Mario returned home at dawn. Afraid that his parents would see him, he climbed into his room by a rainwater downpipe installed near the window, which he had left ajar. There Mario changed clothes and tiptoed to the bathroom to take a shower. Then he came back and went to bed.

He was too tired with impressions and the sleepless night; therefore, he soon fell into a deep dreamless sleep.

When Mario awakened at noon, in the room illumined by the joyous sunshine, he at once remembered what had happened that night. "In-

credible!" he thought in exultation. The youth felt, as though he had visited another dimension – a dimension of absolute happiness. Such a sensation of freedom filled his whole being that he wanted to fly. There was a delightful lightness in his body, and his soul seemed light, too, as though heavy chains had fallen off it. Never had he experienced similar feelings.

What he felt was a sensation of true life, whereas his former measured and planned existence had been only some sleepy vegetation.

That wondrous transfiguration had happened thanks to Miguel. Mario thought of him with gratitude. Miguel had made him revive, as though he had awakened him from a long dismal sleep.

"I shall certainly write a book about him. Not now – I am too young and inexperienced, but a little later, five or six years later... I shall tell about my friend and what our friendship brought me. But I shall not mention Miguel's belonging to a criminal organisation, for readers will misunderstand this. However, does it matter who Miguel is and where he works? The main thing is that he is a wonderful person and a good friend. And an excellent lover..." Mario smiled. He would not disclose this fact. Let it remain their secret, in the starlight of eternity illumining them.

XXIII

Mario and Miguel met two days later, on the bank of the stream. They liked that place, for it was secluded and picturesque; moreover, they had seen each other for the first time there.

When Mario arrived (a little earlier than the appointed time), Miguel was already waiting for him, sitting on the boulder. He wore civilian clothes – blue jeans and a blue patterned T-shirt. Having glimpsed Mario as he came out of bushes, Miguel rushed joyfully to him.

"I could not wait for this moment," he said passionately, cuddling Mario.

"Neither could I," Mario purred lovingly, throwing his arms round Miguel's neck.

The youths stood thus for a while, thereafter they settled upon the sand. Miguel sat, and Mario reclined, resting his head on Miguel's lap.

"I often dreamt of resting my head on a friend's lap," the pleased Mario uttered.

"Dreams come true," Miguel replied with a gentle smile, stroking Mario's shoulder.

"Yes, they do – and in the most wonderful manner... When I woke up that morning and remembered all, I thought that I had dreamt about our night."

"I thought the same thing," Miguel responded affectionately and then added pensively:

"It has been a long time since I was so happy."

"A long time?..." Mario repeated in sitting up.

A strange feeling of jealousy seized him.

"You are not my first beloved," said Miguel gravely.

"Hmm... Of course..." Mario did not look at Miguel. He understood that Miguel could not stay alone, considering his opportunities, nevertheless...

"How many youths have you courted?" Mario wondered with feigned carelessness, gazing at the stream.

"One."

"Indeed?" Mario stared at his friend in amazement.

"What surprises you?" Miguel smiled gently. "One courts many persons if one cannot find the right person."

"I agree with you. But why did you break up if he was the right person?"

"He was killed in a shootout with the military," explained Miguel calmly. Whatever they talked about, he always maintained calm. Was this a character trait or a habit developed in his service?

"Forgive me, I did not want to remind..." Mario lowered his eyes.

"I do not forget him. Our people say: 'It is not the one who passed away who is dead, but the one who forgot him.'"

"Did you search for a replacement?"

"No, I didn't. A replacement for a person is always a false substitute. No one can be replaced. A person is not a screw in a mechanism that can

be replaced by another. I wanted to meet a new friend who would differ from him lest I should compare them."

"So, I do not bear any resemblance to him?"

"No, you don't." Miguel fell silent, thereafter he began speaking almost in a whisper:

"The day we met, I came here to think about him. All of a sudden, you appeared. It was similar to a sign from Heaven. I at once realised that you were the right person, and that I might be alive again... After his passing, it was very difficult. I felt, as though my soul were taken out and there remained only an aching void. I always sensed his absence. We had lived together, and all became empty without him. I returned not home, but to a place where my friend was not. The whole world became a place where he was not. I felt this still clearer near his grave. I could not imagine him dead. I had seen him killed, I had buried him, but I could not realise that he was somewhere there, in the earth, dead... In my imagination – in our imagination – he merely went to Heaven, and we could see him one day. Our people say: 'See you in Heaven soon.' *Soon*..."

"It must be very painful," uttered Mario gravely. "To lose the one whom you love... You want to see him, but he is not. You want to embrace him, but you cannot." He closed his eyes, trying to imagine Miguel's feelings, and he was terrified.

"Yes, it hurts," responded Miguel softly. "But when I thought of the future meeting, I felt easier.

I began to live, hoping for that meeting, as though all had not remained in the past but awaited me in the future. I ceased to exist for this world. I merely performed my duties – as best as I could. This soothed me."

"Soothed?" Mario repeated with astonishment, thinking that Miguel meant battles.

"Yes, to patrol our territory, to take care of cars and weapons – this familiar routine calmed me down."

"I should be unable to live thus," remarked Mario gloomily. "I should curl up in bed and lay there for hours, without thoughts or emotions."

"If I had lain down, I should have lost my work," chuckled Miguel ironically. "Our chief would not have paid me for lying in bed."

"You are spiritually stronger than I. You saw meaning in continuing to earn your salary. But I should lose any motivation to live further."

"The reason was not power. If he passed away and I remained alive, then it was predestined. If I go away voluntarily or abandon all, I shall transgress. But I do not want to do this."

"You are lucky: you have faith, whereas I have not," Mario said somewhat wistfully. "My parents failed to instil their piety in me."

"Perhaps, you think too much, trying to understand all. However, one must leave room for the unknowable and the miraculous." Miguel smiled gently. "And a miracle may happen."

The miracle had already happened: it had

been their meeting. Mario could scarcely believe the reality of their friendship. Never had he been in love so strongly; never had anyone loved him; never had he felt so free. All was for the first time, and all was a mystery – the mystery of love, youth, and life.

Mario was sure that he would not have had such a relationship with anyone else. He was happy that Miguel had become his first lover and he had not wasted himself for another person. He was happy that he had waited until in his sanctuary – near the stream – Miguel had appeared. Now he belonged to Miguel, and he hoped to be his until the end.

Mario, with his head on Miguel's lap, took his friend's hand and pressed it to his heart. Where could he find words to say how much he loved him? He wanted to *say* his love, to translate it into words, but they were not; and, perhaps, there existed no suitable words in any language of the world – words, which expressed – comprised – all that he felt, all that lived in his soul; and he only pressed Miguel's hand still tighter to his breast.

Meanwhile, Miguel thoughtfully stroked Mario's hair, and a faint affectionate smile played on his lips. At such moments, Mario could not imagine that Miguel might interrogate someone, kill someone, hide someone's body... Could those gentle delicate hands, which caressed his hair so lovingly, bring death to anyone?

“It does not matter,” Mario thought. “It is their business, I cannot change anything. The most important thing is that he is here, with me, mine..” Mario sat up and, throwing his arms round Miguel’s neck, impetuously pressed his thirsting lips to Miguel’s mouth. It seemed to him that he would never enjoy his beloved completely, that he would never be satisfied with embraces, kisses, and caresses...

Miguel cuddled Mario, responding passionately to his kiss, and the whole world vanished – the whole world with its filth, wars, and death. For them, their love was a manifestation of life – *an assertion of life*.

They were soon lying without clothes on spread towels, and Mario was receiving Miguel’s kisses on his breast like life-giving rain; and the clear turquiose sky was visible through the emerald tracery of interlaced branches over them.

Miguel could not tear himself away from Mario, willing to love him until he himself was exhausted, forgetting himself in their love like a leaf in a rapid mountain stream.

The space burst into a myriad of effulgent bright particles; and there existed only they, and only Love lasted...

XXIV

"I want to disperse into a myriad of stars in Heaven of our love..." Mario uttered dreamily, lying beside Miguel and gazing lovingly at him, when they rested on the bank of the stream. "These are good words for a poem. I shall write a poem about us."

"To me, you yourself are like poetry." Miguel smiled at him, stroking Mario's hair. "Like music... Like the best things in this world... It is a blessing to be with you. I feel, as though I were in Paradise."

"So do I," purred Mario happily. "Perhaps, life in Paradise is similar to this."

"I agree with you. I think Paradise is a place where those whom we love are with us, and the whole eternity is ahead." Miguel moved closer to Mario and kissed him gently on the cheek.

However, Mario wanted to be with his beloved on earth for as long as possible. Therefore, from time to time, he made insinuating attempts to convince Miguel to leave his organisation. Mario was sure that his perseverance and love would prevail over Miguel's adamant firmness, like water gradually erodes rock.

"What do you want most in life?" asked Mario. Miguel turned over onto his belly and rested his chin upon his hands, looking admiringly at Mario.

"To be with you," he replied simply. Mario smiled gratefully and then wondered:

"Why do you like being with me?"

"Because I find peace only near you," Miguel became serious and continued softly:

"We, *sicarios*, are like dust in the wind – in constant motion. Deprived of our own will and our own way, we fly where superior forces drive us. There is no repose either day or night: there is only this flight – organised chaos, which we ourselves create. The chaos of competition, destruction, and death... Even for our commanders, rest is only a dream. It always seemed to me that I should be able to rest only in Heaven. To die in order to rest... But I have found peace beside you. Here is my paradise. Here I feel safe. Here I feel complete. Here I feel eternal. Here I live; whereas with weapons and money, I remain nothing. They are only possibilities to survive. To live is a different thing. Life is not money. Life is what has no price – home, peace, repose... What almost all others have..."

Miguel turned over onto his back and gazed at the sky for a long time.

"However, it does not matter what one does on earth," Miguel uttered in a low voice. "Everything and everyone will pass, and there will remain only the sky – this blue infinity."

"I think you are wrong," objected Mario gently. "Earthly life is not meaningless. It cannot be that the entire earthly world is meaningless. If it exists, so it has some meaning. But all see this meaning differently."

"I agree, all see it differently." Miguel sat up. "You have parents, studies, and goals in life. You will graduate from university, you will have a decent, honest job. You will be one more decent, honest mote in your decent, honest world. But for us, all this is impossible. From the very beginning, we had no path – only a wilderness: go wherever you want, but you will not arrive anywhere. We have the only choice – to perish or to go into nothing: to end all this without trying to fight, or to attempt to live a little longer. We have no other option – no other way. Some persons are lucky enough to be born into a prosperous family, and they have life; whereas others were born to trudge across a wilderness as long as they have strength or until a bullet puts an end to this beautiful nonsense of our existence. What do you think about when you celebrate your birthday? Perhaps, you thank your mother for giving you life, or you dream of what will be further. As to us, we thank God for living one more year. Oh, to live at least twenty-five years is an achievement. Many pass away far earlier."

It was an opportune moment. Mario sat beside Miguel and, putting his hand on Miguel's shoulder, asked him cautiously:

"What if you try to change your life?"

"How?" Miguel glanced at him condescendingly. "I am like a broken vase which was glued back together, and cracks are not visible, but they remain. After his death, I cannot be the same per-

son."

"I believe that you can," replied Mario inspiredly. "You have the right moral principles; you are spiritually strong; you are a good person: why are you unable to live in society?"

"That society is alien to me," said Miguel firmly. "Of course, I should like to study and to have pursuits typical to young people... I should like to, yet I cannot. In order to live in your society, I should have been born again. My consciousness is different. My world-view is different. My whole soul is different. To you, all is far simpler, easier, and brighter. You and others live on a sunlit surface, whereas we are in some darkness – in the darkness of everyday death. However, any person from your society may find himself there too, if he loses those whom he loves, falls ill, or something else happens to him... Do you know what the difference is between us?" Miguel looked attentively at Mario. "We have the strength to live thus, whereas many of you would scarcely have it. To many of you, even the break-up with a girlfriend is a disaster; whereas we bury our loved ones, we risk our lives, we feel death nearby, but *we never lose optimism*."

Miguel was unshakeable, but Mario did not give up his attempt:

"If you can endure the most difficult things, why do you think that you will be unable merely to live a normal life?"

Mario took Miguel's hand and said ardently,

gazing into his eyes:

"Leave your organisation – for my sake!"

Miguel smiled faintly and asked him calmly:

"Can you leave your family for my sake?"

"Yes, I can!" Mario replied readily, clasping the *sicario*'s hand. "If you want, I shall move in with you. I shall find employment – not in your organisation, of course – and we shall always be together!"

Miguel looked at him condescendingly:

"You have misunderstood me. I meant to cut off contact with your family forever. Could you do this for my sake?"

"Do you insist?" Mario queried warily, releasing Miguel's hand.

"I merely ask you."

"No, I could not... To cut off contact with my family forever – this is too much!" Mario exclaimed, nonplussed by the words of his friend. "I shall never be able to do this. It would be the same as to bury my loved ones. I should be unable to do this even for your sake. I think no one ought to make such a sacrifice for love or friendship."

"What do you demand from me, then?" said Miguel gently. "My organisation is my family. I have become attached to my people and our commander: we are one body. And do you want me to tear myself away from them? This is the main reason why I cannot leave my organisation."

Mario bowed his head: he was certainly losing. "This is some kind of devilry," he murmured to

himself. “What on earth!...”

Mario jumped up to his feet and paced back and forth along the stream before Miguel. Then he stopped and stared desperately at his friend:

“Never have I felt so helpless as now. Tell me what am I to do? You cannot leave your people, I cannot reconcile myself to your way of life: what am I to do?”

“You ought to enjoy what you have,” Miguel replied with the calmness so characteristic of him.

“Hah, to enjoy!...” repeated Mario sarcastically. “To enjoy, remembering that any meeting may be the last? That any kiss, any embrace, any moment may be the last?... Do you think this is pleasant?”

“This is how we live,” responded Miguel. Reclining on his elbow, he impassively watched the agitated Mario.

“But I do not want such life!” Mario paced back and forth again.

“Let’s stop communicating,” suggested Miguel composedly. Mario stood still and looked at him:

“I cannot... And you – can you do this?”

“I have no reason to do this. If you pose a danger to our organisation, I shall leave you.”

“Again!...” Mario shook his fists helplessly. “Your organisation again!... As though there were neither my will nor yours: all is oppressed – replaced – by it. Why our friendship – our love – must depend on it?”

“Let’s stop communicating, then,” repeated

Miguel. He was amazingly imperturbable. “You will meet another young man, and you will be happy.”

“You insist so strongly that I began to doubt that you love me,” said Mario coldly.

“I insist because I love you. To love means to wish one well, not only to desire one,” explained Miguel gently. “I do not want you to suffer. You are rushing about like our chief’s tiger in its cage, and this hurts me.”

Mario fell to his knees in exhaustion and looked sorrowfully at Miguel:

“I cannot leave you. I need you: you have become a part of me, as though our destinies have intertwined and I shall never manage to separate them. If I had had a reason to leave you, I should have left you. But I have no reason to do this. What for? For my peace of mind? No, it is better to rush about beside you than to sit calmly alone or with another person.”

Miguel came up to Mario, sat down near him and, putting his arm round Mario’s shoulders, uttered firmly:

“Your words resemble what I told about my family. You can understand me. Therefore, do not require the impossible – either from me or from yourself. Reconcile yourself to the situation.”

“If you pass away, I shall end my life,” Mario muttered gloomily, gazing at the ground.

“If I pass away, you will live as a memory of me,” uttered Miguel softly. Mario had nothing to

reply, and he only snuggled up to his friend, as though trying to escape from this world.

XXV

"Perhaps, you were a priest in your past life and made sacrifices to your gods..." Mario, sitting at the desk in his twilit room, recalled his joking supposition. Perhaps, in his past life Miguel had been a priest, but in this life he was a sacrifice on the altar. The sacrifice for the god, whose name was engraved on his ring...

Mario's coevals were woe-stricken if their girlfriends preferred other men to them; as to Mario, it was an organisation that was taking his beloved away. That omnipresent power surpassed him, his love, and his importance to Miguel. Previously, Mario had thought that Miguel had fallen into a trap, whence he had wanted to escape but he had been unable to. Now he understood that Miguel appreciated his "trap."

"What am I to do?" Mario glanced desperately at the uncurtained gloomy window. It was midnight. There reigned silence, darkness, and emptiness. "As before... As it was that day when the world was created. As it will be after this world."

Mario came up to the window and drew the curtains. Then he sat down on the sofa and put

his head in his hands. The youth did not know what to do, and he had no one to ask for advice. However, could anyone give him any advice?

Mario could have been incredibly happy, but his constant fear of losing Miguel and the haunting thought that any meeting might be the last hindered him from enjoying his happiness. His happiness was in the shade of death, and he could not but think of it, as though he lived at gunpoint.

The worst thing was that he turned out to be alone with his fear. He had no one to talk about what tormented him. He could not unbosom himself to his parents, for they would be appalled and, perhaps, they would reported Miguel to the police in order to "save" Mario from so dangerous an acquaintance. He had no true, faithful friends. He was alone with his exhausting anxiety, which had lasted like an undertone since the day when he had learnt that Miguel was a *sicario*. That fear stared at him through all. It stared like the black muzzle of a gun, and there was no shelter.

But, perhaps, Miguel was right? Perhaps, Mario would become accustomed to the situation with time and would ceased to worry? "With time..." Did they have time?

Mario jumped up from the sofa and began pacing back and forth. Then he desperately grabbed his phone and dialled Miguel's number. It was night, and his friend might be working. "Working" – patrolling the territory of the cartel or engaging in combat to defend his all-surpassing,

omnipresent, dearly-loved organisation...

Miguel soon answered his call.

"Where are you?" Mario asked, trying to speak calmly.

"We are celebrating the birthday of our friend," replied Miguel light-heartedly. "What happened?"

"Nothing, I am calling only to hear your voice," lied Mario.

"We may take my car and go out of town for a while," said Miguel gently. "I think you are worried."

Mario declined his offer: "Thank you, but I do not want to disrupt your plans." A journey would not soothe him.

"Maybe, you would like to come here?" suggested Miguel unexpectedly.

"Thanks, I do not want to," refused Mario hastily. To pay a visit to mafiosi was hardly a good method to calm down...

"We shall go out of town, then," Miguel summed up firmly. "I shall meet you near your home," and he hung up without letting Mario refuse again.

XXVI

The *sicario* arrived half an hour later. Perhaps, he had driven swiftly, or their location was

nearby. Mario was already waiting for him by the gate, after having a bath and changing his clothes. His parents slept, and Mario did not fear that they might see him leaving the house.

Miguel opened the door of his pick-up for Mario, and Mario climbed inside. He was pale, and Miguel noticed this.

"What happened?" The *sicario* anxiously scrutinised his friend's face. Mario decided to tell the truth: "I am worried about you."

"You ought not to worry about me," Miguel reassured Mario, patting him on the shoulder. "You see, I did not fight against the enemy: I celebrated a friend's birthday. Would you like to join us?" Miguel looked lovingly into Mario's eyes. Mario asked him warily:

"Are you allowed to bring strangers with you?"

"With permission and blindfolded. You will not even know where you are."

"This is similar to a kidnapping," laughed Mario merrily.

Miguel smiled contentedly at Mario's revival and then suggested: "Let me call and ask for permission."

Mario was interested: all reminded him of an adventure film; therefore, he replied lively:

"I agree, call them!"

Miguel took his phone and had a brief conversation with someone. Then he said to Mario:

"We may go. I shall only change your image a little..." Miguel turned to the back seats, found a

checkered dark grass-green scarf – like scarfs which Mexican soldiers wore round their necks – and carefully blindfolded Mario. Mario was sitting submissively, feeling the *sicario*'s warmth. Miguel finished tying the scarf and embraced Mario for a moment. He sensed the fleeting touch of Miguel's soft, hot lips on his mouth. Thereafter Miguel uttered in a low voice:

"Do not worry about me. I have been working for five years, and not a single bullet has hit me." Then he turned on the ignition.

XXVII

Mario felt only the movement of the pick-up – at first smooth, then it began to shake: to all appearances, they were crossing a wilderness. Miguel drove fast yet heedfully.

A little later, the car stopped. The door near Miguel opened.

"Go ahead," someone said outside. The door closed, and the car started moving. Soon it stopped again. Miguel turned off the ignition and took the scarf off Mario:

"We have arrived," he announced and added jokingly:

"Now you are in the very heart of the mafia."

Mario looked out the window with interest.

Before them there was a large white one-storeyed building with the lighted windows. Near it black pick-ups were parked.

"Do not fear anything," Miguel assured Mario. "No one will harm you. If you want, you may even speak with our people, but do not ask inappropriate questions."

Mario did not feel any fear – only some slight uneasiness, which he always felt when he had to meet someone. Miguel fleetingly embraced him and then got out of the car. Mario opened the door and followed him. All seemed to be a phantasmagorical dream. Perhaps, Mario had fallen asleep, and now he dreamt about all this?...

Miguel led Mario across the courtyard to the house. When they entered it, Mario saw that it was light, clean and even cosy. A small orchestra was playing cheerful music; several young men in neat green camouflage were dancing lively with their AK-47s and AR-15s; a dozen spectators – some in camouflage, others in stylish civilian clothes – were sitting on chairs along the walls. Colourful balloons hung from the ceiling; the clean white walls were decorated with bright garlands; all was imbued with joy and festivity.

"How cosy it is here!" Mario exclaimed with admiration, looking round. Miguel led him to free chairs in the corner:

"Please, sit down!"

Mario took his place, Miguel settled beside him. Some of the spectators glanced curiously at

Mario from time to time; one of them even winked at Miguel playfully. This alarmed Mario.

"What does it mean?" he asked warily, leaning towards Miguel.

"All is well, this is my friend. I told him a little about you."

Mario calmed down and began to watch what was happening. The merry rhythm of music enchanted him; bright garlands glimmered in the electric light; armed young men were dancing adroitly in the middle of the room... There was no hint of what had oppressed Mario: there was a celebration, with dances, music, and lights. There was the same life – beyond the law, society, the world...

Miguel rose and, smiling gently at Mario, went to dance. Mario had never seen him dancing, and he gazed at him with wide eyes.

Mario had always considered Miguel to be extraordinarily handsome, but that day Miguel amazed him with his attractiveness. Slender and tall, in green camouflage, he was dancing harmoniously and gracefully to the accompaniment of exciting music, like a perfect embodiment of youth, beauty, and joyous life. Mario could not take his eyes off him, and his soul was filled with admiration and pride, for this was *his* Miguel. That beautiful young man – the most beautiful young man of those present – was his friend; Mario could embrace him, he could snuggle up to that seductive body, he could kiss those alluring

lips, he could enjoy him as much as he wanted... Mario scarcely believed it.

Meanwhile, Miguel continued dancing in the middle of the room, glancing at Mario from time to time, as though he could not believe his happiness either...

XXVIII

When the celebration ended, Miguel invited Mario to stay with him until the morning. Mario agreed gladly, hoping that his parents would not awaken earlier than usual and would not notice his absence.

Miguel led him to his room, which was in the wing of the building.

"We live here temporarily, but I have my own house, in another place," Miguel said, opening the door. The youths entered the room, and Miguel turned on the light.

The room was tidy and clean. The furniture included a wide bed under a modest burgundy bedspread, a brown wardrobe, a desk covered with a white tablecloth, and a black wooden chair. On the desk stood a dark wooden crucifix with a silver figure.

On the white walls there was nothing save a little mirror in a plain gilded frame. The only

window was draped with a brown curtain.

Miguel locked the door and turned to Mario.

"Perhaps, I dream about all this," Mario uttered with joyful excitement, throwing his arms round Miguel's neck. Miguel cuddled him. "I cannot believe that you are here," he whispered lovingly and buried his face in Mario's hair. Thereafter he released him from his embrace, came up to the desk, pulled his glistening pistol from his belt, placed it carefully near the crucifix, stood still for a few seconds, and then returned to his beloved.

He embraced Mario in a friendly manner, pressing him tightly to himself, and held him thus for some time without saying a word. Then he walked away to the bed, glanced coyly at Mario, and began to unbuckle his belt.

Mario lingered deliberately in order to admire Miguel. He was always delighted to watch his handsome friend undressing.

When Miguel lay down, Mario took off his clothes swiftly and joined him. Miguel cuddled him, and Mario felt dizzy with happiness: so pleasant it was to sense the hot, smooth body of his lover.

Mario turned over onto his back, and Miguel began to caress him, stroking and kissing him. Mario no longer felt any anxiety: in that room beyond the world, all his worries dispersed under Miguel's enchanting caresses like mist in sunbeams, and Mario relished his beloved's closeness, warmth, and love... He enjoyed what he had.

Thanks to Miguel, Mario had learnt to appreciate the most important thing that he had – life.

September 5-23, 2022
Translation: March 26 – May 12, 2023

Excerpts from "Reglamento" [Regulations] of the CDG

"[...] VII. Every member who is in command must know his subordinates, their origin, mentality, qualities, and defects, as well as have an inventory of the personnel, equipment, and resources that he has.
[...] IX. One ought always to be clean, properly dressed (whether in civilian clothes or in uniform), and keep one's clothes in perfect condition; refrain from speaking improperly or in code in public places or drawing attention to oneself, for every member represents the CARTEL and must put objectives of the organisation before personal ones.
X. One must be punctual in any order, as well as maintain and keep in perfect working condition all the resources under one's care, whether materials, equipment, weapons, vehicles, offices, radio communications, etc.
XI. It is the obligation of all members to maintain good physical and mental condition and to foster discipline in order to be ready for any mission.
[...] XIII. One must refrain from disturbing civilians or disrupting their peace, or carrying out acts of superiority by abusing resources that the CARTEL assigns to one; protect and safeguard citizens, always treating them with respect and dignity.
[...]."*

* Information dated 2023. The total number of rules is nineteen. Originally written in Spanish.

The outlines of the state of Tamaulipas, Mexico.
Olga Kawecka, 2024

IN RUSSIAN

I

– Сегодня ночью произошло боестолкновение между полицией и группой вооруженных гражданских лиц...

Марио с досадой выключил телевизор и отбросил пульт на диван. Каждый день одно и то же – «вооруженные гражданские лица»!.. Как полчища тараканов, они заселяют все доступные им углы, преумножаются и ищут новые места обитания. Марио презрительно усмехнулся. Неужели они не могут жить, как все? Учиться, работать... Или же настолько сильна страсть к деньгам, что они готовы рисковать жизнью?

Марио сел к столу, открыл учебник и погрузился в чтение. Он учился в университете на архитектора и сейчас был на первом курсе. Скоро ему предстояло сдавать очередной экзамен. Марио хотел получить высшие оценки по всем предметам: по его мнению, только знания являлись залогом успешной и благополучной жизни.

Марио Луис Ка́рденас Ортега родился и вырос в живописной области Тамаулипас, на северо-востоке Мексики. Он был тихим и воспитанным юношей, которого нельзя было назвать типичным представителем молодежи. В отличие от большинства своих сверстников,

Марио нравилось проводить время с книгой или в одиночных прогулках на природе. Он не любил вечеринки и шумные компании, не имел вредных привычек (поскольку не находил в них ничего интересного), не увлекался интернетом. Серьезный, начитанный, любящий поразмышлять о смысле жизни: он производил благоприятное впечатление на взрослых и несколько странное – на своих ровесников.

Юноша жил вместе с родителями в уютном частном доме, где не ведали недостатка ни в чем. Его отец работал инженером, а мать – преподавателем. Марио был единственным и желанным ребенком, потому родители окружали его вниманием и заботой. Они делали все возможное, чтобы его жизнь была счастливой, но при этом старались не избаловать его.

С детства Марио воспитывали честным и порядочным, прививали ему любовь к труду и к знанию. «Самое главное – это учеба, – внушали родители. – Только благодаря хорошему образованию, ты сможешь встать на ноги и устроить свою жизнь». И Марио верил в это.

Знание стало для него культом, его комната превратилась в библиотеку, а Марио предпочитал общество какой-нибудь книги, чем сверстников. Он не был замкнутым или стеснительным, но ему нравилось уединение, потому что ровесники казались ему поверхност-

ными и скучными. По его мнению, он был психологически взрослее них и поэтому не разделял их интересы и взгляды. Он считал себя более зрелым, более опытным, лучше познавшим жизнь, чем эти ребята, увлеченные машинами, вечеринками и девушками.

Несмотря на столь своеобразную природу Марио, в школе и в университете к нему относились хорошо и даже уважали – за воспитанность и ум. И, конечно, за благородное происхождение и достаток.

Однако у Марио никогда не было настоящих друзей – только приятели, которые появлялись и незаметно исчезали. Или же он сам незаметно исчезал для них? Он никогда ни к кому не привязывался, и никто никогда не был привязан к нему. Он проводил жизнь один, в своей комнате-библиотеке с видом на тихую улицу довольно тихого города.

«Довольно тихого»: время от времени в городе происходили вооруженные столкновения между представителями местного картеля и полицией. Нередко можно было видеть на улицах военных. Марио избегал выходить из дома поздним вечером и всегда обходил стороной наиболее беспокойные районы. Тем не менее, особого страха он не испытывал, будучи уверенным, что ничего плохого не случится, если соблюдать осторожность.

Несколько раз он видел своими глазами этих «вооруженных гражданских», когда они

проезжали на пикапах по городским улицам. Они выглядели солдатами: в камуфляже, бронежилетах, с автоматами. Иногда они вывешивали на мостах и зданиях баннеры, в которых обращались с предупреждениями к конкурентам или с вежливыми успокаивающими заверениями к населению. Они напоминали, что война идет только с их врагами, не с мирным населением, и подчеркивали, что они лояльно относятся к властям и не желают конфликта с ними, но, поскольку полиция и военные атакуют их, они вынуждены им отвечать.

Периодически мафиози даже раздавали беднякам продукты, деньги и предметы обихода, включая домашнюю технику. Марио относился к этому иронично и недоумевал, видя в новостях, как люди охотно выстраиваются в длинные очереди перед пикапами, чтобы получить свою долю.

Среди этих «преступных лиц» было много подростков. В камуфляже, с мощным оружием и военной выправкой, они смотрелись, словно игрушечные солдатики. «Пешки в бесчестной игре», по мнению Марио. Почему они шли на это? Что их привлекало? Внешний шик? Деньги? Мнимая власть? Марио не понимал, только знал, что он сам ни за что не вступил бы в их ряды: «Лучше смерть, чем такой позор». Марио считал этих людей гнилью в порядочном обществе, которую следовало искоренить. Он не задумывался о причинах данного явле-

ния – лишь с презрением наблюдал последствия и мечтал, чтобы однажды его страна стала столь же идиллической, а люди – беззаботными, как в фильмах Золотого века мексиканского кинематографа. Марио был романтиком.

II

Белоснежный тюль слабо колыхался у открытого настежь большого окна. С улицы в комнату доносился шум машин и голоса прохожих. Марио ничего не слышал: он старательно готовился к экзамену, который он непременно должен был сдать на «отлично». Марио ставил себе высокую планку во всем и всегда достигал поставленных целей. Родители гордились им, преподаватели хвалили. Знания и прилежание были его достоинством.

И материальный достаток, разумеется. Но Марио скромно считал, что это принадлежит его родителям. Дом, в котором он жил, являлся их семейным достоянием. Большой, с просторными и светлыми комнатами, с уютной террасой и живописным внутренним двором, он был олицетворением уюта и благополучия. Марио чувствовал себя там в полной безопасности, как если бы внешний мир со всеми его вооруженными элементами, погонями и пере-

стрелками оставался где-то вдали и не мог причинить ему никакого вреда.

У Марио было хорошее жилище, любящие родители и перспективная учеба: о чем еще он мог мечтать? Но, тем не менее, ему что-то смутно недоставало, как если бы в колоритной мозаике его счастливой жизни отсутствовал какой-то крошечный фрагмент...

Недоставало романтического чувства. Марио было восемнадцать лет, но он никогда никого не любил. Все его сотоварищи встречались с девушками, некоторые даже всерьез задумывались о свадьбе, но он не испытывал особого влечения к противоположному полу – только мимолетный поверхностный интерес, как если бы в нем что-то застыло.

Почему так было? Возможно, преизбыток умственных занятий и сосредоточенность на интеллектуальной жизни сделали его бесчувственным и отстраненным. Или же он просто не встретил нужного человека?

Как бы то ни было, вся жизнь была впереди, как ровная и ясная дорога. Главное, было продвигаться вперед, не отступая перед возможными трудностями.

Марио и не отступит: он был уверен в своем мужестве. Да и в самом деле, немалое мужество было необходимо, чтобы изо дня в день заставлять себя прилежно штудировать эти толстые книги...

Марио поднял голову от учебника и по-

смотрел в окно. Солнце стояло еще высоко над горизонтом, и веселая дорожка солнечного света падала к его ногам, словно приглашая прогуляться. Марио закрыл учебник и подошел к окну. Действительно, чудесный вечер, и стоит немного пройтись.

III

У Марио был один заповедный уголок: ручей в небольшом лесу за чертой города. Это место находилось относительно недалеко и казалось безопасным. Туда и направился Марио, рассчитывая искупаться, послушать музыку и почитать книгу.

Как только Марио подошел к своему ручью, то увидел, что он здесь не один. На золотистом песке возле спокойной прозрачной воды непринужденно полулежал юноша примерно его лет. На нем были только камуфляжные брюки, тонкая золотая цепочка на шее и несколько простых браслетов или оберегов на правой руке. Тело его было стройным и крепким, короткие черные волосы – влажны после купания, глаза расслабленно прикрыты, а красивое лицо с точеными чертами выражало покой и умиротворение. Умиротворение присутствовало во всем его грациозном обли-

ке, как и в окружающей природе, средоточием, лирическим выражением которой он казался.

Марио остановился, раздумывая, стоит ли нарушать уединение незнакомца. Решив выбрать местечко чуть поодаль, он крадучись направился туда.

– За кем охотишься? – раздался позади звонкий задорный голос. Марио вздрогнул от неожиданности и обернулся. Незнакомец, не меняя позы, смотрел на него. У него были редкостно красивые глаза – большие, глубокие, немного печальные. Марио ни у кого не видел таких глаз.

– Я... – Марио растерялся, но тотчас справился со своим замешательством. – Просто не хотел помешать. Я обычно купаюсь здесь, и никого не бывает поблизости.

– Теперь я, наверное, тоже буду бывать здесь. У нас таких мест нет, – сказал юноша и тотчас словно забыл о Марио, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль. Марио решил не донимать его излишними вопросами и направился прочь подыскивать себе новое место.

Найдя подходящий уголок за большим валуном в десятке метров от незнакомца, Марио положил свою сумку и принялся спокойно раздеваться, чтобы искупаться в потоке. Присутствие другого человека ничуть не смущало и не тяготило его.

Солнце сияло сквозь пышную раститель-

ность над головой, птицы выводили радостные трели, вода искрилась в солнечных лучах, как текучее серебро. Она была настолько чистой, что можно было рассмотреть каждый камешек на дне. Человеческое зло еще не успело посягнуть на этот тайный уголок девственной природы.

Марио вошел в довольно прохладную воду и, быстро привыкнув, весь отдался потоку. Вода приятно обнимала его тело. Как же он любил бывать здесь, наедине с природой!..

Однако теперь его уединение было нарушено: незнакомец явно не спешил уходить. Полулежа на песке, он исподволь наблюдал за Марио. Тот, понежившись в воде еще немного, вышел на берег. Скрывшись за валуном, он неспешно оделся, аккуратно расстелил на песке большое полотенце, достал книгу и удобно устроился.

– О, ты любишь читать? – раздался над головой тот же голос, с несколько удивленной интонацией. Марио, не успевший даже найти нужную страницу, с легкой досадой взглянул на незнакомца. Тот стоял, грациозно облокотившись о валун, и дружелюбно смотрел на Марио.

– Да, люблю. Ты считаешь это странным? – с некоторым вызовом произнес Марио.

– Отнюдь не считаю, – миролюбиво ответил парень. – Я тоже когда-то хотел учиться. Книги – это, должно быть, здорово.

– И что же тебе помешало учиться? – безразлично спросил Марио.
– Да так, обстоятельства... – парень ушел от ответа. – О чем книга?
– Стихи, – бросил Марио.
– Даже стихи? – изумился незнакомец. – Наверное, ты сам пишешь?
– Пишу немного. Пока для себя. Хотя в будущем надеюсь стать серьезным автором.
– Везет же тебе, приятель, – с некоторой завистью проговорил парень. Он казался не таким, как все. Он явно не принадлежал к студенчеству, но и не производил впечатление необразованного крестьянина. Марио стало любопытно, кто этот человек и почему разговаривает с ним. Обычно люди не замечали его, если он читал в парке, прогуливался по городу, лежал на пляже... Что в нем привлекло незнакомца?
– Чем ты занимаешься в жизни? – поинтересовался парень. Марио смягчился от непривычного внимания и был готов поговорить.
– Учусь на первом курсе университета, – ответил он, откладывая книгу. – Собираюсь стать архитектором.
– Это замечательно! А почему приходишь сюда один? У тебя нет друзей?
– Есть приятели, но я редко общаюсь с ними. Больше люблю побыть один, наедине с природой.
– Понимаю, иногда это хорошо, – парень по-

медлил, не глядя на Марио, после чего нехотя оторвался от камня, на который опирался:
– Что ж, мне пора. Может, еще увидимся, – и он направился к своим вещам, оставленным в стороне на песке. Марио проводил его взглядом. Парень надел черную футболку, взял рюкзак, оглянулся на Марио и махнул на прощание рукой. Марио, преодолев секундное замешательство, ответил ему тем же.

IV

Вернувшись домой, Марио долго рассматривал себя в настенном зеркале. Чем он привлек внимание незнакомого юноши? В зеркале он мог видеть себя в полный рост. Довольно высокий, хорошо сложенный, с правильными чертами лица и задумчивым взглядом больших карих глаз, он был весьма миловидным. Волосы его, с простой стрижкой, были слегка волнистыми, чем он гордился: немногие в его местности обладали такими же.

Марио можно было назвать красивым, но красивым, как мраморная статуя: какой бы прекрасной она ни являлась, какой бы живой ни казалась, она лишь производит впечатление живого человека. Так и Марио: он был слишком отрешенным, слишком погружен-

ным в свои мысли, учебу, планы. Его красота была словно скована мраморной безжизненностью.

Но сколь же сильно отличался от него тот незнакомец!.. Свобода – вот, что было основным впечатлением от него. Он казался совершенно свободным – от всяческой косности, условностей, общества, мира, зла... Марио находил его таким, каким изображают в фильмах героических личностей – отважным, решительным, уверенным человеком, который смеется в лицо трудностям, преодолевает все преграды и всегда достигает своих целей. В прежние времена он мог бы стать великим воином, превратиться в народного героя, о котором слагают легенды и поют песни. Он наверняка мог бы остаться жить в людской памяти, обретя земное бессмертие...

Так думал Марио. Он видел того юношу не долее получаса, но его поэтическое воображение уже осмысливало и дорисовывало его образ, наделяя теми чертами, что вызывали у него восхищение.

Себя Марио считал совершенно иным. В нем присутствовала некая хрупкость, что-то почти женственное, несмотря на вполне мужественную внешность. И он не любил в себе это. Тот парень был таким, каким он сам хотел быть. Он словно встретился лицом к лицу с лучшим собой и вспомнил, насколько он настоящий несовершенен.

Марио надеялся на новую встречу. Незнакомец заинтересовал его – так, как может заинтересовать начало захватывающей истории. Но тот, вероятно, уже забыл о нем... О Марио забывали все, кто встречал его. Благодаря приятной внешности и уму, он привлекал внимание окружающих, но интерес к нему быстро проходил. Ни одна из его дружб не длилась долго, для всех он оказывался только мимолетностью. Его могли уважать, им могли восхищаться, он мог вызывать простое любопытство, однако никто не испытывал привязанности к нему. Возможно, его не за что было любить? Или же ему попадались неподходящие люди?

Почему-то Марио казалось, что тот парень мог бы стать для него хорошим другом. Хотя, возможно, он из-за своей романтичной натуры всего лишь идеализировал его...

V

Светотени, блики солнца на хрустальной воде, мирная тишина, сквозь которую доносятся песни птиц. Первозданная гармония, храм Природы, святилище Бога. И он, несовершенный Марио, в этом святилище в ожидании чуда – того незнакомца.

И чудо произошло: юноша пришел.
– Привет! – с легкой дружелюбной улыбкой сказал он, непринужденно подходя к сидевшему на песке Марио.
– Привет, – радушно отозвался Марио, довольно глядя на своего нового приятеля.
– Снова здесь читаешь? – поинтересовался тот, опускаясь на песок в метре от Марио.
– Нет, сегодня не читаю. Хотел бы сам написать книгу, но сомневаюсь, что мне это по силам, – немного смущенно ответил Марио.
– Главное, не сомневаться, и все будет по силам, – уверенно произнес его собеседник. Сегодня он был в синих джинсах и футболке в тон. На шее висела та же золотая цепочка, на безымянном пальце левой руки было серебряное кольцо с некоей гравировкой, а на правом запястье – пара простых браслетов и обереги.
– Кстати, я все еще не знаю, как тебя зовут, – проговорил Марио, искоса глядя на юношу.
– Мигель, – любезно представился тот.
– А я Марио.
– Очень приятно, – улыбнулся Мигель. Он был вежливым и воспитанным, хотя при этом не казался столь правильным, как сам Марио. Он во всем был иной, непохожий ни на кого...
– Как прошел твой день? – спросил Мигель.
– Отлично, как всегда. Готовился к экзаменам.
– Ты никогда никуда не выходишь, кроме этого места?
– Люблю еще побродить по городу – в парке

или просто по улицам.
– Наверное, скучновато так жить? – предположил Мигель. – А я люблю праздники, танцы, веселье...
– Но почему-то ты оказался здесь, – с улыбкой заметил Марио.
– Были на то причины... – Мигель задумчиво запустил пальцы в волосы, словно закрываясь от Марио. Затем он положил руку на согнутое колено и, взглянув на Марио, попросил:
– Расскажи мне что-нибудь о себе.

Марио всегда терялся от такого вопроса. «Что-нибудь» – что именно?
– Я даже не знаю, – замялся он. – Вроде нечего... Учусь, живу пока с родителями. Все, как у всех.
– Да, как у всех, – странным эхом отозвался Мигель в сторону.
– А как насчет тебя? – спросил Марио.
– Совсем ничего интересного.
– Ну, что-нибудь о семье, учебе, увлечениях, друзьях...

Мигель почему-то тихо засмеялся.
– Да все, как у всех, – повторил он слова Марио. Марио понял, что по какой-то причине Мигель не хочет рассказывать о себе, и это ему не понравилось.
– Кажется, ты мне не доверяешь? – осторожно сказал Марио. – Но я ведь не стараюсь узнать секреты.
– Я не люблю говорить о себе, – бесстрастно

произнес Мигель. – В моей жизни не было ничего, о чем стоило бы упоминать.
– Ты и с другими такой же закрытый?
– С моими людьми – нет.

Марио показались странными эти слова.
– В смысле «с твоими людьми»? – уточнил он, внимательно посмотрев на Мигеля.
– С друзьями.
– И много их у тебя?
– Друзей – много не бывает. Достаточно одного, но такого, чтобы он был рядом всю жизнь, – Мигель устремил задумчивый взгляд куда-то вдаль.
– Это, наверное, невозможно, – скептически предположил Марио.
– Все возможно, – твердо возразил Мигель. – Найти – это возможно.
– А удержать – нет?
– Есть вещи, перед которыми мы бессильны, – проговорил Мигель и замолчал.
– Ты очень отличаешься от других, – отметил Марио. – И, знаешь, мне это даже нравится.

Мигель весело рассмеялся:
– Забавно слышать, что я могу кому-то нравиться.
– Почему? – удивился Марио. – Ты себя недооцениваешь?
– Я себя объективно оцениваю, – ответил Мигель, бездумно поправляя кольцо и глядя на серебрящуюся воду ручья.
– Ты – сплошная загадка, – игриво заметил

Марио. Обычно с людьми он был довольно сдержан и даже замкнут, но с Мигелем чувствовал себя уверенно и непринужденно.
– Твои слова звучат, как комплимент, – с легкой усмешкой сказал Мигель, искоса взглянув на Марио. Тот расслабленно откинулся на мягкий песок и посмотрел в небо:
– Отнюдь. Я вообще не умею делать комплименты. Я их только принимаю, – шутливо промурлыкал он.
– Ты в начале что-то говорил о книге, – серьезно напомнил Мигель. – О чем ты хотел бы написать?
– Что-нибудь о моей жизни. О том, какие сюрпризы она преподносит. О людях, которых я встречаю. Это было бы здорово: начать писать книгу и даже самому не знать, что будет на следующей странице. Непредсказуемо, как сама жизнь...
– Да, это здорово – не знать... – задумчиво согласился Мигель.
– А разве ты знаешь? – спросил Марио. – Что, по-твоему, будет через год?
– Надеюсь, просто буду жив.

Марио в недоумении посмотрел на собеседника:
– Что же так пессимистично?
– Напротив, – спокойно ответил Мигель. – Жизнь полна неожиданностей, дружище.
– Ты слишком мрачно смотришь на вещи, – мягко сказал Марио и продолжил поучитель-

но, будто старший:
– Надо верить в хорошее, надо уметь видеть позитив. Ведь жизнь прекрасна! В ней множество возможностей; главное, ставить себе цели и настойчиво стремиться к ним.

Мигель усмехнулся:
– Надо просто уметь радоваться сегодняшнему дню и не думать о том, что будет завтра.
– Ты не прав, – деликатно возразил Марио. – Необходимо думать о будущем. Оно ведь зависит только от нас самих.

Мигель зачерпнул изящной рукой сухой мелкий песок и медленно высыпал его обратно, глядя, как тонкая струйка бежит между его пальцев:
– Жизнь – вот как этот песок, – тихо проговорил он. – Кажется, что она у тебя есть и всё в твоих руках, но нет: она ускользает независимо от твоей воли...

VI

В тот день молодые люди провели вместе около часа и на прощание, по предложению Марио, обменялись номерами телефонов.

Марио был доволен встречей, хотя так и не смог понять, что за человек Мигель. Он казался приветливым и общительным, но в то же

время не желал ничего рассказывать о себе, словно что-то скрывая. Марио это настораживало. Мигель действительно скрывал нечто или же не стремился общаться с ним? Марио предполагал второе. Вероятно, для Мигеля он тоже являлся мимолетным знакомым, как для других людей. Еще пара встреч, и все закончится... Марио поймал себя на мысли, что ему этого не хотелось бы. Мигель, столь отличавшийся ото всех, кого он знал, привлекал его, с ним он чувствовал себя более свободным, с ним было легко.

С остальными Марио всегда играл некую роль, постоянно скрываясь под маской. Ему казалось, что его ловят на слове, оценивают, судят. С Мигелем все обстояло иначе. С ним можно было просто говорить, не взвешивая каждое слово и не задумываясь о последствиях. Возможно, так было лишь оттого, что Мигель являлся случайным знакомым, появившимся из ниоткуда и могущим в любой момент исчезнуть в никуда. Но, может быть, он был именно тем человеком, который мог сполна понять Марио...

За ужином Марио рассказал матери о своем новом знакомом.

– Мне это не нравится, – прямо ответила та, обеспокоенно глядя на сына. – Не лучше ли поискать друзей в университете?

– Но там у меня ни с кем не складывается, –

напомнил Марио.
– Думаешь, что с ним подружишься? Но ты ничего не знаешь о нем.
– Конечно, ведь он ничего не рассказывает.
– В этом есть что-то нехорошее, – настороженно заметила мать.
– Думаю, он просто не доверяет мне, – беззаботно ответил Марио. – Я ведь для него тоже незнакомец.
– Как знать, в чем дело... – мать призадумалась. – Я не советовала бы тебе продолжать это знакомство. Какое-то безлюдное место, какой-то парень из ниоткуда... Лучше прекрати это общение.
– Может быть, познакомить его с тобой и отцом? – предложил Марио.
– Ни в коем случае не приводи его в дом! – испуганно воскликнула мать. – А что если это преступник?
– О Боже, мама! Мигель совсем непохож на преступника.
– Необязательно быть похожим. Вдруг он из тех, про кого каждый день говорят в новостях.
Марио даже рассмеялся:
– Нет, этого точно не может быть. Он самый обычный парень. Ну, отличается от меня в чем-то, и все.
– Как бы то ни было, мне это не нравится. Обрати внимание на то, что он чересчур скрытен. Что ты знаешь о его семье, друзьях, учебе?
– О семье и друзьях – ничего. Что до учебы, он

не учится.
– Что за тип! Еще и не учится, – мать покачала головой. – Почему?
– Не знаю.
– Вот, опять не знаешь! Кругом одни загадки. Ему точно есть, что скрывать.

Мать была настроена против, и Марио понял, что ему больше не стоит упоминать о новом приятеле.
– Хорошо, я прекращу общение, – с готовностью солгал он и, придумав предлог, ушел в свою комнату проверить, не было ли звонка от Мигеля.

VII

К удивлению Марио, через несколько дней после той встречи Мигель позвонил сам.
– Сегодня у меня свободный вечер, давай погуляем, – беззаботно предложил он. У Марио дух перехватило от радости.
– Давай! – весело согласился он. – Встречаемся на том же месте, в шесть часов.

Когда Марио подошел к ручью, Мигель ждал его, сидя на песке с телефоном в руках. Он слушал музыку. Заметив Марио, он тотчас убрал наушники и телефон. Казалось, что он тоже был рад встрече.

– Не ожидал, что ты мне сам позвонишь, – признался Марио после приветствия.
– Хотелось с кем-нибудь пообщаться, – уклончиво ответил Мигель. – Что будем делать сегодня?

У Марио была идея, которая (как он надеялся) должна была показаться Мигелю заманчивой.
– Неподалеку есть одна пещера, – таинственным голосом сказал Марио. – Очень интересная и совершенно безопасная. Там можно ходить без снаряжения. Если хочешь, можем заглянуть туда.
– Идет! – с готовностью согласился Мигель, и юноши направились к пещере.

Путь лежал поначалу вдоль ручья, а потом повел через заросли.
– Этот лес напоминает мне сказки из детства, – с восхищением произнес Марио. Действительно, вокруг возвышались огромные старые деревья, стволы которых густо поросли пышным изумрудным мхом. Солнце почти не проникало сквозь переплетенные кроны, и свет в чаще казался волшебно-зеленым от растительности.
– Здесь уютно, – отозвался Мигель, осматриваясь по сторонам.
– Ты любишь природу? – спросил Марио.
– Наверное. Не задумывался.
– Как так? – удивился Марио.
– Мне доводилось часто бывать на природе, и

все как-то примелькалось, – мягко объяснил Мигель. – Кажется обычным. Ты живешь в городе, видишь только городские улицы, и побыть среди деревьев, походить у ручья находишь чем-то необыкновенным. А для меня все это привычно.

Марио выглядел несколько разочарованным.

– Значит, и моя пещера тебя не удивит, – уныло протянул он.

– Посмотрим! – ободряюще улыбнулся ему Мигель.

Вскоре впереди, сквозь зеленую чащу, показался большой черный проем.

– Вот и пещера, – возвестил Марио и ускорил шаг.

Округлый вход в пещеру зиял зловещей чернотой на фоне яркой зелени. Марио подошел первым и решительно ступил во мрак:

– Иди ко мне! – махнул он Мигелю. – Здесь здорово.

Мигель осторожно последовал за ним. В пещере было влажно и сумрачно. Марио включил фонарик на телефоне и посветил вокруг. Ребята находились в просторной комнате с высокими сводами, с которых местами свисали длинные желтоватые сталактиты.

– Это место напоминает мне храм, – с почтением проговорил Марио, и его голос отдался эхом в глубине пещеры. – Храм, созданный самой природой.

– Здесь даже красиво, – отметил Мигель.
– Ты бывал когда-нибудь в пещерах?
– Бывал.
– Нет, тебя ничем не удивить! – засмеялся Марио и двинулся дальше вглубь темноты. Мигель последовал за ним.
– Мне нравится твоя пещера, – негромко сказал Мигель. – Так далеко от мира, от людей...
– Я люблю это место по той же причине, – довольно ответил Марио. – Как будто не существует цивилизации, и ты один во всем мире.
– Да, и мы одни во всем мире, – повторил Мигель.

Марио прошел еще немного по узкому коридору, подсвечивая путь фонариком, и остановился возле небольшого углубления в стене.
– Вот здесь, – он показал на углубление, – я однажды наткнулся на кости. Мне даже стало не по себе. Представь, блуждаешь один в пещере и вдруг натыкаешься на чьи-то останки!
– А что в них страшного? – невозмутимо спросил Мигель, стоя рядом. – Они ничем не навредят.
– Да, но в них есть нечто мистическое... – с трепетом произнес Марио.
– Все такими будем, и безо всякой мистики, – отозвался Мигель. Марио взглянул на него:
– Ты не перестаешь удивлять меня! – улыбнулся он. – Такое впечатление, что ты все знаешь об этой жизни. Мне становится все интереснее, кто же ты!

– Будущие мистические останки, – усмехнулся Мигель и непринужденно выудил из темной пыли в нише обломок кости:
– Это человеческая кость, – равнодушно констатировал он. – Берцовая.

Марио не без содрогания посмотрел на серый обломок в изящных руках Мигеля. Его серебряное кольцо тускло мерцало в голубоватом свете фонарика.
– Ты еще и в анатомии разбираешься? – удивился Марио.

Мигель молча положил кость обратно и отряхнул руки.
– Интересно, кем был этот человек, – задумчиво произнес Марио, глядя на кость в пыли.
– Может, жертва преступления, – предположил Мигель. – Или несчастного случая.
– Или кто-то принесенный в жертву богам, – страшным шепотом проговорил Марио. – Представь себе, может быть, на этом самом месте тысячи лет назад стояли жрецы – с факелами, с песнопениями...
– Вполне возможно.
– Ты боишься смерти? – вдруг спросил Марио, повернувшись к Мигелю.
– Нет, – просто ответил Мигель.
– Неужели? Но все равно есть какой-нибудь страх, беспокойство?
– Страха у меня давно нет, – сказал Мигель.
– Тогда ты невероятный человек, – с восхищением отметил Марио и добавил шутливо:

– А может, ты воскресший жрец, который в древности приносил здесь жертвы богам?

Мигель усмехнулся:

– Кто знает? Может быть...

Они долго гуляли в тот день на природе, и Марио вернулся домой, когда уже стемнело. На столе оставалась лежать открытая тетрадь, в которой Марио утром начал набрасывать стихи про своего нового друга. Поужинав, он сел к столу и продолжил писать. Ему очень хотелось сделать подарок Мигелю.

Строчки шли одна за другой, легко, безо всякого усилия, словно Марио записывал то, что знал наизусть. Как если бы они с Мигелем были давно знакомы, и теперь их история повторялась, только он не помнил конца...

VIII

Марио увлекся Мигелем так, как мог увлечься книгой, фильмом или музыкой. В последнее время все его мысли были о Мигеле. Он даже иногда видел его во сне – в снах неясных и тревожных. В них Мигель никогда не улыбался, молчал и находился где-то поодаль. Однажды ему приснилось, что Мигель, стоя в нескольких метрах от него, раскрывает ему объя-

тия, и Марио, удивленный и радостный, с готовностью шагает навстречу, но тотчас останавливается, заметив между собой и другом зияющую черную пропасть. Узкая, почти неразличимая, она пролегает меж ними, не позволяя соединиться...

На следующей встрече, у того же ручья, Марио решил дать Мигелю прочитать получившееся стихотворение.
– Я кое-что приготовил для тебя, – произнес он загадочно, когда они сидели рядом на песке. Мигель взглянул на него с интересом. Марио, волнуясь, достал из кармана джинсов сложенный листок плотной бумаги, на который он бережно переписал свое стихотворение.
– Вот, можешь посмотреть, – вполголоса проговорил он, протягивая листок Мигелю. Тот бережно взял и начал вдумчиво читать. Стихотворение называлось «Человек из ниоткуда» и в нем говорилось об их встрече, которая (по мнению Марио) была вовсе не случайной, а провиденциальной.

По мере чтения Мигель пару раз искоса взглянул на Марио, чем заставил его покраснеть.
– Не смотри на меня так, – сквозь смущенный смех пробормотал Марио, прикрывая пылающее лицо руками. – Читай дальше, там всего десять строф...

Марио еще никому не посвящал стихи и сейчас чувствовал себя весьма неловко. Дочитав, Мигель вернул листок и сказал с искренним восхищением:
– Стихотворение замечательное! Мне очень понравилось.
– Я рад, – довольно улыбнулся Марио.
– Из него хорошая песня могла бы получиться, – мечтательно произнес Мигель и уточнил:
– А почему ты думаешь, что мы неслучайно познакомились?
– Да это так... метафора... – Марио замялся.
– Что? – не понял Мигель.
– Образ такой, идея... – Марио старался найти нужное слово. – Нет, скорее, даже не метафора, а гипербола.
– Спасибо за понятное объяснение, – рассмеялся Мигель. – Я ведь не разбираюсь в литературе, как ты.
– Да, верно, – спохватился Марио. – Ну, в общем, мне хочется думать, что мы встретились не случайно, а все было предрешено свыше. Так интереснее.
– Хм... – Мигель бросил на него еще один проницательный взгляд.
– Черт возьми, не смотри так! – Марио опять со смехом закрылся руками и добавил поспешно:
– У меня никогда не было настоящих друзей, и я всего лишь надеюсь, что в этот раз повезет. Так что я вовсе не подразумеваю того, что ты

можешь подумать.
– А я ничего не думаю, только стараюсь понять, насколько ты серьезен, – невозмутимо объяснил Мигель. – Насколько тебе нужно это общение. Иногда люди клянутся в дружбе, а потом исчезают.
– Ты не веришь никому?
– Не верю. Но тебе – хотел бы.

Марио вдруг вспомнил свой сон о пропасти. Вот же она – это недоверие, эта недоговоренность, эта непостижимая осмотрительность. Они вместе, всего в полуметре друг от друга, но при этом разделены. И это уже не первая встреча, но ничто не меняется. Их разделяет то, о чем упорно молчит Мигель. Эта пропасть – его молчание.
– В своем стихотворении, – начал тихо говорить Марио, глядя в землю, – я придумал тебя. Я написал о тебе таком, каким представляю тебя, каким хочу видеть. Потому что на самом деле я до сих пор ничего не знаю и, думаю, так и не узнаю.
– Есть вещи, о которых лучше не знать, – спокойно ответил Мигель.
– Но как общаться, не имея понятия, с кем?
– Ты прав. Но не лучше ли нам оставить все, как есть, и просто радоваться настоящему, не пытаясь заглянуть в прошлое или будущее?
– Это будет уже не дружба, а неизвестно что, – обиженно пробормотал Марио в сторону.

Мигель неожиданно придвинулся к нему

и, бережно взяв его за руку, мягко сказал:
– Я надеюсь, что однажды смогу все рассказать тебе. И очень надеюсь, что ты сможешь все понять. Но мне нужно время. Время, чтобы привыкнуть к тебе.
– Я еще не встречал столь закрытых людей, – с досадой отозвался Марио, не поднимая глаз. Мигель убрал руку и задумался. Марио ждал, время от времени посматривая на него. Наконец, Мигель нехотя поднялся, бездумно поправил кольцо и твердо произнес, прямо глядя на Марио:
– Давай больше не будем общаться.

Марио вскочил в испуге:
– Я не имел этого в виду...
– Но ты так и продолжишь допытываться, кто я, а мне это не нравится. Ты все подгоняешь, куда-то торопишься, желаешь знать меня от и до, а мы видимся только третий раз.
– Я не хотел ранить тебя... – осторожно заметил Марио.
– Ты и не ранил. Ты просто хочешь знать то, что ранит тебя самого, – и Мигель, круто повернувшись, зашагал прочь, оставив Марио в полной растерянности.

IX

Марио еще долго сидел там, на остывающем песке у потемневшей в сумерках воды, и обдумывал произошедшее. Он не знал, как поступить. Несколько раз он собирался позвонить Мигелю, извиниться и попросить о следующей встрече, но гордость не позволяла ему этого сделать. «С какой стати я буду бегать за ним, как за девчонкой?» – думал он почти с раздражением.

В то же время ему было жаль терять Мигеля. Он ничего не знал о его жизни, но видел его образ, и этот образ привлекал его. Мигель казался ему таким, каким он сам хотел быть. Он казался более живым, более настоящим, чем Марио, увязший в своих нескончаемых штудиях и книгах. В Мигеле была та свобода, которой не обладал он сам.

К тому же, Марио уже успел привыкнуть к нему. Ему хотелось и дальше сидеть с ним у ручья, бродить в пещерах, писать ему стихи, говорить ни о чем, молчать вместе... Мигель был прав: им всего лишь нужно время. Прошло бы некоторое время, и эта пропасть между ними исчезла бы. Марио слишком спешил.

Он нехотя поднялся с песка и медленно побрел в сторону дома. Солнце уже зашло, и чаща приобрела мрачный вид. Старые изогнутые ветви покрытых мхом деревьев тянулись к небу, как руки в мольбе, и влажный запах ис-

ходил от черной земли.

Никогда прежде Марио не задерживался так долго в этих местах, но теперь ничто не беспокоило его. Даже если бы он лицом к лицу встретился с «вооруженными элементами», которых презирал и опасался, – пусть!.. На душе было слишком тяжело, чтобы волноваться о чем-либо.

Конечно, Марио не встретил никаких элементов и спустя сорок минут был уже дома. Родители разговаривали в гостиной, и ему удалось незаметно проскользнуть в свою комнату. Марио не хотел никого видеть. Не хотел никого видеть и слышать, не хотел ничего делать, не хотел ни о чем думать – ни о чем, кроме Мигеля.

Марио скучал по нему, но не спешил звонить. «Позвоню через три дня», – решил он, и эта мысль успокоила его. Он погасил свет, постоял немного в раздумьях у открытого окна, потом задернул шторы и лег спать.

X

Проснувшись на следующий день, Марио первым делом проверил телефон. Сообщений от Мигеля не было. «Тоже гордый», – отметил

он. Ничего, через два дня он сам ему позвонит. А сегодня надо готовиться к очередному экзамену. Предыдущий был сдан на «отлично», необходимо и теперь приложить все усилия, чтобы снова оказаться лучшим.

Марио соревновался не с другими – с самим собой, будто самому себе доказывая, что он на что-то способен. Он ставил себе высокие планки и всегда достигал их, что позволяло ему чувствовать себя самодостаточной, состоявшейся личностью. Знания были его собственным Эверестом; и как альпинисты бросают вызов не столько природе, сколько своим силам, так же Марио бросал вызов самому себе.

Через пару часов юноша, устав от занятий, включил телевизор. Передавали новости. Марио слушал вполуха, бездумно глядя на экран. Ничего интересного: политика, экономика, незначительные международные события.

– В Матаморосе задержаны четыре сикария из Картеля Мексиканского Залива...

«Ну вот, опять! Каждый день одно и то же – ‘задержаны,’ ‘нейтрализованы,’ но, тем не менее, их численность не уменьшается, а как будто, наоборот, возрастает. Когда, наконец, их всех переловят? Или лучше – перестреляют: зачем изводить средства на содержание таких ничтожеств?» Так думал Марио, слушая новости.

На экране появились фотографии задержанных. Марио безразлично скользнул по

ним взглядом и вдруг вскочил из-за стола. Опрокинутый стул упал с грохотом. Марио бросился ближе к телевизору, чтобы рассмотреть один из снимков, но кадр уже сменился.
– Также были конфискованы: пикап марки 'Ford Raptor,' четыре автомата АК-47, снайперская винтовка Barrett M82...

Марио в замешательстве замер посреди комнаты. Показалось ему, или действительно на одном из снимков был Мигель?

Он схватил со стола телефон и лихорадочно набрал номер друга. Вызовы повторялись и повторялись, но никто не отзывался. Марио еще не звонил Мигелю первым и не знал, легко ли можно было дозвониться до него. Когда вызовы перешли на голосовую почту, он оставил сообщение: «Привет, это Марио. Перезвони мне».

Он положил телефон на стол и принялся беспокойно расхаживать по комнате. «Нет, это не Мигель, – думал Марио. – Мигель – в картеле?!. Нелепо!» Или, скорее, страшно... Марио нерешительно снова взял телефон и, остановившись посреди комнаты, начал искать информацию о задержании, про которое услышал по телевизору. Наконец, на одном новостном портале он увидел заголовок: «Четыре задержанных в Матаморосе». С неприятным чувством Марио прокрутил страницу. И вот эти снимки...

Марио не верил своим глазам. Да, на од-

ной из фотографий был Мигель. Марио узнал бы его среди множеств. Эти глубокие глаза, это смелое и дерзкое выражение (даже на оперативной съемке), этот одновременно изящный и бесстрашный облик... «Этого не может быть! Быть не может...» – шептал пораженный Марио, глядя на снимок. Изумление, смятение, неверие охватили его. Он ожидал от Мигеля чего угодно, но только не этого. Его товарищ, его единственный товарищ – член картеля?.. И он арестован?..

Марио положил телефон на стол и застыл, не в силах справиться с обуревавшими его чувствами. Когда первоначальное удивление немного прошло, его охватил страх за Мигеля. Что теперь будет с ним? Что будет с их дружбой?

Независимо от того, кем являлся Мигель, для Марио он был единственным другом, единственным, с кем он чувствовал себя живым, настоящим, вечным. Да, вечным: как если бы в их дружбе ему открывался путь к бесконечной жизни. Было нечто в непостижимой личности Мигеля, что заставляло Марио воспринимать его таким образом.

И теперь все кончено. Мигель, конечно, получит большой срок. Может быть, даже пожизненный. Марио не знает, что у того на счету... Они больше никогда не увидятся. Только вчера Мигель сидел с ним у ручья, а теперь все кончено. Как если бы Мигель умер.

Все оборвалось так внезапно, словно лезвие упало между ними, между вчерашним днем и сегодняшним, между жизнью и смертью. Марио осознавал произошедшее именно, как падение лезвия: очень тонкого, очень острого, очень страшного...

В его сознании начали вспыхивать фантастические замыслы по спасению Мигеля. Вот, он свяжется с его людьми, и они вместе освободят Мигеля из тюрьмы... И он тотчас усмехался на свой детский план: «Никто не освободит Мигеля, даже его хозяин. Да и нужно ли им спасать рядового?»

Разве для кого-нибудь Мигель имел такое же значение, как для него? «Кто еще мог оценить его? Кто еще видел в нем человека, личность? Кем он был в своем картеле? – жалкой пешкой, исполнителем чужой и нелепой воли...» Марио мог только догадываться о деятельности Мигеля, но он был уверен, что Мигелю приходилось очень трудно и он был никому не нужен. «Разве в этих кругах, где все решают деньги, где они – основа жизни, человек что-то значит? За деньги убивают, за деньги милуют, за деньги любят...». Так Марио представлял мир Мигеля. И кто будет заботиться о Мигеле? Никто, кроме него. Но он ничего не может сделать.

Марио опустился за стол и уронил голову на руки. Что делать? Что делать, черт побери?

XI

Ночь прошла без сна. Раннее утро встретило Марио унылым мелким дождем. Намокшая пальма за окном мрачно маячила в безнадежной сизой пелене. Что же делать?

Марио взял с прикроватной тумбочки телефон: ничего. Конечно, ничего. Больше никогда Мигель не позвонит ему. И зачем они поссорились?! Если бы Марио только мог знать, что это была их последняя встреча! Мигель ушел от него в досаде; последнее, что происходило между ними – нелепая ссора...

Марио хотелось вернуться назад и все переиграть. Вместо того, чтобы укорять Мигеля за нежелание рассказывать о себе, он хотел бы сказать ему, как ценит его внимание, его заинтересованность, то время, которое они проводят вместе... Как ему хотелось бы взять его за руку в ответ вместо того, чтобы обиженно бормотать что-то в сторону...

Теперь Марио понимал, почему Мигель не хотел открываться: он боялся оттолкнуть его. А может быть, все-таки не доверял?

И почему Мигель так заинтересовался им? Что если он собирался вовлечь его в свой «бизнес»? Или, наоборот, Марио мог стать его жертвой?

Вконец запутавшийся, Марио запустил руку в волосы и задумался, лежа на измятой постели и глядя в белый потолок. И жалость, и

сомнение, и пронзительное чувство одиночества овладели им. Что делать? Сейчас он думал уже не о том, как спасти Мигеля, а о том, стоит ли продолжать помнить его. Не вычеркнуть ли его из своей памяти, как плохо написанную страницу из книги? Что если он беспокоится о том, кто мог бы разрушить его жизнь, бесповоротно сбив с правильного пути? Что общего может быть у него – студента-отличника из хорошей семьи – с бандитом? Возможно, он должен благодарить судьбу за то, что Мигеля отобрали у него...

Но никто не относился к нему так, как Мигель. Никто *не желал* общаться с ним: с ним общались только по необходимости – по учебе или из вежливости. Он для всех был случайностью – для всех, кроме Мигеля.

Марио не знал, что думать и что делать.

На следующий день экзамен. Как он будет сдавать? И зачем?..

Пустота, тишина, холод. Пустота бесконечности – равнодушной ледяной бесконечности, в которой он когда-то искал смысл своей жизни. Что его учеба? К чему он стремится? Да, он окончит университет, и найдет работу, и создаст семью, и будет порядочным семьянином и уважаемым гражданином, а потом мирно упокоится в своей постели в окружении детей и внуков... Как хорошо, как красиво, как чуждо...

Для Марио короткое время с другом было

много важнее устроенной долгой жизни. Друг: вот, чего Марио желал. Мигель – кем бы он ни был.

XII

Конечно, Марио провалил экзамен. Это ничуть не обеспокоило его. Зато обеспокоило его родителей.

– Что с тобой происходит? – спросила мать, когда Марио отстраненно сидел в гостиной за ужином.

– Ничего. Все в порядке, – без интонации ответил юноша, задумчиво ковыряясь ложкой в манговом пудинге.

– Нет, не в порядке, – не отступала мать. – Ты осунулся, забросил учебу, перестал разговаривать с нами... Что случилось?

– Если бы что-то случилось, я рассказал бы вам, – глухо отозвался Марио, не поднимая головы. – Просто скверное настроение, без видимой причины.

– Может быть, это депрессия? Давай обратимся к психологу.

– Не стоит, я сам справлюсь. К тому же, мне уже намного лучше, – Марио вытащил ложку из неначатого пудинга и машинально вытер чистые руки салфеткой.

– Да, я вижу... – проговорила мать, глядя на

Марио. – Ты даже утратил интерес к своему любимому десерту. Давай все же обратимся к специалисту.
– Мама, благодарю за заботу, но я уже не ребенок и могу сам решить свои проблемы, – с тенью досады сказал Марио и встал из-за стола. – Спасибо за ужин, – и он направился в свою комнату.

Марио не хотел ни с кем говорить. После ареста Мигеля он замкнулся в себе, ушел еще дальше в свой мир, в свои мысли. Люди стали раздражать его. Возможно, у него на самом деле депрессия. Но ему это все равно. Ничто теперь не имеет значения. Только недавно его существование начало обретать смысл, как мир обретает краски при восходе солнца, а теперь все померкло...

В своей комнате Марио тоже не чувствовал себя спокойно. Ему хотелось куда-то сбежать, скрывшись от самого себя, от собственных тягостных мыслей и чувств.

Он бесцельно прошелся из угла в угол, бездумно провел пальцами по корешкам толстых книг в дубовом книжном шкафу, не остановился ни на чем, перешел к письменному столу, перебрал в ящике аккуратно сложенные компакт-диски с классической музыкой и выбрал «Похоронный марш» из Третьей симфонии Бетховена.
– То, что надо, – пробормотал юноша и, бережно вынув диск из коробки, вставил его в про-

игрыватель, стоявший на столе. Ему больше нравилось слушать музыку с проигрывателя, чем с телефона: звук был лучше.

Трагическая мелодия наполнила комнату. Марио опустился в кресло возле стола и уронил голову в руки. Даже музыка напомнила ему о Мигеле. Невольно, в такт симфонии, он стал думать о друге. Он вспомнил их первую встречу, задорный голос Мигеля, его необыкновенные выразительные глаза; мысленно вновь окунулся в сияющую воду ручья, посидел с Мигелем на теплом песке, побывал с ним в сумрачной пещере... «Давай больше не будем общаться», – вспомнились ему слова, которые он сам заставил произнести – заставил своим излишним любопытством. Марио словно воочию увидел, как Мигель медленно уходит в зеленую темноту чащи – в свой скорый арест – в конец их столь недолгой дружбы...

В то же мгновение ударили самые драматические аккорды композиции, напоминающие плач – плач на каких-то пустынных высотах, и Марио разрыдался от одиночества и беспомощности.

XIII

И снова – вечер, гостиная, ужин, мать за столом напротив, нетронутый суп в тарелке.

Марио сидел, склонив голову, с ложкой в неподвижной руке, как будто оцепеневший.
– Нет, так не может продолжаться, – тихо проговорила мать. – Марио!

Юноша поднял голову:
– Я всего лишь не выспался, – с трудом пробормотал он. – Все нормально, не беспокойся.

Мать медлила, всматриваясь в Марио.
– Скажи мне, что с тобой происходит? – спросила она. – Может быть, ты переживаешь из-за кого-нибудь?

Марио с опаской взглянул на мать:
– Мне переживать не о ком, – поспешно заверил он.
– Точно? – мать смотрела на Марио столь пристально, будто пыталась прочесть его мысли. – Может, тебе, наконец, понравилась какая-нибудь девушка?

Марио только слабо усмехнулся в ответ.
– Кстати, прекратил ли ты общение с тем парнем?

У Марио неожиданно дрогнула рука, и он ложкой зацепил свою тарелку, пролив суп.
– Я вытру! – он поспешно схватил салфетку и принялся тщательно вытирать стол. Мать с удивлением наблюдала за происходящим.
– Почему ты так забеспокоился? – многозначительно спросила она. Марио уже справился с собой и, отложив салфетку, бесстрастно ответил, не поднимая глаз:
– Мне самому не нравился тот человек, и упо-

минание о нем вызвало неприятные эмоции.
– Все это немного странно, – мать не сводила взгляда с Марио, но ничего не могла по нему понять. – Что ж, я пойду в магазин, – она встала из-за стола. – Кажется, ходить по улицам становится небезопасно. Столько преступников развелось! Их ловят, они сбегают...
– Кто сбегает? – бездумно уточнил Марио, отрешенно глядя в большое окно гостиной.
– Задержанные. Вот, сегодня свои освободили четырех сикариев, арестованных на днях.

Марио вскочил из-за стола, не веря своим ушам.
– Что с тобой? – мать в изумлении воззрилась на него. – Почему ты обрадовался?
– Я... я не обрадовался, – Марио зарыл пылающее лицо в ладони. – Я вообще прослушал, что ты сказала. Я на собственные мысли... – и он бросился в свою комнату.

Схватив телефон, Марио стал поспешно листать новости и вскоре нашел нужную заметку. «Четверо сикариев, арестованных в ..., были освобождены отрядом своих и скрылись в неизвестном направлении...» Мигель бежал! Марио в ликовании принялся расхаживать взад и вперед по комнате. Бежал! Свободен! Он не мог поверить в это так же, как недавно не мог поверить в его арест и причастность к криминальной организации.

Ему очень захотелось позвонить Мигелю, но он не решился. Вдруг звонить нельзя?

Вдруг он что-нибудь нарушит? Мигель сам позвонит, он не забудет... Не должен забыть...

XIV

Звонок раздался через два дня.

– Привет, Марио, это я, – как ни в чем не бывало сказал Мигель. – Встретимся сегодня?

– Конечно, дружище, конечно! – Марио даже засмеялся в трубку счастливым смехом.

– Что случилось? – поинтересовался Мигель.

– Ничего особенного, просто рад тебя слышать, – солгал Марио. Что если Мигель не хочет, чтобы он знал его историю? Лучше пока не говорить лишнего, чтобы он случаем не отменил встречу...

Марио пришел к ручью раньше назначенного времени, но Мигель уже был на месте. Он неспешно расхаживал взад и вперед вдоль воды, выглядя уверенным и невозмутимым, как всегда, словно ничего не произошло. Марио захотелось броситься к нему на шею от радости, но он удержался.

– Привет! – с сияющей улыбкой произнес Марио, подходя к Мигелю.

– Привет, – радушно отозвался тот, подавая ему руку.

– Здорово, что ты вернулся! – не удержав-

шись, воскликнул Марио, сжимая руку Мигеля своими обеими и счастливо глядя на него. Мигель опешил.
– Ты все знаешь? – настороженно спросил он.
– Да, сообщали в новостях, – беззаботно объяснил Марио.

Мигель помрачнел и высвободил руку, которую держал Марио.
– И что теперь? – с некоторым вызовом сказал он, всматриваясь в лицо Марио. Тот растерялся:
– Как что?
– Ты хочешь продолжать встречаться со мной, зная, кто я? – холодно проговорил Мигель.
– И ты еще спрашиваешь? – с обидой ответил Марио, отступая на шаг от Мигеля.
– Да. Я должен быть в тебе уверен, – Мигель был совершенно невозмутим. Марио в изумлении смотрел на него:
– Мигель, я не могу поверить... В чем ты сомневаешься?
– Ни в чем. Я только хочу знать, что ты действительно желаешь продолжать наше знакомство.
– Ты думаешь, что я однажды сдам тебя? – печально предположил Марио.
– Все может быть. Ты же наверняка не в восторге от того, кем я оказался.
– Да я напротив... – начал с воодушевлением Марио, но Мигель спокойно прервал его:
– Только не говори, как все это романтично и

как ты рад иметь такого друга.
– Мигель, что с тобой стало? – Марио поражался его холодности.
– То же, что и было. Мы в разных мирах, приятель. Теперь ты знаешь то, что я хотел от тебя скрыть – не потому, что не доверял тебе, а из опасения, что это нас разделит.
– Если люди нужны друг другу, ничто не разделит их, – горячо возразил Марио.
– Ты наивен, – Мигель усмехнулся и скрестил руки на груди.
– Почему ты так разговариваешь со мной? – Марио повысил голос, с вызовом глядя на Мигеля. Не так он представлял себе эту встречу...
– Увы, никому нельзя доверять с первого взгляда, – голос Мигеля оставался бесстрастен, как и весь его облик.
– Мне ты можешь доверять, – твердо сказал Марио.
– Потому, что ты считаешь меня другом? А если завтра перестанешь считать?
– Мигель!.. – простонал Марио, схватившись в смятении за лоб. – Я тебя не узнаю...
– Прости, дружище, но такова моя жизнь, – невозмутимо произнес Мигель. – Никому нельзя верить, пока не узнаешь человека сполна. А мы знакомы всего несколько недель.
– И чем я могу доказать тебе преданность? – спросил Марио, справившись с собой. – Хочешь, чтобы я стал одним из вас?

Мигель посмотрел на него удивленно и ответил с ироничной усмешкой:
– Ты не годишься для этой работы.
– Почему?
– Это слишком трудно для тебя. Ты даже не пройдешь проверку.
– Какую проверку?
– На прочность. Надо выдерживать боль, голод, жажду, продолжительную физическую нагрузку. Нас проверяют прежде, чем взять на службу. Работа не из легких.
– Ради тебя я выдержал бы что угодно! – пылко воскликнул Марио и тотчас испугался, что Мигель неверно поймет его слова. Но Мигель не обратил внимания на его пылкость:
– Зачем идти на службу ради меня и бросать нормальную жизнь? Не имеет смысла.
– Да я и не собираюсь, – пробормотал Марио в сторону. – Просто не сомневайся во мне.
– Хорошо, – смягчился Мигель. – Но одно условие: ты не спрашиваешь лишнего. О нашем расположении, наших действиях, моих заданиях: ничего. И не обижаешься, если я что-то не рассказываю тебе.
– Мне совершенно незачем знать о вашей деятельности, я все равно это не одобряю, – уверенно сказал Марио.
– Итак, ты все понял, – бесстрастно подытожил Мигель. – Общаемся, как прежде.
– Да, общаемся, как прежде, – печальным эхом отозвался Марио, стоя перед Мигелем и

глядя на него с сожалением.
– Тебе что, жаль меня? – с легкой усмешкой спросил тот.
– Если честно, то да.
– Почему?
– Потому, что ты несвободен. Ты кажешься свободным, но на самом деле ты не принадлежишь себе.
– Да, не принадлежу. Я принадлежу своей семье.
– В смысле? – не понял Марио.
– Нашей организации.
– Как красиво звучит!.. – с иронией отметил Марио.
– Для многих из нас это имеет большое значение, – очень серьезно произнес Мигель. – Многие не имеют настоящей семьи.
– И ты тоже?
– И я. Я ушел из дома, когда мне было тринадцать. Родители ссорились каждый день, и мне это надоело. Я год жил на улице, пока друзья не предложили работу.
– Это не работа, а кабала какая-то, – мрачно пробубнил Марио в сторону.
– Не тебе судить, дружище, – мягко ответил Мигель. – Для нас это возможность выжить. Что еще было возможно для подростка, живущего на улице? Окончить университет и работать, как все приличные люди? – Мигель издевательски рассмеялся.
– Я не пытаюсь судить ни тебя, ни твоих, –

миролюбиво сказал Марио. – Просто для меня твоя жизнь непредставима.
– Для всех, кто живет хорошей жизнью, наша непредставима. Ты можешь представить боль, когда ничего не болит? Ну вот.

Марио опустился на песок и обхватил колени руками. Он все воображал иначе...
– Знаешь, Мигель, после того, как тебя арестовали, я провалил экзамен, – начал тихо говорить Марио, не глядя на приятеля, стоявшего рядом. – И забросил все занятия. Закрылся в своей комнате и никого не хотел видеть.

Марио пытался достучаться до Мигеля, разрушить эту стену отчужденности, на которую столь неожиданно наткнулся. Мигель сел возле него, на расстоянии вытянутой руки.
– Мне жаль, – почти безразлично отозвался он. – Не думаю, что правильно поддаваться эмоциям и пускать жизнь на самотек.
– Черт побери, я не к этому! – воскликнул в досаде Марио и вскочил перед Мигелем. – Неужели ты не понимаешь, что я беспокоился о тебе? Или ты напрочь лишен чувств?

Мигель, продолжая сидеть, смотрел на взволнованного Марио и мягко улыбался.
– Я рад узнать, что ты беспокоился обо мне. Но теперь не стоит ни о чем беспокоиться, садись обратно, давай поболтаем о чем-нибудь.
– Ты опять не понимаешь... – Марио посмотрел в отчаянии на Мигеля. – Я беспокоился о тебе, думал, как тебе помочь, хотел увидеть

тебя, представлял нашу встречу... Представлял не так, как сейчас все получается...
– А как? – негромко спросил Мигель, с любопытством глядя на Марио.
– Как-нибудь получше... – Марио не смотрел на друга. Мигель бережно взял его за руку:
– Садись.

Марио покорно сел. Сикарий придвинулся к нему и заботливо обнял его одной рукой за плечи. Марио покраснел от неожиданности и замер в ожидании чего-то. Но Мигель не двигался и ничего не говорил, только подержал свою уверенную руку на его плечах некоторое время.

XV

– Для внешнего мира мы не люди, – вполголоса говорил Мигель, сидя на песке рядом с Марио и задумчиво глядя вдаль. Тени сгущались под деревьями, и серебристый поток перестал сверкать на солнце, которое клонилось все ближе к закату. – Ты видел, как пишут о нас в новостях: «Истреблены, нейтрализованы, уничтожены...» Даже не «убиты» – «уничтожены». Как о зверях или о мусоре. И сколько злорадства по этому поводу! Как будто мы не граждане того же государства, не соотече-

ственники тех, кто злорадствует... Разве ты сам воспринимал нас иначе?
– Нет, не иначе, – с трудом произнес Марио, не решаясь взглянуть на Мигеля. – Я считал, что у каждого человека есть выбор, как жить. И те, кто пошел неверным путем, выбрали такой путь сознательно.
– Да, у нас есть выбор: бороться или сдаться. Мы предпочли бороться.
– Но, может, все-таки лучше было остаться на улице? – осторожно предположил Марио.
– Почему лучше?
– По крайней мере, как-то приличнее...

Мигель рассмеялся на его логику.

– От голода на все пойдешь, не думая о приличиях. На улице – что? Воровство, разбой... Чем это приличнее? По-моему, даже хуже. Что до нашей организации, у нас есть устав,* мы выполняем приказы и получаем зарплату; мы трудоустроены, так сказать.

Здесь Марио хмыкнул.

– Понимаю, звучит забавно, – согласился Мигель, – но это так. Такая работа – или, точнее, военная служба. Мы – на войне. Только это война без победителей. Военные гордятся, когда убивают наших, но разве это победа? Мы не враги, не захватчики. Мы просто пы-

* Я привожу выдержки из устава данного картеля на с. 221, так как это интересный материал. – *О. Кавецкая*

таемся выжить. Кто мы в большинстве? Те, кто находится за чертой бедности. Нашу работу иногда называют «легкие деньги». Это кровавые деньги. Прóклятые деньги. Деньги, добытые нашей кровью и кровью наших друзей. Мы расплачиваемся за свое мнимое процветание покоем, близкими, жизнью... Для нас смерть – это повседневность. Сегодня ты жив, а завтра неизвестно. Мы не можем загадывать даже на следующий день. Завтра нас могут убить или арестовать. Мы не знаем ни покоя, ни безопасности. Мы не принадлежим ни себе, ни этому миру. Мы уже там, живые тени. Мы мертвы при жизни. Да, мы чувствуем, любим, ненавидим, мечтаем, но нас будто нет. Нет для обычного мира – мира обычных людей. Нет для будущих поколений. Что мы оставим по себе, кроме смерти? Мы прилагаем столько труда и жертвуем жизнью – ради чего? Ради смерти.

Мигель сделал паузу, после чего продолжил, по-прежнему неторопливо и негромко:

– У нас те же понятия, что и у других людей – верность, преданность, бескорыстие, смелость, честность, честь... Мы сражаемся и умираем не ради одних денег и, тем более, не для того, чтобы в итоге погибали клиенты нашего хозяина (о клиентах вообще не думается: в конечном счете, это их выбор, *никто не принуждает их употреблять яд*). Мы сражаемся ради нашей семьи. Именно семьи: мы, как кров-

ными узами, связаны общим делом и общими целями. Но для внешнего мира это лишь зло, и не может быть иначе. Нас нет. Мы тени из небытия.

Мигель замолчал. Марио не шевелился рядом с ним и ждал продолжения. Помолчав, сикарий снова заговорил, тем же тихим спокойным голосом:

– Сегодня у нас пистолеты с позолоченной рукояткой и дорогие машины, а завтра мы просто тлен. Вот ты можешь загадать на десять лет вперед, а я не могу планировать даже на завтра. Ты будешь жить, а я едва ли. Но меня это не страшит. Мы не боимся смерти. Гораздо хуже – угодить в тюрьму. Лучше погибнуть, чем годами гнить в камере.

Конечно, есть вкус в нашей жизни. Приятно чувствовать себя сильным, иметь какие-то дорогие вещи и свои деньги – тем более, если раньше не имел ничего. Приятно чувствовать себя частью целого, ощущать свою принадлежность к чему-то. Раньше ты был никому не нужной частицей, а теперь наводишь ужас на противника... Но в итоге все это ничто в сравнении с обычным покоем. Я больше всего хотел бы покоя. Жить спокойно, зная, что ничто меня не подстерегает. Постоянно ходить даже с позолоченным оружием надоедает. Гораздо лучше, когда в нем нет необходимости.

Мигель помолчал и затем продолжил:

– Не думай, что нам нравится убивать. Мы не

маньяки, мы солдаты. Разве солдаты убивают ради удовольствия? Они выполняют приказ. Вот и мы выполняем то, что нам велят. По своему решению мы не имеем права убивать, за это можно и жизнью поплатиться.
– Ты и меня мог бы убить, если бы тебе приказали? – прямо спросил Марио, посмотрев в глаза Мигеля. Тот опустил взгляд и некоторое время сидел молча. Потом твердо сказал:
– Нет, – и добавил:
– Я отказался бы делать это сам.
– Но позволил бы, чтобы это сделал кто-то другой? – с наигранной непринужденностью уточнил Марио.
– Я не могу решать за хозяина. Если бы он счел нужным убрать тебя, я не мог бы спорить с ним. Единственное, что я мог бы, это отказаться исполнять сам. Мы не имеем права оспаривать решения хозяина. Мы простые исполнители его воли. Если он приказал что-то сделать, – значит, так надо. Мы не думаем о причинах и целях – мы делаем то, что велено.
– И ничего не чувствуете? – не без удивления спросил Марио. – Вины, сожаления, сомнения, раскаяния?
– Стараемся не чувствовать... – Мигель помрачнел. – Однажды мне пришлось допрашивать одного сикария из конкурентов. Это был красивый парень примерно моих лет. Очень красивый и очень смелый... Он знал, что́ его ждет, но ничем не выражал страха. Он мог вы-

дать своих и спасти свою жизнь, но он не хотел быть предателем. Я не сумел получить от него нужные сведения. Я предложил ему перейти на нашу сторону, но он отказался. Я должен был устранить его. Думаешь, мне было все равно? Я смотрел на него и представлял, что он мог стать моим другом, что мы могли быть счастливы... – Мигель замолчал, мрачно глядя на спокойную воду ручья.
– Ты убил его? – спросил Марио с легким трепетом.
– Да. Я бросил его тело у дороги, оставив возле него записку для его людей. Тот красивый парень превратился просто в тело у дороги... Его люди позднее нашли его, и кто-то оплакивал его, и проклинал нас, и обещал отомстить... Думаешь, мы совсем ничего не чувствуем? Одни стараются не чувствовать, а другие уже перестали. Ко всему можно привыкнуть.
– А ты не мог сбежать с ним? – вдруг спросил Марио. Мигель снисходительно улыбнулся:
– Зачем? Ведь нас ничто не связывало. Он был чужой, я всего лишь подумал о том, что могло быть. Он был одним из многих, кого нам пришлось убрать.
– А что было потом?
– Думаешь, он приходил ко мне во сне? – Мигель усмехнулся. – Нет, не приходил. Я только выполнил то, что велел хозяин.

Все, о чем рассказывал Мигель, было труднопостижимо для Марио. Как это – убить

человека? Он сам был неспособен причинить вред даже насекомому. «Да, на войне тоже убивают, и это считается геройством, но то на войне. Как можно лишить кого-то жизни ради того, чтобы получить деньги?» Этого Марио никак не мог понять. Он сам, наверное, не смог бы пользоваться деньгами, полученными за чужую гибель, за чьи-то слезы... Как можно что-то покупать на них?

– Почему ты не бросишь эту работу? – спросил Марио. – Накопи денег и уходи.

– Куда?

– Жить нормально.

– Учиться, работать, создать семью, а потом умереть в окружении детей и внуков? – с иронией произнес Мигель. Это напомнило Марио его собственные мысли.

– А что ты хотел бы, если не этого?

– Покоя. И кого-то близкого.

– Жену?

– При таком образе жизни? – саркастически засмеялся Мигель. – Нет, наши тоже иногда женятся, но это не для меня.

– Почему? – живо поинтересовался Марио.

– Я не хотел бы оставить вдову, – уклончиво ответил Мигель. После короткой паузы он неожиданно предложил:

– Давай завтра покатаемся на моей машине!

– С твоими людьми? – уточнил Марио.

– Зачем? Только мы двое.

Это звучало заманчиво, но...

– Что если нас засекут полицейские?
– С виду это обычный пикап.
– Тогда я согласен, – радостно сказал Марио.

XVI

Марио встретился с Мигелем солнечным вечером за городом, куда добрался на автобусе. Мигель уже ждал его, стоя возле своей машины, припаркованной на обочине почти пустынной дороги. Это был черный пикап марки «Ford Lobo Raptor». Внешне он действительно ничем не привлекал внимания.

Марио подошел к машине, и Мигель открыл ему дверцу. Без раздумий Марио забрался внутрь, на уютное сиденье рядом с водительским.
– Не боишься? – шутливо спросил Мигель.
– Ты же без приказа ничего мне не сделаешь, а ваш хозяин явно не заинтересован в каком-то студенте, – в тон ему ответил Марио. – У меня и денег больших нет.
– А мы не похищаем ради выкупа, – сказал Мигель и, обойдя машину, сел за руль. – Мы делаем деньги сами, – он включил зажигание. – Куда направимся?
– На твой выбор, – ответил Марио умиротворенно. – Мне в любом случае все это нравится.

Мигель довольно улыбнулся. Он был в отличном настроении и выглядел даже еще лучше, чем обычно. На нем была черная футболка, заправленная в облегающие черные джинсы с узорчатым ремнем. На левой руке были часы (Марио не разбирался в часах, но подумал, что они дорогие) и то же серебряное кольцо, на правой – пара браслетов и обереги, на шее – тонкая золотая цепочка. Блестящие шелковистые волосы юноши были аккуратно причесаны.

Молодые люди поехали по дороге, ведущей за город. Отдельные частные дома по сторонам скоро закончились, и теперь только редкие кусты мелькали в пепельно-зеленом пространстве, позолоченном сиянием заходящего солнца.

Марио сидел, расслабленно откинувшись на спинку сиденья, и бездумно смотрел на пустынную прямую дорогу, освещенную сбоку мирным солнечным светом. Ему нравилось такое состояние, когда можно было ни о чем не думать – лишь чувствовать и впитывать впечатления. Когда в последний раз так было? Он уже не помнил. Его ум почти постоянно был занят размышлениями, а воля напряжена в усилии. Сейчас можно было просто наслаждаться жизнью.

Неожиданно Мигель остановился на обочине.

– Хочу показать тебе кое-что, – загадочно про-

изнес он и, открыв бардачок, достал пистолет. Марио вздрогнул.
– Одна из наших «игрушек», – сказал Мигель с любовью и подал пистолет Марио. – Можешь подержать.

Марио с трепетом принял оружие. Пистолет был тяжелым и холодным. Черный, полированный до зеркального блеска, с золотой вставкой на рукоятке, где диамантами (или же стразами?) была изящно выведена аббревиатура организации Мигеля: он казался скорее произведением искусства, чем орудием убийства.
– Никогда в жизни я не держал в руках ничего подобного, – прошептал Марио, с восхищением рассматривая пистолет. – А выглядит даже красиво.
– Конечно, красиво, – отозвался Мигель. – Кстати, с другой стороны рукоятки – мои имя и фамилия.

Марио осторожно перевернул пистолет и увидел надпись, сделанную четкими золотыми буквами: «Мигель Анхель Валенсия Диас». «Тебя по нему и опознают», – вдруг подумал Марио.
– Что такое? – спросил Мигель, заметив, что Марио помрачнел.
– Ничего, просто мысли... – пробормотал тот и спокойно поинтересовался:
– Многих ты из него убил?
– Не считал, – невозмутимо ответил Мигель.

– И того парня, про которого рассказывал?..
– Нет, его из автомата.

Мигель говорил так просто, словно речь шла об охоте на уток. Марио подержал пистолет еще немного и вернул. Мигель взял его и некоторое время задумчиво поглаживал сияющую аббревиатуру своего картеля. На его губах играла чуть заметная полуулыбка. О чем он думал? Марио не мог даже предположить. Мир Мигеля был совсем близко, но при этом оставался непостижим, будто надпись на незнакомом языке. Марио казалось, что он никогда не сможет прочитать эту надпись – никогда не сможет сполна понять своего нового друга. Никогда не сможет стать для него своим...

Марио не сводил взгляда с пистолета. «При желании он легко мог бы убить меня», – подумал Марио. Одним нажатием на курок Мигель мог положить конец всем его мечтам и надеждам. Так же, как положил конец мечтам и надеждам многих других. Та блистающая красота в изящных, но сильных руках была всего лишь орудием смерти. Смерть была – за сияющей поверхностью. За сияющей поверхностью существования Мигеля...

Мигель аккуратно поместил пистолет между бедер дулом вниз и тихо проговорил:
– Поехали дальше.

Марио продолжал смотреть на оружие, покоившееся меж стройных бедер юноши, обтя-

нутых черными джинсами. Внезапно Мигель взглянул на Марио и перехватил его взгляд. Марио смутился и тотчас отвел глаза. Мигель пристально посмотрел на него несколько секунд, после чего спокойно завел машину. Сердце Марио отчаянно колотилось. Он уставился в боковое окно на расстилавшееся поле, однако перед его мысленным взором все еще мережил этот мерцающий диамантами пистолет, с изящной аббревиатурой на рукоятке, между стройных обтянутых бедер...

Мигель включил музыку.

– Так лучше, – спокойно сказал он, настраивая громкость. – Мы любим ездить с музыкой.

Это был рэп с элементами мексиканской кумбии. Под бодрую мелодию звонкий молодой голос браво повествовал о храбрости и преданности сикариев.

– Тебе нравится? – мягко улыбнулся Мигель, взглянув на Марио.

– Впечатляет! – ответил Марио с искренним восхищением.

– Исполняет один из наших. Текст мы тоже сами писали. Если хочешь, я пришлю тебе еще что-нибудь из наших песен.

Марио, предпочитавшему классическую музыку, действительно понравилась эта песня. Ему понравилось все: задорная музыка с увлекающим ритмом, езда по дороге за городом, этот уверенный юноша, непохожий ни на кого... Все было новым, поразительным и захва-

тывающим. Была во всем этом свобода. От чего? От условностей, от необходимости казаться кем-то и делать что-то, от косности «правильного» общества, постепенно утрачивающего общечеловеческие ценности. Вдвоем в машине на пустынной дороге где-то за чертой города, они были свободны. Его мир и мир Мигеля были равно далеки от них. Они были вместе – здесь и сейчас. И пистолет мирно сиял между красивых бедер...

В город юноши вернулись, когда уже стемнело. Мигель высадил Марио там же, на окраине: Марио опасался, что его родители или знакомые могут увидеть их вместе.
– Потом еще покатаемся на этой машине, – пообещал Мигель, стоя перед Марио возле пикапа в свете фар. – А когда-нибудь надо прокатить тебя на танке.
– Это было бы здорово! – с восторгом ответил Марио и благодарно улыбнулся:
– Спасибо за поездку. Она незабываема. А теперь мне пора, – он уверенно подал Мигелю руку. Сикарий крепко пожал ее и чуть задержал в своей.

XVII

В тот вечер Марио не мог уснуть. Он вспо-

минал минувший день и думал о том новом, что исподволь вошло в его жизнь. Оно началось еще в день знакомства с Мигелем, но лишь теперь, после поездки, Марио осознал, что это было... Он влюбился в Мигеля. Эта привязанность к нему, потребность видеть его, беспокойство за него, радость встреч – все было проявлением влюбленности. Поначалу платоническая, теперь она неожиданно для самого Марио стала чувственной.

Никогда с ним не происходило ничего подобного. Прежде он слегка интересовался девушками, но это было чем-то поверхностным и безжизненным. В тех мимолетных увлечениях не было духа: он не испытывал привязанности, не ощущал нежности или восхищения. Было только плотское, почти животное начало, словно он воспринимал предметы своего случайного внимания лишь как тела – бездушные, смертные тела. Он не видел в них душу. Нет, он не был женоненавистником, он уважал женщин: он просто не ощущал в них души. И его прежние симпатии были всего лишь легким интересом к незнакомому телу.

С Мигелем все обстояло иначе. С самого начала Марио воспринимал его именно с духовной стороны. Он был для него – дух во плоти.

Свободный дух, неподвластный смерти... Да, неподвластный – вопреки всему. Можно убить тело Мигеля, но его душа останется

жить в вечности – христианской ли, в которую верили родители Марио, или в том трансцендентальном понятии бесконечности, о котором задумывался он сам, но она обязательно продолжит жить. Разве какая-то пуля может положить конец этой духовной силе, этой свободе, этой непобедимой внутренней жизни? Мигель казался слишком живым и потому – вечным.

Вечность: вот, что открывалось Марио в этих отношениях. Вечность духа.

И этот дух был облечен в столь прекрасное тело... Марио даже простонал, вспомнив еще раз ту картину с пистолетом. Кстати, зачем Мигель так странно поместил свое оружие? Может быть, он сделал это намеренно, чтобы соблазнить Марио? Или же он хотел узнать его предпочтения?

Марио не мог понять, как Мигель относится к нему, и не мог даже представить, как тот отозвался бы на его признание. Может быть, он просто получил бы пулю в лоб за всю свою фантасмагорию с вечностью... Как у мафиози обстоит дело с такими вещами? Марио еще не знал этого.

XVIII

Марио сумел пересдать проваленный эк-

замен и успешно сдать остальные. Он по-прежнему оставался лучшим, но больше не стремился превзойти самого себя. Куда исчезли его соревнование с самим собой и желание быть первым во всем? За считанные недели он превратился в другого человека. Нет, он не стал ленивым или безразличным: он перестал видеть смысл там, где видел раньше. Зачем прилагать невероятные усилия лишь для того, чтобы доказать что-то самому себе или окружающим? Зачем пытаться быть всегда лучшим? Не достаточно ли только хорошо выполнять свои обязанности и радоваться жизни, когда есть возможность? Марио стал проще смотреть на вещи.

Раньше ему казалось, что его жизнь бесконечна и всегда все будет так, как сейчас. Солнце будет так же освещать его комнату, мать будет звать его к ужину, он будет проводить ночи за книгами... Теперь пришло осознание того, что всему земному есть предел. И, если мы не можем остановить время, надо научиться ценить то, что есть, и жить настоящим, не откладывая жизнь на завтрашний день. *Завтра может не быть*. Эта идея принадлежала не ему. Это было мироощущением тех его ровесников, которые работали, подобно Мигелю. Тех молодых ребят, которые не имели ни прошлого, ни будущего, но лишь мгновение между и – всю вечность...

Теперь Марио относился к сикариям ина-

че. Прежнее высокомерное презрение прошло. Оно происходило лишь от незнания и непонимания. Когда-то он даже радовался, если военные уничтожали сикариев; теперь он испытывал сожаление. Они не были злом: они были трагическим порождением зла – нищеты; и устранить это зло, убивая людей или сажая их в тюрьмы, было невозможно.

Марио понимал, как ему повезло. У него был хороший дом, заботливые родители, перспективная учеба. Он родился в благополучных условиях. А кому-то довелось родиться в лачуге на окраине. На окраине жизни.

Никогда прежде Марио не задумывался о том, что имеет; теперь же он стал ценить все – и свой дом, и семейный ужин, и даже учебу в университете. А самое главное, что́ он стал ценить, это свое будущее. Он *обладал* будущим. А Мигель – нет.

XIX

Что-то звенит. Спросонья Марио пытается отключить будильник, стоящий на тумбочке, тычет рукой раз за разом по кнопке, однако назойливый звон не утихает.

– Черт возьми, что это такое? – недовольно бубнит Марио и открывает глаза. Дорожка

голубоватого лунного света пересекает комнату. Еще ночь.

Звон продолжается. Ах да, это же новый рингтон на телефоне, он вчера установил его... Марио берет телефон с тумбочки.

– Алло, – сонно бормочет он.

– Привет, это Мигель, – раздается в трубке бодрый голос. – Я сейчас свободен, поехали кататься на танке!

Недоумевая, Марио садится в кровати:

– На танке? В столь поздний час?

Мигель смеется на том конце:

– А почему бы и нет? Сейчас всего одиннадцать часов. Отличный вечер, а главное – свободный.

Марио окончательно просыпается:

– Хорошо. Просто я лег спать пару часов назад и не мог до конца проснуться... Конечно же, поедем кататься на танке!

Они договариваются о месте встречи, и Марио вскакивает с постели. Его родители уже спят, и это хорошо: ему не хотелось бы придумывать историю для объяснения своего ухода.

Марио умывается, надевает свою обычную одежду для прогулок и причесывается. Вот он и готов.

Нет, не готов. Марио придирчиво осматривает себя в большом зеркале. Эта бежевая футболка ему совсем не идет, надо надеть синюю. Он меняет футболку. Проклятье, теперь джинсы не подходят... Он находит другие. Так, все

готово.

Нет, не все. Где его лучший ремень? Тот, черный, с серебряной пряжкой... Марио отыскивает его в шкафу и примеряет. Хм, смотрится слишком просто... Светлый с золотистой пряжкой будет лучше.

Не лучше: не подходит к футболке. Лучше предыдущий...

Да какая разница, в конце концов! Мигель даже не заметит результат его усилий. Может быть, не заметит... Марио до сих пор не понимает, как Мигель относится к нему; однако ему все равно хочется производить приятное впечатление.

Раньше его жизнь была проще: надел то, что нравится, и пошел. А теперь надо выбирать. Вот оно, неудобство быть влюбленным!

Опять звонок. Марио прыгает к тумбочке за телефоном.

– Ты уже готов? – живо спрашивает Мигель.

– Почти, скоро буду, – заверяет Марио. Они должны встретиться за городом, как в прошлый раз. Там Мигель позвонит и объяснит, как найти его. Пожалуй, не стоит заставлять его ждать. Надеть то, в чем будет удобно лезть в танк, и бежать на автобус...

XX

Как только Марио вышел из автобуса, раздался звонок.

– Иди прямо по дороге, – сказал Мигель, – потом сверни на второстепенную, пройдешь по ней немного, и там буду я.

Марио пошел, как велел Мигель. Вокруг не было ни души. Фантастический серебристый свет полной луны заливал пространство, и кусты по сторонам дороги казались неясной массой цвета индиго, как на картинах Леонардо да Винчи. Все было ирреальным, вымышленным, потусторонним...

Когда Марио свернул с трассы на грунтовую дорогу – узкую, иллюзорную, почти скрытую в тени кустов, у него мелькнула мысль: «А что если это ловушка?» Что если он напрасно согласился на предложение Мигеля?

Марио прошел еще немного и увидел вдалеке очертания чего-то прямоугольного и темного. Он сбавил шаг: ему стало не по себе.

Неожиданно темный предмет осветился изнутри. Это был танк Мигеля. Мигель открыл дверцу, ловко выбрался на дорогу и встал в золотистой полосе света из салона. Марио увидел, что сикарий был в камуфляже и бронежилете, с винтовкой AR-15 в руках. У Марио ослабели ноги. Что тот задумал?

– Марио! – приветливо позвал его Мигель, видя, что приятель остановился в замешатель-

стве. Марио опасливо подкрался, приглядываясь то к хорошо экипированному Мигелю, то к его чудо-технике. Танк представлял собой переоборудованный грузовик, полностью обшитый металлическими пластинами и походивший на некое доисторическое чудовище. Перед капотом красовался припаянный горизонтально массивный металлический треугольник – для тарана. Сбоку в призрачном сиянии луны можно было рассмотреть начертанную четкими белыми буквами аббревиатуру организации Мигеля.

Мигель стоял возле открытой дверцы и озорно улыбался, глядя на испуганного Марио.

– Страшно? – задорно спросил он.

– Ты... ты к чему-то приготовился? – хриплым от волнения голосом проговорил Марио.

– Да, к нашей встрече.

– А зачем тебе оружие?

– Хотел показать тебе, какой я в своей жизни.

Марио с опаской осмотрелся по сторонам.

– Ты правда ничего не задумал? – уточнил он.

Мигель весело рассмеялся:

– А ты еще обижался, когда я не доверял тебе. Ну вот, теперь ты боишься меня. Не бойся, – он открыл дверцу танка с другой стороны и пригласил любезно:

– Забирайся!

У Марио мурашки побежали. А что если?..

– Если хочешь, можешь уходить, я не застав-

ляю, – осторожно заметил Мигель, видя его нерешительность.
– Не уйду, мне интересно... – пробормотал Марио и не без тревоги полез в танк.

Внутри было уютно: мягкие черные сиденья, хорошее освещение, чистота. Мигель ловко забрался на сиденье водителя, поставил винтовку рядом, закрыл дверцу и велел Марио закрыть дверь с его стороны. Марио едва справился: то ли дверца была тяжелая, то ли руки у него ослабели.
– Успокоился? – спросил его Мигель со снисходительной улыбкой.
– Почти, – Марио откинулся на спинку сиденья. – Знаешь, а ведь с моей стороны это огромная смелость...
– Ты для нас совершенно бесполезный человек, так что расслабься и радуйся жизни, – успокаивающе ответил Мигель и включил зажигание.

Зачем он все это делал? Зачем он старался развлечь Марио? Если у него действительно не было скрытых мотивов, то почему он проявлял такое внимание к нему? Ведь у него наверняка были друзья в его организации... В очередной раз Марио осознал, как мало он знает о Мигеле и как плохо понимает его. Та пропасть, которую он видел во сне, являлась отнюдь не пропастью молчания, неведения или недоверия: это была пропасть различий. Они оба жили в одно время и в одной стране,

говорили на одном языке, но Марио ощущал себя так, как будто Мигель был из другого мира или эпохи.

Мигель погасил свет в салоне и неспешно поехал по направлению к главной дороге.

– Мы случаем не наткнемся на ваших противников? – спросил осторожный Марио.

– В этом секторе все чисто.

– А полиция?

– Не беспокойся, с нами ничего не случится, – заверил Мигель и поинтересовался шутливо:

– Ну что, мог бы пойти к нам на службу?

– Думаю, что нет. Я умер бы от страха, как только увидел бы полицию или конкурентов.

– Я думал о себе так же... Ты просто недооцениваешь себя.

Мигель замолчал, чтобы не отвлекаться. Марио стал смотреть в окно на прямую дорогу, исчезавшую вдалеке в серебристом лунном сиянии.

Все было, как во сне. Или, скорее, как в новостях о мафии. Марио не мог поверить в реальность происходящего. Еще пару месяцев назад он штудировал толстые тома по истории, архитектуре, живописи, а теперь разъезжал за городом с одним из тех, кого критиковал... Правильно ли он поступал? До этой ночи он ни разу не задавался этим вопросом, но теперь, увидев Мигеля с мощным оружием возле его впечатляющего танка, он вдруг осознал, с кем имеет дело. Прежде он восприни-

мал Мигеля как юношу, который всего лишь отличался от него самого. Теперь же он со всей ясностью понял, кто на самом деле Мигель. Рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, сидел не обычный парень, а сикарий, член влиятельной криминальной организации. Не шел ли Марио против совести, против морали, общаясь с ним?

– О чем задумался? – непринужденно поинтересовался Мигель, бросив на Марио проницательный взгляд.

– Так, о пустяках, – проронил Марио, опуская голову.

– У тебя хмурый вид. Тебе что-то не нравится?

– Все в порядке.

Они медленно ехали по пустынной дороге, все больше удаляясь от города. По сторонам расстилалась темная равнина, и нигде не было видно ни огонька.

Мигель остановился на обочине и выключил мотор.

– Марио, что не так? – заботливо спросил он, держа руки на руле и всматриваясь в лицо Марио. Тот серьезно посмотрел на него:

– Я думаю, правильно ли я делаю, общаясь с тобой. Прости, но я не могу не задумываться об этом.

– Это вполне естественно, – спокойно ответил Мигель и устремил взгляд вперед на сумрачную дорогу. – Если хочешь, ты можешь оставить меня.

– Уже не могу, – тихо отозвался Марио.
– Почему? – Мигель обернулся к нему.
– Мне больше не с кем общаться.

Мигель отчего-то слегка усмехнулся в сторону. Пока он не видел, Марио стал исподволь рассматривать его. С каждой встречей Мигель казался ему все красивее. При знакомстве он был просто миловидным юношей; на прошлой встрече, когда они катались на пикапе, он выглядел необыкновенно привлекательным в своей хорошо сидящей соблазнительной одежде и с дорогим пистолетом; теперь же он казался Марио совершенством. Размышляя о морали, он не мог не поддаваться этому странному очарованию Мигеля. В чем оно заключалось для Марио? Он боялся признаться себе, но это очарование состояло именно в том, что заставляло его думать о морали...

Было в этом влечении нечто фатальное, словно ему самому оставалось жить совсем мало, и оттого он бросался с головой в омут – в омут своих скрытых, подавленных страстей, желаний и стремлений. Мигель был для него воплощением свободы – не беззакония, но именно свободы, и эта свобода манила его, как если бы с Мигелем было возможно то, что являлось невозможным с другими. Как если бы Мигель был единственным человеком во Вселенной, с кем ему могло быть хорошо...
– Почему у тебя нет друзей? – беззаботно поинтересовался Мигель.

– Друзья детства понемногу исчезли, а новых еще не успел завести, – уклончиво объяснил Марио.
– Что значит для тебя дружба?
– Друзья – это очень близкие люди, равные по духу, ради которых можно пойти на все, – вдохновенно ответил Марио.
– Что бы ты сделал на моем месте, если бы тебе довелось допрашивать того парня?
– То есть, если бы я почувствовал к нему расположение?
– Да, если бы ты подумал: «Этот человек мог бы стать моим другом, но я должен убить его».
– Я спас бы его! – пылко произнес Марио. – Ведь друг – пусть пока потенциальный – важнее всего.
– Вот поэтому ты не смог бы работать у нас, – невозмутимо констатировал Мигель. Марио опешил от его неожиданного вывода, но быстро нашелся и твердо сказал:
– Я не собираюсь работать у вас.
– Даже ради меня? – спросил Мигель и с мефистофельской улыбкой посмотрел ему в глаза – в самую душу заглянул, куда сам Марио заглянуть боялся.
– Я... – Марио смешался и опустил глаза. – Я даже не знаю...

Он погрузился в раздумья. Мигель спокойно ждал.
– Нет, Мигель, – заговорил Марио после недолгого размышления. – Даже ради тебя я не

стал бы убивать тех, кто по той же причине оказался у другого хозяина. Ты думал когда-нибудь об этом?
– Мы стараемся не думать о таких вещах, – ответил Мигель ровным голосом. – Мы простые исполнители, все решает хозяин. Лишние размышления могут стоить нам работы, а то и жизни.
– Но все же думаете? – допытывался Марио.
– Опять спрашиваешь, не жалко ли мне моих врагов? Зачем тебе это знать?
– Хочу узнать, не все ли в тебе погибло, – бесстрастно объяснил Марио.

Мигель иронично усмехнулся:
– Представь, враги напали на нашу страну, и я жалею их.
– Враги, напавшие на страну, и твои соотечественники, оказавшиеся на другой стороне, это разные понятия, – холодно заметил Марио.
– Ты прав, это разные понятия. Но наши соотечественники не думают о том, кто мы, когда стреляют по нам со своей стороны.
– В этом вся гадость вашей войны, – подытожил Марио. – Братоубийственная война, и ничего больше.
– Что ты скажешь о военных, которые убивают сикариев независимо от того, на какой они стороне? – миролюбиво парировал Мигель.
– То же самое скажу, – уверенно ответил Марио. – Мне это не нравится. Я не вижу ничего героического в действиях военных против вас.

Эта война – бессмысленная бойня. Невозможно уничтожить всю организацию, убивая отдельных членов: на их месте появятся другие. Более того, я против любой войны. По моему мнению, война – это проявление животных импульсов в человеке. Люди дерутся за что-то, как животные, – Марио поморщился презрительно.

– Насчет войн ты прав, – дружелюбно согласился Мигель. – А что до нас... Ну, это уже не нам смысл искать. Мы только пешки в большой игре.

– Ты можешь уйти? – опять спросил Марио.

– Куда?

– К нормальной жизни.

– Представь, я ушел. А дальше?

– Учиться, работать...

– Где учиться? – усмехнулся Мигель. – Мне восемнадцать лет, а я даже не окончил среднюю школу.

– Окончи тогда! Если есть желание, все возможно, – с горячностью сказал Марио.

– В этом наше различие, – спокойно ответил Мигель. – Ты видишь много возможностей потому, что у тебя есть все, а у нас из всех возможностей – жизнь или смерть.

Марио больше ни о чем не спрашивал, и Мигель замолчал. После молчания сикарий произнес негромко:

– Учись радоваться настоящему. Это единственное, что все мы действительно имеем.

XXI

Марио и Мигель проехали около двадцати километров и повернули обратно. Дорога была почти пуста; в салоне был погашен свет; фары ярко освещали путь; по сторонам мелькали черные кусты; в антрацитовом небе сияла луна среди мерцающей россыпи звезд.

Марио смотрел в боковое окно на звезды и думал о том, что на самом деле их нет миллионы лет, а то, что мы видим, – это их свет, дошедший до нас. «Не такова ли судьба некоторых людей? Поэтов, художников и других выдающихся деятелей, чье наследие остается навека, хотя они сами исчезают. Но большинство людей должны исчезнуть в темноту, не оставив по себе ничего. Лишь такая ледяная антрацитовая пустота, и все».

Что оставит Марио? Возможно, примечательные архитектурные сооружения – жилой дом или церковь... «А каким окажется наследие Мигеля и других, подобных ему? Они тоже не исчезнут бесследно, но память о них будет хуже забвения. Лучше быть забытым, чем оставить по себе дурную славу. А от них останется именно дурная слава. Никто не задумается о том, по какой причине они стали сикариями. Никому нет дела до причин: люди видят лишь поверхность. А их поверхность – это зло. Можно иметь свои принципы, быть надежным, верным и честным – для своих, но для внеш-

него мира ты всегда будешь злом. Криминальным элементом, который следует уничтожить.

В конечном итоге, получается, что судьбу человека решают деньги. Он может еще не родиться, но они уже предопределили, кем ему быть: архитектором, что возведет новую церковь, или же сикарием, который будет бороться за существование. Чертовы деньги...»

Марио и другие люди, жившие нормальной жизнью, жили на светлой спокойной поверхности, тогда как за этой поверхностью, в темноте, шло иное существование. И эти два мира никогда не смогут понять друг друга.

Марио и Мигель никогда не смогут сполна понять друг друга. У них нет будущего – лишь этот момент...

– Останови здесь, – неожиданно попросил Марио. Мигель притормозил у обочины. Полная луна клонилась к горизонту, и в почти пустом пространстве царил печальный голубоватый полумрак.

Марио, волнуясь, глубоко вздохнул и, собравшись с духом, повернулся к Мигелю:

– Просто, чтобы ты знал... – произнес он негромко хрипловатым голосом. – Я не одобряю то, чем вы занимаетесь, но я всегда буду сопереживать вам. Я имею в виду не одну твою организацию – все эти организации. Мне обидно за тех, кто не имеет возможности жить нормально и должен погибнуть.

– Не всем стоит сочувствовать, – вскользь от-

метил Мигель и внимательно посмотрел на Марио:
– Больше ты ничего не хочешь сказать?

Марио хотел. Но ему казалось, что было бы проще умереть, чем произнести то, что он еще никому не говорил. И он ответил в сторону:
– Нет.
– Ничего нельзя откладывать на потом, – тихо проговорил Мигель. – Это «потом» может не наступить.
– Я не откладываю, – пробормотал Марио, потупившись. Нет, он не может... Это нелепо, глупо, неуместно... Лучше оставить все, как есть: они познакомились, поговорили, и не более того.
– Помнишь, ты однажды сказал, что здорово писать книгу? – мягко заговорил Мигель. – Так вот, эту книгу ты пишешь сам. От тебя зависит, что́ будет на следующей странице.

Мигель словно подталкивал Марио к каким-то словам, и тот прошептал со смущенной улыбкой, не поднимая глаз:
– Если ты уже все понял, то зачем спрашиваешь?
– Да, я понял, – с нарочитой серьезностью произнес Мигель. – Ты стал уважать нас, хотя тебе не нравится наша деятельность.
– Черт возьми! – рассмеялся позабавленный Марио, не глядя на Мигеля.
– Закрой глаза, – негромко велел Мигель.

Марио с трепетом повиновался и замер. Почти тотчас он почувствовал на щеке, близко к губам, прикосновение губ Мигеля – нежных, горячих, пьянящих. Ему показалось, что он проваливается куда-то вместе с креслом, в котором сидит. В потусторонний мир «криминальных элементов», о котором только что размышлял...

– Ты не мог это сказать, поэтому я это сделал, – ласково проговорил Мигель, отстраняясь. Он как будто не ожидал отклика на свое удивительно осторожное проявление чувств. Марио сидел, как завороженный.

– Я боялся сказать это, – смущенно признался он, не решаясь поднять взгляд на Мигеля. – Не знал, что будет.

– Думаешь, я не боялся? – мягко улыбнулся Мигель. – Ведь я тоже не знал, как ты ответишь.

– Ты – боялся?! – с изумлением переспросил Марио, вскинув взгляд на Мигеля. Тот смотрел на него и улыбался, словно любуясь им.

– Иногда любить страшнее, чем убивать, – тихо произнес Мигель. Он чуть помедлил, а затем бережно поправил Марио прядь волос надо лбом. После он так же нежно провел ладонью по его волосам и плечу, не сводя с него восхищенного взгляда. Марио не шевелился, едва веря в происходящее.

– Ты для меня, как существо высшего порядка, – прошептал Мигель с обожанием. – Кто-

то лучший, чем я. Я – в лучшем образе. В своей мечте, которая не сбылась...

Марио порывисто перехватил его руку и прижал к сердцу. «Не нужно никаких слов, просто слушай, как бьется мое сердце...»

– Как только я увидел тебя у ручья, – негромко продолжал Мигель, не отнимая руку, – то сразу понял, что ты именно тот, кого я искал.

Искал, как свое земное воплощение, чтобы потом вновь его потерять...

Марио взял его руку своими обеими и, полный чувств, молча поглаживал, будто пойманную птицу. На безымянном пальце было кольцо – то самое, которое Мигель постоянно носил. Марио присмотрелся к нему в неярком свете. На кольце был выгравирован человеческий череп.

– Почему ты всегда носишь его? – поинтересовался Марио. Мигель снял кольцо и подал его посмотреть. На внутренней стороне было название организации Мигеля и слова: «Siempre fiel al Cártel». «Всегда верен своему картелю».

– Его с меня только с мертвого снимут, – твердо произнес Мигель. Для Марио эта потусторонняя верность была непостижима.

По предложению Мигеля, они перешли на задние сиденья. Там Марио с волнением решился, наконец, обнять Мигеля, и этим движением словно преодолел разделявшую их пропасть. Что классовые различия, мнение общества и стереотипы? Любовь превозмогает

все, соединяя поверх всех различий.

Так странно было видеть вблизи это красивое лицо с точеными чертами; так странно было ощущать под рукой жесткую нашивку на зеленом камуфляже с аббревиатурой зловещей организации; так странно было улавливать краем глаза тусклый блеск винтовки у переднего сидения...

Марио никогда не занимался любовью, но даже если бы у него были десятки возлюбленных, впечатления от Мигеля затмили бы всё. Он обнимал того, кого когда-то по неведению ненавидел; обнимал свой страх, свои сомнения, свой тайный и жуткий восторг... Да, восторг – как у вышедшего из глухой темницы на свободу.

Он ощущал жаркие губы Мигеля на своей шее и сквозь полуприкрытые веки видел мерцающие звезды в бледном небе. Свет далеких и вечных душ... И все было новым, и странным, и неизбежным.

... После Марио лежал расслабленно на коленях Мигеля.

– Я душу отдал бы за то, чтобы это повторялось снова и снова до конца моих дней, – проговорил Марио со свойственной ему пылкостью.

– Я надеюсь, что не покину тебя до конца своей жизни, – негромко отозвался Мигель.

XXII

Домой Марио вернулся только на рассвете. Боясь, что родители увидят его, он забрался в свою комнату по водосточной трубе, расположенной возле окна, которое он оставил незакрытым. Там он переоделся и прокрался в ванную принять душ. Потом вернулся к себе, разобрал постель и лег спать.

Он был слишком утомлен впечатлениями и бессонной ночью, чтобы думать, и потому почти сразу погрузился в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись около полудня в ярко залитой солнцем комнате, Марио тотчас вспомнил то, что произошло ночью. «Невероятно!» – с ликованием подумал юноша. Он чувствовал себя так, как будто побывал в другом измерении – в измерении совершенного счастья. Его наполняло такое ощущение свободы, что хотелось летать. Во всем теле была удивительная легкость, и легкость исполняла его душу, словно с нее спали некие оковы. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного.

То, что он ощущал, было ощущением настоящей жизни, тогда как его прежнее размеренное и распланированное существование являлось всего лишь сонным прозябанием, словно в некоем лимбе.

И это чудесное преображение произошло благодаря Мигелю... Марио подумал о нем с

признательностью. Мигель заставил его почувствовать себя счастливым и ожить, словно очнувшись от долгого унылого сна.

Марио непременно напишет о нем книгу. Не сейчас – пока он слишком молод и неопытен, но немного позднее, лет через пять... Он расскажет о своем друге и о том, что подарило ему общение с ним. Однако он не станет упоминать о принадлежности Мигеля к криминальной организации: читатели едва ли смогут понять все так же, как он сам. Да и, в конечном счете, имеет ли значение, кто Мигель и где он работает? Главное, что он замечательный человек и хороший друг. И превосходный любовник тоже... Марио улыбнулся. Нет, об этом он не станет писать. Пусть это останется их тайной, в звездном свете озарявшей их вечности.

XXIII

Марио и Мигель увиделись через два дня, на своем месте у ручья. Это место нравилось им обоим – оно было уединенным и живописным, и, к тому же, там они впервые встретились.

Когда Марио пришел (немного раньше назначенного времени), Мигель уже ждал его,

сидя у воды на валуне. Сегодня он был в гражданском – в синих джинсах и синей узорчатой футболке. Завидев Марио, выходящего из кустов на берег, Мигель радостно бросился к нему.
– Не мог дождаться этой минуты, – страстно проговорил он, заключая Марио в объятия.
– Я тоже, – промурлыкал Марио, обнимая друга за шею.

Они постояли так некоторое время, после чего устроились на песке. Мигель сел, а Марио лег, положив голову ему на колени.
– Я столько мечтал о том, чтобы вот так лежать у кого-то на коленях, – сказал довольный Марио.
– Мечты сбываются, – с мягкой улыбкой ответил Мигель, поглаживая его по плечу.
– И самым невероятным образом... Когда я проснулся тем утром и все вспомнил, то сначала подумал, что мне это приснилось.
– Я подумал то же, – отозвался Мигель завороженно и задумчиво добавил:
– Давно я не был таким счастливым...
– Давно? – переспросил Марио, привставая. Странное чувство ревности охватило его.
– Да. Ведь ты у меня не первый.
– Ну, конечно... – Марио сел. Почему-то ему стало неприятно. Он понимал, что Мигель при своих возможностях не мог оставаться один, но, тем не менее...
– И сколько же их было? – с наигранной без-

заботностью поинтересовался Марио, не глядя на Мигеля.
– Один.
– Не может быть! – Марио в изумлении уставился на друга.
– Почему же? – улыбнулся тот. – Со многими встречаются, когда не могут найти нужного человека.
– Да, ты прав. Но почему же вы расстались, если он был нужным человеком?
– Он погиб в перестрелке с силовиками, – спокойно объяснил Мигель. О чем бы он ни говорил, он всегда сохранял спокойствие. Было ли это чертой характера или привычкой, выработанной на его службе?
– Прости, – Марио потупился, – я не хотел напомнить...
– А я не забываю его. «Мертв не тот, кто ушел, а тот, кто забыл». Так говорят наши.
– И потом ты искал замену? – спросил Марио.
– Нет, замену не искал. Замена – это подмена. Никого нельзя заменить. Человек – не винтик в механизме, чтобы на его место можно было поставить другой. Нет, я хотел, чтобы мой новый друг был совсем непохож на того. Чтобы не сравнивать.
– Значит, я непохож?
– Ничем.

Мигель помолчал, после чего заговорил почти шепотом:
– В тот день, когда мы встретились, я пришел

сюда подумать о нем. И вдруг появился ты. Это было, словно послание свыше. Я сразу понял, что ты – тот самый, и снова можно жить... После его ухода было очень трудно. У меня как будто душу вынули, и осталась болезненная пустота. Я постоянно чувствовал его отсутствие. Мы жили вместе, и когда он ушел, все опустело. Я возвращался не домой, а туда, где нет друга. Весь мир стал местом, где его нет. Но яснее всего это ощущалось у его могилы. Я не мог представить его мертвым. Да, я видел его убитым, я хоронил его, но все же я не мог осознать, что он где-то там, в земле, мертвый... Для меня – для всех нас – он просто ушел на небеса, и однажды мы увидим его. Наши так и говорят, обращаясь к ушедшим: «До скорой встречи на небесах». До *скорой*...

– Это должно быть очень мучительно, – задумчиво проговорил Марио. – Потерять того, кого любишь. Хочешь увидеть его, а его нет. Хочешь обнять, но не можешь.

Он закрыл глаза, пытаясь представить то, что чувствовал Мигель, и ему стало страшно.

– Да, это очень больно, – негромко отозвался Мигель. – Но, когда думаешь о будущей встрече, становится легче. И я стал жить, думая об этой встрече. Как будто все не в прошлом осталось, а наоборот, ожидало впереди. Я перестал существовать для этого мира. Просто выполнял свои обязанности – так хорошо, как только могу. Это успокаивало.

– Успокаивало? – с удивлением переспросил Марио, решив, что Мигель имеет в виду боестолкновения.
– Да. Патрулировать нашу территорию, возиться с машиной, с оружием... Вся эта привычная рутина успокаивала.
– Я, наверное, так не смог бы, – мрачно произнес Марио. – Скорее всего, я свернулся бы в позу эмбриона на своей кровати и лежал бы часами, ничего не думая, ничего не чувствуя...
– Если бы я так залег, то лишился бы работы, – усмехнулся Мигель. – За лежание мне зарплату не платили бы.
– Ты просто сильнее меня. Ты видел смысл в том, чтобы продолжать зарабатывать эту зарплату. А я потерял бы всякий смысл жить дальше.
– Дело не в силе. Если он ушел, а я остался, – значит, так задумано свыше. И если я уйду по своей воле или все заброшу, то пойду против этого замысла. Но я этого не хочу.
– Тебе повезло: ты верующий, а я – нет, – сказал Марио с тенью сожаления. – Родители так и не смогли привить мне свою набожность.
– Возможно, ты слишком много думаешь, пытаясь понять все. Но надо оставлять место непознаваемому, чуду, – Мигель мягко улыбнулся Марио. – И тогда оно может произойти.

Чудо уже произошло: им была встреча с Мигелем. Марио едва верил в происходящее. Никогда прежде он никем не увлекался так

сильно, никогда прежде никто не любил его, никогда еще он не чувствовал себя столь свободным. Все было впервые, и все было таинством – таинством любви, юности и жизни.

Марио был уверен, что ни с кем другим у него не сложились бы такие взаимоотношения. Он был рад, что Мигель стал его первым и он не растратил себя на кого-то другого. Как будто он дождался его – дождался, когда в его святилище – у ручья – появится Мигель. Теперь он принадлежал Мигелю и хотел, чтобы так было всю жизнь.

Лежа на коленях друга, Марио взял его руку и прижал к своему сердцу. Где он мог найти слова, чтобы сказать, как сильно он его любит? Ему хотелось *сказать* свою любовь, перевести ее на слова, но их не было; и ни в одном языке мира, наверное, не было таких слов, которые выражали бы – вмещали бы – все то, что он ощущал, все то, что жило в его душе; и он только сильнее прижимал руку Мигеля к своей груди.

Тем временем, Мигель задумчиво перебирал его волосы, и легкая нежная улыбка играла на его лице. В такие моменты Марио не мог представить, чтобы Мигель кого-то допрашивал, кого-то убивал, скрывал чье-то тело... Разве эти ласковые деликатные руки, что бережно касались его волос, могли приносить кому-то смерть?

«Пусть, – думал Марио. – Это их дело, я

ничего не могу изменить. Главное, что он здесь, со мной, мой...» Марио привстал и, обвив руками шею Мигеля, порывисто прильнул к его губам. Ему казалось, что он никогда не сможет сполна насладиться им, сполна насытиться объятиями, поцелуями, ласками...

Мигель так же страстно ответил на его поцелуй и прижал его к себе; и весь мир оказался далек от них – весь мир с его нечистотой, войнами и смертью. Их любовь была для них проявлением жизни, *утверждением жизни*.

Вскоре они уже без одежды лежали на раскинутых полотенцах, и Марио принимал поцелуи Мигеля на своей груди, как животворящий дождь; и ясное бирюзовое небо виднелось сквозь изумрудную многосложность переплетенных ветвей над ними.

Мигель не мог оторваться от Марио и был готов любить его до изнеможения, забываясь в этой любви, как сорвавшийся лист – в стремительном горном потоке.

Пространство рассыпалось на мириады ярких частиц; и были только они двое, и длилась только Любовь...

XXIV

– Я хотел бы рассеяться на тысячи звезд в

небесах нашей любви... – мечтательно произнес Марио, лежа на берегу ручья возле Мигеля и влюбленно глядя на друга. – Это хорошие слова для стихотворения. Я обязательно напишу стихотворение про нас обоих.
– Ты для меня сам, как поэзия, – улыбнулся ему Мигель, поглаживая его по волосам. – Как музыка, как лучшие вещи в этом мире... Такое блаженство быть с тобой. Я чувствую себя, будто в раю.
– Я тоже, – промурлыкал Марио. – Так, наверное, и ощущается жизнь в раю.
– Наверное... Я думаю, что рай – это место, где рядом те, кого мы любим, и вся вечность впереди, – Мигель потянулся к Марио и любяще поцеловал его в щеку.

Как бы то ни было, Марио не утешало представление Мигеля о вечности: он хотел видеть его рядом на земле так долго, как только возможно. Поэтому он время от времени предпринимал вкрадчивые попытки убедить Мигеля покинуть его организацию. Марио был уверен, что его упорство и любовь возьмут верх над адамантовой твердостью Мигеля, как вода исподволь подтачивает камень.
– Что ты больше всего хотел бы в жизни? – спросил Марио. Мигель перевернулся на живот и положил голову на руки, любяще глядя на друга.
– Быть с тобой, – просто ответил он. Марио благодарно улыбнулся и поинтересовался:

– Почему тебе нравится быть со мной?
– Потому что лишь возле тебя я нахожу покой, – Мигель посерьезнел и тихо продолжил:
– Мы, сикарии, как пыль на ветру – в постоянном движении. Лишенные собственной воли и собственного пути, летим туда, куда нас направит превосходящая сила. Покоя нет ни днем, ни ночью, лишь этот полет – хаос, который мы сами и создаем. Хаос соперничества, разрушения и смерти... Даже для наших командиров покой – только мечта. Мне всегда казалось, что я смогу отдохнуть лишь на небе. Умереть, чтобы отдохнуть... Но я обрел покой возле тебя. Здесь мой рай. Здесь я чувствую себя в безопасности. Здесь я чувствую себя настоящим. Здесь я чувствую себя вечным. Здесь я живу, тогда как с оружием и деньгами я остаюсь ничем. Они только способ выжить. А жить – это другое. Жизнь – это не деньги. Это то, что не имеет цены. Дом, мир, покой... То, что есть у вас.

Мигель перевернулся на спину и долго смотрел в небо.
– В конечном итоге, не имеет значения, что мы делаем на земле, – глухо проговорил Мигель. – Здесь всё пройдет и все пройдут, и останется только это небо – синяя бесконечность.
– Я думаю, что ты неправ, – мягко возразил Марио. – Земная жизнь человека не бессмысленна. Не может быть, чтобы весь земной мир

был бессмысленным. Ведь, если он существует, – значит, в этом есть некий смысл. Только все мы видим этот смысл по-разному.
– Согласен, все видим по-разному, – Мигель сел. – У тебя есть родители, учеба, цели в жизни. Ты закончишь университет, у тебя будет приличная, честная работа. Ты будешь еще одной приличной, честной пылинкой в своем приличном, честном мире. А для нас все это невозможно. С самого начала у нас не было пути – было бездорожье: иди куда угодно, все равно никуда не придешь. И был только выбор: пасть или идти неведомо куда. Покончить со всем этим, не попытавшись бороться, или попробовать прожить еще немного. У нас нет другого выбора. Нет другого пути. Одним повезло родиться в обеспеченной благополучной семье, и у них есть жизнь, а кто-то рождается, чтобы блуждать по этому бездорожью, пока хватит сил или пока чья-то пуля не положит конец этой красивой бессмыслице нашего существования. О чем ты думаешь в свой день рождения? Может, благодаришь маму за то, что она дала тебе жизнь, или мечтаешь о том, что будет дальше. А мы – мы благодарим Бога за то, что прожили еще один год. О, дожить хотя бы до двадцати пяти лет – это достижение. Большинство уходит раньше.

Это был удобный момент. Марио сел возле Мигеля и, положив руку ему на плечо, осторожно спросил:

– А если все-таки попробовать изменить свою жизнь?
– Как? – Мигель снисходительно посмотрел на Марио. – Я будто разбитая ваза, которая была склеена, и трещины не видны, но они есть. После его смерти я не могу быть прежним.
– Я верю, что ты можешь, – вдохновенно ответил Марио. – У тебя правильные принципы, ты сильная личность, ты хороший человек. Почему же ты не смог бы жить в обычном обществе?
– Потому что оно для меня чужое, – твердо сказал Мигель. – Да, я хотел бы учиться в университете, иметь свойственные молодежи интересы... Хотел бы, но не могу. Для этого надо заново родиться. Мое сознание уже другое. Другой взгляд на вещи. Для вас все проще, легче, светлее. Вы как будто находитесь на поверхности, а мы – в темноте. В темноте повседневной смерти. Но и вы тоже однажды можете оказаться там же, если потеряете того, кого любите, заболеете, или случится что-нибудь еще... И знаешь, в чем различие? – Мигель внимательно посмотрел на Марио. – У нас есть силы так жить, а у многих из вас едва ли нашлись бы. Для вас несчастье, когда уходит девушка, а мы лишаемся самого дорогого – своих друзей, ежедневно рискуем собственной жизнью, чувствуем смерть рядом, но все равно *не теряем оптимизма*.

Мигель был непоколебим, но и Марио не отступал:
– Если у тебя достаточно сил, чтобы выдержать самое трудное, почему ты думаешь, что их не хватит, чтобы жить обычной жизнью? – Марио взял Мигеля за руку и пылко произнес, глядя ему в глаза:
– Оставь свою организацию – ради меня!

Мигель слегка усмехнулся и спокойно спросил:
– Ты можешь ради меня оставить свою семью?
– Могу! – с готовностью ответил Марио, продолжая крепко держать сикария за руку. – Если хочешь, я перееду к тебе. Я найду себе какую-нибудь работу – не у вас, конечно... И мы будем всегда вместе!

Мигель снисходительно смотрел на него:
– Ты не понял. Я имел в виду порвать с семьей навсегда. Ты мог бы сделать это ради меня?
– Ты настаиваешь? – с опаской уточнил Марио, отпуская руку Мигеля.
– Я только спрашиваю.
– Нет, порвать навсегда – это слишком, – взволнованно сказал Марио, озадаченный словами друга. – Нет-нет, я не смог бы. Это все равно, что похоронить своих близких. Я не смог бы сделать это даже ради тебя. И не думаю, что кто-то вообще должен идти на такую жертву ради любви или дружбы.
– А что ты тогда требуешь от меня? – мягко спросил Мигель. – Моя организация – это моя

семья. Я привык к своим людям, к своему командиру, мы единый организм. И ты хочешь, чтобы я оторвался от всего этого? Вот главная причина, почему я не могу уйти.

Марио опустил голову. Он явно проигрывал.

– Чертовщина какая-то... – пробормотал он. – Чертовщина!..

Он резко вскочил и беспокойно прошелся взад и вперед вдоль ручья перед Мигелем. Затем остановился и с отчаянием посмотрел на друга:

– Я еще не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас. Скажи, что мне делать? Ты не можешь бросить своих, я не могу смириться с тем, как ты живешь; что делать, черт побери?

– Радоваться тому, что есть, – ответил Мигель со свойственной ему невозмутимостью. Марио саркастически усмехнулся:

– Ха, радоваться! И думать о том, что, может быть, эта встреча последняя? Что вот этот поцелуй, это объятие, этот момент – что угодно – последние?.. Думаешь, это приятно?!

– А мы вот так и живем, – Мигель, полулежа на локте, наблюдал за взволнованным Марио.

– Но я не хочу так жить! – Марио опять прошелся взад и вперед.

– Тогда давай порвем, – спокойно предложил Мигель. Марио остановился, глядя на него:

– Не могу. Вот ты мог бы?

– У меня нет для этого причин. Если ты бу-

дешь представлять угрозу для нашей организации, тогда другое дело.
– Опять она! – Марио бессильно потряс кулаками. – Опять ваша организация! Как будто нет ни моей воли, ни твоей: все подавила – вытеснила – она... Да какого черта от нее должна зависеть наша дружба, наша любовь?!
– Поэтому я и говорю: давай порвем, – Мигель был на удивление невозмутим. – Ты встретишь другого и будешь счастлив.
– Ты так подталкиваешь к этому, что я уже начинаю сомневаться в том, что ты меня любишь, – холодно отозвался Марио.
– Именно поэтому и подталкиваю. Любить – это желать добра, а не просто желать, – мягко объяснил Мигель. – Я не хочу, чтобы ты мучился. Ты мечешься сейчас передо мной, как тигр нашего хозяина, посаженный в клетку, и мне больно видеть это.

Марио обессиленно рухнул на колени и с тоской воззрился на Мигеля:
– Я не могу порвать с тобой. Ты мне нужен, ты уже как часть меня, как будто наши судьбы переплелись, и у меня никогда не хватит сил разделить их. Если бы я видел в этом смысл, то смог бы. Но я не вижу смысла отрываться от тебя. Зачем? Ради моего спокойствия? Нет, лучше вот так метаться с тобой, чем спокойно сидеть в одиночестве или быть с другим.

Мигель подошел к Марио, опустился рядом и, обняв его за плечи, твердо сказал:

– Твои слова напоминают то, что я говорил о своей семье. Значит, ты можешь понять меня. Поэтому не требуй невозможного ни от меня, ни от себя. Смирись с положением вещей.
– Если ты уйдешь, я сведу счеты с жизнью, – процедил сквозь зубы Марио, глядя в землю.
– Если я уйду, ты будешь жить, как память обо мне, – тихо произнес Мигель.

Марио нечем было ответить, и он только молча прижался к груди друга, словно пытаясь укрыться от этого мира.

XXV

«Может быть, ты был в прошлой жизни жрецом и приносил жертвы богам?» – Марио, сидя в своей комнате, вспомнил свое шутливое предположение, сделанное в пещере. Возможно, в прошлой жизни Мигель действительно был жрецом, но в этой он был – жертвой на алтаре. Жертвой для божества, чье имя значилось на его кольце.

Ровесники Марио переживали оттого, что их девушки уходили к другим. У Марио любимого человека отбирала – организация. Эта вездесущая сила превосходила его, его любовь, его ценность для Мигеля. Поначалу Марио считал, что Мигель попал в западню, из

которой хотел бы выбраться, но не мог, и он, Марио, должен был ему помочь. Теперь он видел, что Мигель ценил свою «западню».

– Что делать? – Марио в отчаянии посмотрел в незавешенное черное окно. Полночь. Тишина, темнота, пустота. Как прежде в его жизни. Как при сотворении мира. Как будет после этого мира...

Марио подошел к окну и задернул шторы. Потом сел на диван и обхватил голову руками. Он не знал, что делать, и не с кем было посоветоваться. Да и мог ли кто-нибудь дать совет?

Он мог быть необычайно счастлив, но постоянный страх потерять Мигеля, неотступная мысль о том, что любая встреча может оказаться последней, не давали ему сполна наслаждаться своим счастьем. Его счастье было в тени смерти, и он не мог не думать об этом, как если бы он жил под прицелом.

Но самое плохое состояло в том, что он оказывался наедине со своим страхом. Ему было не с кем даже поговорить о том, что его мучило. Он не мог рассказать родителям о своей трудности, ибо они пришли бы в ужас и, возможно, донесли бы на Мигеля, дабы «спасти» сына от столь опасного знакомства. У него не было настоящих, надежных друзей. Он оставался один на один с этим изматывающим беспокойством, которое длилось обертоном с того самого дня, когда он узнал, что Мигель сикарий. Этот страх смотрел на него сквозь

все. Смотрел, как черное дуло, и не было от него укрытия.

Но, возможно, Мигель прав? Возможно, со временем он привыкнет и перестанет тревожиться? Со временем... А оно у них есть?

Марио вскочил с дивана и принялся расхаживать по комнате. Потом в отчаянии схватил телефон и набрал номер Мигеля. Да, сейчас ночь, и тот может быть на работе. «На работе»: патрулирует территорию картеля или участвует в боестолкновении, защищая свою все-превосходящую, вездесущую, любимую организацию...

Мигель быстро отозвался на звонок.

– Ты где? – спросил Марио, стараясь говорить спокойно.

– Мы празднуем день рождения одного из моих друзей, – непринужденно ответил Мигель. – А что случилось?

– Ничего, просто хотел услышать твой голос, – солгал Марио.

– Если хочешь, я могу взять машину, и мы поедем кататься за городом, – мягко сказал Мигель. – Я думаю, что ты взволнован.

– Я не хотел бы нарушать твои планы, – вежливо отказался Марио. Поездка не успокоила бы его.

– Тогда, может быть, привезти тебя сюда? – неожиданно предложил Мигель.

– Нет-нет, не надо! – поспешно проговорил Марио. Ехать в гости к мафиози – это едва ли

подходящий способ успокоиться...
– Значит, едем кататься, – подытожил Мигель. – Забираю тебя у дома. Буду на том же пикапе, – и он отключился, не дав Марио возможности отказать.

XXVI

Сикарий прибыл через полчаса. То ли он ехал быстро, то ли их расположение находилось неподалеку. Марио уже ожидал его у ворот, успев принять душ и переодеться. Родители спали, и Марио не опасался, что они увидят, как он уходит.

Мигель открыл ему дверцу, и Марио забрался в пикап. Он был бледен, и Мигель тотчас заметил это.
– Что случилось? – с тревогой спросил он, всматриваясь в лицо Марио. Тот решил не лгать:
– Я беспокоюсь за тебя.
– Не следует волноваться обо мне, – успокаивающим тоном ответил Мигель, похлопав друга по плечу. – Видишь, я был на празднике, а не воевал с противником. Может быть, все же привезти тебя к нам? – и он заботливо заглянул в глаза Марио. Тот спросил осторожно:
– Разве вы можете приводить к себе посторон-

них людей?
– С разрешения и с завязанными глазами. Ты даже не будешь знать, где находишься.
– Черт, это похоже на похищение! – весело рассмеялся Марио.

Мигель довольно улыбнулся на оживление Марио и предложил:
– Давай позвоню и попрошу о разрешении.

Марио стало интересно: все напоминало приключенческий фильм.
– Хорошо, звони! – сказал он с азартом.

Мигель достал телефон и кратко переговорил с кем-то. Затем сообщил Марио:
– Дали зеленый свет, едем. Только сначала внесем небольшие изменения в твой образ...

Мигель взял с заднего сиденья клетчатый платок травяного цвета, какой носили на шее военные в дополнение к камуфляжу, и стал бережно завязывать Марио глаза. Марио сидел покорно, чувствуя тепло сикария. Завязав платок, Мигель обнял друга, и тот ощутил его мягкие, горячие губы на своих. Потом Мигель тихо сказал:
– Ни о чем не переживай. Я уже пять лет работаю, и ни одна пуля не задела, – и он завел мотор.

XXVII

Марио ощущал только ход машины – сначала ровный, а затем стало трясти: по всей видимости, они съехали с главной дороги на какую-то проселочную. Мигель вел небыстро и осторожно.

Через некоторое время машина остановилась. Открылась дверца возле Мигеля.

– Проезжай, – сказал кто-то снаружи. Дверца закрылась, и машина опять поехала. Вскоре она вновь остановилась. Мигель выключил мотор и снял платок с глаз Марио.

– Приехали, – объявил он и добавил шутливо:

– Теперь ты в самом сердце мафии.

Марио с интересом посмотрел в окно. Перед ними виднелось большое белое одноэтажное здание, в окнах которого горел яркий свет. Возле здания стояли припаркованные черные пикапы.

– Ничего не бойся, – заверил Мигель. – Вреда никто не причинит. Если хочешь, можешь даже говорить с нашими, но не задавай лишних вопросов.

Марио не чувствовал страха – только легкое волнение, какое всегда испытывал, если предстояло знакомство с новыми людьми. Мигель мимолетно обнял его за плечи, после чего вышел из машины. Марио открыл дверцу со своей стороны и тоже выбрался на улицу. Происходящее казалось ему фантасмагориче-

ским сновидением. Может быть, он уснул, и все это ему снится?

Мигель провел Марио через двор в здание. Внутри было светло, чисто и даже уютно. Ансамбль из пяти человек в штатском играл веселую мелодию; несколько молодых людей в аккуратном зеленом камуфляже задорно плясали с АК-47 и AR-15 в руках; десяток зрителей (одни в военной форме, другие в стильной гражданской одежде) сидели на стульях вдоль стен. С потолка свисали разноцветные шары, а чистые побеленные стены были украшены яркими гирляндами.

– Как здесь хорошо! – с восхищением сказал Марио, оглядываясь по сторонам. Мигель провел его к стульям в углу:

– Присаживайся!

Марио опустился на стул, Мигель – рядом с ним. Некоторые из зрителей с любопытством посматривали на Марио, а один даже лукаво перемигнулся с Мигелем. Марио насторожился.

– Что это значит? – спросил он, наклоняясь к Мигелю.

– Все в порядке, это мой друг. Я немного говорил ему о тебе.

Марио успокоился и стал наблюдать за происходящим. Задорный темп музыки увлекал его; гирлянды мерцали в свете лампочек; вооруженные ребята ловко отплясывали в центре зала... Не было и намека на то, что

угнетало Марио: был просто праздник – с танцами, песнями и огнями. Такая же жизнь – по ту сторону закона, общества, мира...

Мигель поднялся и, мягко улыбнувшись Марио, вышел танцевать. Марио никогда прежде этого не видел и теперь смотрел на него во все глаза.

Марио всегда находил Мигеля необыкновенно красивым, то теперь тот поражал его своей привлекательностью. Стройный и высокий, в зеленом камуфляже, он танцевал слаженно и грациозно под аккомпанемент веселой музыки, как совершенное воплощение молодости, красоты и радостной жизни. Марио не мог отвести от него глаз, а его сердце преисполняли восхищение и гордость: ведь это был *его* Мигель. Этот красивый парень – самый красивый из всех присутствующих – был его другом, Марио мог обнимать его, мог прижиматься к этому соблазнительному телу, мог вдосталь целовать эти притягательные губы, мог наслаждаться им сколь угодно... Марио едва верил всему этому.

Тем временем, Мигель продолжал танцевать в центре зала, иногда бросая взгляд на Марио, как будто он тоже не мог поверить своему счастью...

XXVIII

Когда танцы закончились, Мигель предложил Марио остаться с ним до утра. Марио с готовностью согласился, надеясь, что родители не проснутся раньше обычного и не заметят его отсутствия.

Мигель провел его в свою комнату, находившуюся в корпусе того же здания.

– Мы пока здесь живем, а так у меня есть свой дом, в другом месте, – сказал сикарий, отпирая дверь. Они вошли в комнату, и Мигель включил свет.

В комнате было прибрано и очень чисто. Из предметов мебели там находились просторная кровать под простым бордовым покрывалом, коричневый шкаф для одежды, стол, застеленный белой скатертью, и черный деревянный стул. На столе стояло маленькое распятие из темного дерева с серебряной фигуркой.

На белых стенах не было ничего, кроме небольшого зеркала в неброской позолоченной раме. Единственное окно было плотно завешено коричневой шторой.

Мигель закрыл дверь на замок и повернулся к Марио.

– Мне, должно быть, все это снится, – проговорил Марио в радостном волнении, обвивая руками шею Мигеля. Мигель обнял его за талию и прижал к себе.

– Я тоже не могу поверить, что ты здесь, – любяще прошептал он и зарылся лицом в волосы Марио. Потом выпустил его из объятий, подошел к столу, вынул из-за пояса свой сияющий пистолет, бережно положил его возле распятия, постоял задумчиво несколько секунд и вернулся к Марио.

Совершенно по-дружески обняв Марио за плечи, Мигель крепко прижал к себе и держал так некоторое время, не произнося ни слова. Затем отошел к кровати, лукаво взглянул на Марио и принялся расстегивать ремень.

Марио намеренно медлил, чтобы полюбоваться Мигелем. Его всегда завораживало видеть, как его красивый друг раздевается.

Когда Мигель устроился в постели, Марио быстро сбросил одежду и забрался к нему. Мигель обнял его, и у Марио закружилась голова: настолько приятно было ощущать его горячее, гладкое тело.

Марио лег на спину, и Мигель принялся ласкать его, поглаживая и целуя. Марио не чувствовал больше никакого беспокойства: в той комнате за гранью мира все его опасения рассеялись под чарующими ласками Мигеля, как туман под солнечными лучами, и Марио наслаждался близостью своего возлюбленного, его теплом и любовью… Он наслаждался тем, что у него было. Благодаря Мигелю, он научился ценить то главное, что имел: жизнь.

5-23 сентября 2022 г.

Отрывки из устава CDG*

«[...] VII. Каждый командир должен знать своих подчиненных, их происхождение, менталитет, качества и недостатки, равно как иметь реестр персонала, экипировки и других ресурсов, наличествующих в его распоряжении.
[...] IX. Каждому надлежит быть всегда чистым и должным образом одетым (будь то гражданская одежда или униформа) и поддерживать свою одежду в отличном состоянии; удерживаться от неподобающих высказываний или кодового языка на публике и не привлекать внимания к себе, ибо каждый член представляет Картель и должен ставить цели организации превыше личных.
X. Надлежит быть пунктуальным в исполнении любого приказа, равно как поддерживать в идеальном рабочем состоянии все ресурсы в своем распоряжении, будь то материалы, экипировка, оружие, средства передвижения, офисы, системы радиокоммуникации и т.д.
XI. Обязанностью всех членов является поддержание хорошего физического и умственного состояния, равно как дисциплины, дабы быть готовым к любому заданию.
[...] XIII. Надлежит удерживаться от того, чтобы беспокоить гражданских, нарушать их покой или проявлять превосходство, злоупотребляя ресурсами, полученными от Картеля; надлежит защищать и охранять граждан, всегда проявляя к ним уважение. [...]».

---

* Материал 2023 года. Общее число пунктов – девятнадцать. Язык оригинала – испанский.

TABLE OF CONTENTS

The Shadows of Nothing (in English) 5

Тени из небытия (in Russian) 111

About the author

Olga Kawecka (b. 1987) is a historian, translator, poet, and prose writer. She speaks sixteen languages (English, German, Spanish, Italian, French, Swedish, Danish, Norwegian, Portuguese, Galician, Catalan, Latin, Aramaic, Pashto, classical Nahuatl, and Russian). She has authored twenty books, including seven collections of poems, a biography of Thomas Edward Lawrence (Lawrence of Arabia), an essay on the Dyatlov Pass incident, a photo book about the old Catholic cemetery in Grodno (Belarus), a collection of treatises on the life and works of the Swedish composer Joseph Martin Kraus and the German poet Johann Friedrich Hahn, etc.

Text, design, translation, and layout copyright © 2026 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilised in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without t/he prior written permission of the author.